

Ольга Брюс

Интернатовская

Повесть

Ольга Брюс

Интернатовская. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67713836

ISBN 9785005653369

Аннотация

Изгнанная из семьи собственной матерью, она смогла встать на ноги и доказать свою значимость и силу. Правда, ненадолго. Гордыня, зависть и самовлюблённость опустили её даже не на землю, а на дно самой глубокой ямы под названием «самопожертвование ради ребёнка». Бесконечные истязания хрупкой души привели женщину к отчаянному шагу – шанс остаться на улице. Кто поможет беззащитной женщине, и чем сердце успокоится? История основана на реальных событиях. Все имена изменены. Все совпадения случайны. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	31
Глава 4	41
Глава 5	84
Глава 6	99
Глава 7	113
Глава 8	118
Глава 9	141
Глава 10	158
Глава 11	173
Глава 12	182
Глава 13	188
Глава 14	197
Глава 15	225
Глава 16	236
Глава 17	243
Конец ознакомительного фрагмента.	245

Интернатовская Повесть

Ольга Брюс

© Ольга Брюс, 2022

ISBN 978-5-0056-5336-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Наши дни.

– Баб Маш, здравствуй! – Анастасия открыла калитку и вошла в соседский двор, придерживая за руку двухлетнего мальчика. – Ты дома?

– Дома, дома, детонька. Проходи, – пожилая женщина несла куриные яйца в подоле.

– Мы с Олежкой лекарства тебе принесли. Купила, что есть. На днях в город поеду, ещё посмотрю.

– Добро. Вы проходите, не стойте. Сейчас ужинать будем. Лёшик, хочешь конфетку? Для тебя стерегла, сама не ела, – соседка прижимала к себе подол, чтобы не растерять куриное «добро».

«Лёшик» любила повторять старушка, так как не признавала имя «Олег». И всё из-за своего непутёвого мужа, которого она люто ненавидела, хотя от него остались лишь память и пара кирзовых сапог с фуфайкой.

Мария уже больше семи лет живёт в полном одиночестве. Сын Пётр забыл о существовании матери после скандального развода с женой. Доживая остаток жизни, Маша часто говорила о сыне, внуках, но не признавала своей вины в распаде семьи. Местные жители жалели женщину, ругая Петра и не зная всей правды. Мария о своей молодости рассказывала так, как ей удобно, что-то скрывая или, наоборот, при-

бавляя лишнего.

– Сейчас, сейчас, – укладывая яйца в трёхлитровую банку, соседка торопилась угостить гостей ещё тёплыми пирогами. – А таблетки кинь на полку.

Анастасия подошла к буфету, отодвинула стеклянную перегородку и, обернувшись, спросила:

– Баб Маш, а откуда эта фотография? – заметила девушка. – Вроде бы её здесь не было...

– Это я из коробки достала, – плюхнувшись на табурет всем весом, бабуля пододвинула к мальчику тарелку, накрытую полотенцем. – Решила хлам перебрать.

– А кто это? – Настя положила пакет с лекарствами, присела за стол и посадила сына на колени.

– Это моя сестра, – тяжело вздохнула женщина, вытирая кончиком платка проступившие слёзы, – а рядом с ней – мамка... И два брата...

***

Конец пятидесятих

Маша Титкова родилась в деревне Починок Брянской области в семье простых рабочих. Её мать Ирина – обыкновенная женщина со своими принципами и жёстким характером. Целыми днями мать пропадала на птичнике, пока муж Филипп ездил в Брянск на заработки. Как только Маше исполнился год, Филипп оставил семью из-за новой любви.

– Ну, ушёл и ушёл. Я держать не стану, – мама гладила бельё с невозмутимым лицом. – Что ж он думает, я бегать за ним буду? Скатертью дорожка.

Через год Ирина вышла замуж за местного тракториста Василия, которому родила ещё троих детей. Васька ничем не отличался от местных рабочих: частенько выпивал горькую по выходным, ездил на рыбалку, где чаще всего напивался до беспамятства и возвращался домой без улова.

– Забудыга! – ругала Ирина мужа. – Да чтоб ты провалялся! Да сколько можно? Ни рыбы, ни спокойствия от тебя нет!

Схватив Ваську за шкуру, выпихивала его из хаты пинками с дальнейшими указаниями.

– Лезь на чердак, гнида! Чтоб я тебя в доме не видела! Проспишься – придёшь! – столкнув с крыльца обмякшее тело, отряхивала руки и возвращалась в дом.

– Ма-ам, а папка плохой? – протяжным голосом задала вопрос восьмилетняя Маша.

– Нормальный, – Ирине не хотелось ничего объяснять, пока внутри сидела злость. – Идите на улицу, поиграйте. Мне сейчас некогда.

Маша послушно выводила сестру и брата на прогулку, чтобы не получить от матери нагоняй. Никому не хотелось попасть под горячую руку Иры. Уж больно тяжела её рука в гневе. Лучше сходить к соседским детям и поиграть в жмурки.

– Айда на сеновал! – десятилетний Стёпка был жутким заводилой. – У меня там секрет.

– Не-е, лезь сам, – Маша помнила наказ Стёпкиной матери – не лазить в сарай, иначе леший украдёт.

– Трусиха! – Степан мигом вскарабкался на высокую лестницу и скрылся за чердачной дверью. – Нашёл!

Любопытная Маша уже потирала ручки – это ведь секрет, значит, что-то особенное, а может быть, даже волшебное, из сказки.

– Во, смотри! – мальчишка прыгнул с последней ступеньки и протянул девчонке пачку с папиросами.

– Ты что? Мамка заругает, – испуганная девочка спрятала руки за спину. – Она папку за такие лупит.

– Опять трусишь? – мальчишка посмотрел на соседку с прищуром. – Ну ты и...

– Это что у нас тут делается? – позади послышался знакомый женский голос. – Что у вас там?

Мария обернулась, испытав страх. К сараю подходила мама Стёпы. Недолго думая, мальчик дёрнул девчущку за локоть и вложил в руку пачку с вонючими папиросами.

– Это она принесла! – вытянул руку вперёд, указывая на обомлевшую Машу. – Я тут ни при чём!

– А ну, быстро домой! – разозлилась женщина, схватив соседскую дочь за ухо. – Такая маленькая, а уже балуется! Куда только Ирка смотрит?!

Ох, и попало девчонке от матери. Целый день горели уши

и пятая точка. Мария плакала, стоя в углу между деревянным столом и умывальником. Горько и обидно получить нагоняй ни за что.

– Ты у меня ещё получишь, – вытирая опухшее личико от слёз, приговаривая девочка. – У-у, Стёпка, я тебе это припомню.

Младшая сестрёнка, жалея наказанную Машу, то и дело подходила и гладила её по спине.

– Машенька, не плачь. Всё пройдёт.

– Отойди, – огрызнулась Мария и дёргала плечами. – Отстань, сказала.

– Катька, не трогай! Она наказана! – в дом вошла Ирина, затаскивая тяжёлые вёдра с водой. – Пусть постоит и подумает. Ишь ты! Интересно, кто научил папироску в зубах держать? Неделю будешь дома сидеть! Грядки полоть да коз пасти! Белянка замучила сбегать из поля. На мясо б пустить, да молочко больно жирное... Жалко...

– Ма-ам, ну пусти Машку, – Катюша схватила мать за подол платья и потянула на себя. – Она не брала. Это Стёпка.

– А Стёпка говорит – Машка, – Ирина поставила вёдра на лавку и разогнула спину со стоном. – Ох-хо-хонюшки, хо-хо... Стёпка хоть и взбалмошный, но не куряка. Мамке не врёт. Не то, что некоторые.

– Ма-ам, я видела, как он ей пачку дал, – не отставала от матери Катюша.

– О, и эта туда же. Да в кого вы все такие? А? – Ира се-

ла на лавку и стянула косынку с головы. – Машка врать научила? То котят притащат – сами пришли! То щенка! А кто на днях всё сено разворошил за сараем? Опять Стёпка?

Катюша смотрела на маму обиженными глазёнками и молча кивала головой.

– Так! – Ира поднялась с лавки и дала команду. – Грядки полоть, быстро! Машка, бери Катю – и на огород! А ты, Егор, присмотри за Фёдором! Сейчас коров пригонят! Пойду встречать!

Маша послушно взяла сестру за руку и вышла во двор. Усевшись между грядками на корточки, девочки принялись с особым азартом дёргать траву и бросать под ноги. Сёстры торопились, не замечая, как из-под руки вылетают молодые ростки моркови.

– Ой, – Маша упала спиной на соседнюю грядку. – Это же морковка! Катя! Смотри, что дёргаешь!

– Теперь и мне попадёт, – насупилась младшая сестра, вытерев земляной рукой вспотевший лоб.

Переговариваясь, девочки не услышали, как мать вошла во двор в компании коровы. Привязав кормилицу в сарае, Ирина проверила работу детей и даже похвалила.

– Молодцы. Идите в дом, сейчас ужинать будем.

Девчонки вскочили и побежали в дом наперегонки.

– Ирка! – к калитке подбежала женщина на вид лет тридцати. Запыхавшись, схватилась за частокол и наклонила голову вниз, пытаясь не задохнуться. – Беги скорей! Там Вась-

ку твоего везут!

– Куда везут? – чуть ли не басом спросила Ира.

– К фельдшеру! Помёр вроде как!

Ирина, приложив ладонь чуть повыше груди, рванула к медпункту. Не чувствуя земли под ногами, женщина неслась по разбитой дороге, словно на пожар. Мысли путались, слёзы застилали глаза.

«Не может быть, – крутилось в голове. – Васенька».

Василий утонул, запутавшись в сетях. Его закадычный друг Костя спал под плакучей ивой в опьяневшем состоянии и не слышал криков о помощи.

– Пить надо меньше, – судачили люди, сидя за столом на поминках, – авось и выбрался бы.

Глава 2

Прошёл год.

Ирина не могла смириться с тяжёлой утратой. Хмурое лицо, впалые щёки и перекошенный от горя рот добавили к возрасту ещё лет десять, а то и пятнадцать.

– Ир, возьми себя в руки, – птичницы уже не находили слов поддержки. – Хватит. Загонишь себя... раньше времени. У тебя четверо детишек. О них подумай.

– Кормить нечем, – складывая яйца в вёдра, вздыхала женщина. – Целый год на молоке да картошке.

– Ну-у, нашла о чём печалиться, – птичница Анфиса подхватила Иру за пояс. – Сколько твоей Маше? Девять? Она у тебя большая уже, смышлёная. Отдай в интернат, покуда малые подрастут.

– Да ты что, сдурела? – у Иры округлились глаза. – Мишку своего сдай, и дело с концом!

– Я ж тебе добра желаю, – Анфиса немного отклонилась назад от неожиданности. – Это ж не детдом, а интернат. Будешь приезжать к ней и на выходные забирать. Там и школа, и полный пансион. Слышишь? А опосля, как закончит обучение, ей дадут комнату в общежитие.

– Где этот интернат? – Ирина понимала: уж лучше так, чем впроголодь все вместе. Маша будет накормлена и под приглядом.

– В Брянске. А комнатушку она получит в самом городе. И станет твоя Машка городская.

Обдумав предложение, Ира решила отправить дочь в интернат.

– Пусть хоть у тебя жизнь сложится по-человечески, – собрала дочь в дорогу. – А там, глядишь, сестре и братьям сможешь, когда вырастешь.

Маша не очень-то и понимала, куда везёт её мать. Единственное, что радовало ребёнка – это сама поездка и новые подружки.

– А что мы там будем делать? – Мария поглядывала в окно автобуса с любопытством.

– Ты будешь учиться в новой школе, играть с детьми... – женщина украдкой вытирала слёзы. – А я буду навещать тебя по выходным.

– А почему мы Катю с собой не взяли? – с грустью в голосе спросила девочка.

– Катя будет приглядывать за братьями, – мама погладила Машу по голове и поцеловала в лоб.

Добравшись до интерната, Маша пристально посмотрела на маму и поёжилась. Не от холода, а от внутреннего дискомфорта. Девочке почему-то стало не по себе: напала тоска и грусть при виде серого неприглядного здания, приводящего в ужас. Открыв дверь интерната, Ирина завела ребёнка внутрь и передала воспитателю.

– Ну, что ж, пойдём, – женщина в возрасте бросила ко-

роткий взгляд на Ирину и попрощалась.

– Мамочка! – Машенька почувствовала неладное и бросилась к матери. – Не уходи!

Зажав рот рукой, Ира выскочила на улицу и что есть силы помчалась на остановку, не замечая никого вокруг.

– Стой! Куда? – крикнула воспитательница. – Нельзя убежать!

Маша встала как вкопанная. Почему мама ушла? Что такого ужасного совершила девочка, чтобы её оставили здесь, в жутком месте, среди чужих людей?

– Не балуй, – тётя взяла Машу за руку и повела на второй этаж. – Чего распереживалась? Мама скоро приедет. Ты здесь не одна остаёшься. Деток у нас много, подружисься. Сейчас покажу твою комнату.

Поднимаясь по деревянным ступенькам, девочка чувствовала себя неудобно. Куда ведут? Зачем? И как это «мама скоро приедет»?

– Тебя ведь Машей зовут? – поставив ногу на последнюю ступеньку, женщина остановилась.

– Угу, – ответила девчушка, не поднимая головы.

– А я Изольда Валентиновна, – воспитательница пыталась расположить к себе испуганного ребёнка.

Услышав необыкновенное имя «Изольда», Мария подняла голову и улыбнулась.

– Ну, вот и хорошо. Вот и славно, – Изольда погладила воспитанницу по голове, улыбнувшись.

Длинный коридор с приглушённым светом казался каким-то тоннелем, ведущим в никуда. Девочка перешагивала ватными ногами и озиралась. Столько закрытых дверей и тишина. Где дети, которых ей обещали? В самом конце коридора Изольда распахнула дверь, сказав при этом:

– Входи.

Девочка вошла в комнату и закрутила головой. А кроватей-то сколько! Маша посчитала количество койко-мест, загибая пальцы. Целых десять! И кто же здесь живёт, интересно?

Изольда приблизилась к кровати, стоящей у окна, и, хлопнув себя по бёдрам, воскликнула:

– Я же сумку с вещами забыла! – указала рукой на заправленную кровать и строго сказала. – Посиди, а я сейчас сбегаяю.

Маша кивнула головой, но садиться не стала. Подойдя к окну, выглянула во двор. Тоже ничего интересного: двор, как двор: с качелями, песочницей и деревянной горкой.

– У нас в деревне такие же есть, – пробурчала девочка.

– Ну что, освоилась? – Изольда вернулась, держа в руке тряпичную сумку. – Значит так, сейчас уроки закончатся, и ты познакомишься с соседками.

Вытряхнув из сумки детскую одежду, Изольда покрутила в руках платье.

– М-да, невелико приданое. Ну, ничего. У нас красоваться не перед кем. Девочки ходят в одинаковых платьях. Это

для порядку. Вот здесь, – подошла к невысокому шкафчику, – я приготовила для тебя форму. А теперь слушай описание: утром рано встаём, умываемся и идём на первый этаж. Строимся, выходим на улицу. Девочки покажут, где находится школа. Она тут, рядом. После уроков никуда не бежим, возвращаемся в интернат. Всё понятно?

Пожав плечами, девчушка опустила на кровать.

– Привыкнешь, – одарив ребёнка улыбкой, ещё раз погладила по голове. – Скоро обед. У нас очень вкусные оладьи пекут.

Как только Изольда вышла за дверь, послышался шум, доносящийся с первого этажа. Маша поняла – это галдят дети. Девочка вновь почувствовала неудобства. А вдруг они такие же, как Стёпка: вруны и обманщики. Обижать, наверное, будут, обзывать.

– Ты новенькая? – в комнату вбежала светловолосая пухленькая девочка и бросила портфель на соседнюю кровать. – Как зовут?

– Маша, – еле слышно ответила Мария.

– Манька, значит, – запрыгнув на покрывало, сложила ноги под себя. – А я Света. Сейчас наши придут, копуши. Тощие, а бегать не могут.

– Кто здесь копуши? – в комнате появилась ещё одна девочка худощавого телосложения. – Ты бы помолчала.

– А тебя не спрашивают, – огрызнулась Света и погрозила кулаком. Повернувшись к Маше, шепнула. – Не обращай

внимание, это Галька. Она у нас себя в командиры записала, но её никто не слушает, кроме двух дурочек.

– Каких дурочек? – Маше не понравилось, как девочки общаются между собой.

– А, сейчас увидишь, – сложив руки на груди и задрав нос, ответила Света.

В комнату вошли ещё две девочки, чем-то похожие на Галю: такие же худенькие и со светлыми волосами.

– Здраваться не учили? – Света держала себя на высоте, стараясь показать свою смелость перед Машей.

– Давно не виделись, – равнодушным голосом протянула подруга Гали, приблизившись к огромному коричневому столу.

– Вообще-то у нас новенькая, – пояснила Светлана, указав рукой на соседку.

– Ну и что? А скоро станет старенькой, – всё та же девочка не обращала внимание на нагловатую толстушку.

– У-у, злыдня, – помахав кулаком в воздухе, забубнила Света.

Комната потихоньку наполнялась маленькими жительницами разного роста и выражения лица. Кто-то, заметив Машу, улыбался и знакомился, а кто-то проходил мимо, не замечая новую соседку.

Скинув с себя школьное платье, Светлана перебралась к Марии.

– Дружить будем?

– Не знаю, – прошептала Маша, разглядывая девчонок.

– Будь рядом со мной, и никто не обидит, – бросая короткие взгляды на ненавистную троицу, не успокаивалась Света, продолжая хвастаться своей смелостью. – Они нехорошие и противные. Злят меня постоянно. Но вон той я наподдала, правда, Изольдовна ругала, но мне всё равно. Говорят, что я толстая...

Светка вскочила на ноги и покрутилась.

– Где? Нормальная я. Бабушка моя всегда говорила: «Толстые работают хорошо, и их хвалят, а худые от того и злые, что работать не могут и их ругают».

– А где твоя бабушка? – Маша оживилась, слушая хвастливую соседку.

– Эх, – Света присела рядом и заговорила печальным тоном. – Нету. Какой-то факт её убил.

– А кто это?

– Не знаю. Слышала, как соседка говорила, когда к нам гости приходили после кладбища: «Жить да жить, да факт его ети...»

– Понятно, – тяжело вздохнула Маша, сочувствуя своей новоиспечённой подруге. – А у меня папки нет.

– Бросил? – у Светы округлились глаза.

– Утоп.

– А-а, а Гальку батька бросил. Так ей и надо. А вот про мамку она ничего не говорит. К ней приезжает кто-то. Наверное, тётка или батькина подруга. Все её бросили, – рас-

сказывала Светлана с огромным удовольствием, смакуя каждое слово. – Мне-то что, у меня нету никого, а вот она ненужная.

Маша слушала, опустив голову. Ей было стыдно признать-ся, что мама её тоже бросила, если уж привезла сюда и даже не дала обещания, в какой день она приедет и заберёт домой в родной Починок.

С этого дня Света и Маша стали лучшими подругами: сидели за одной партой, помогали друг другу делать уроки, гуляли вместе, играли и вели разговоры о будущем. Света научила давать отпор недоброжелателям и даже обзываться.

– Главное, не молчать, а показать себя сильной и смелой. – учила подруга Машу после очередной потасовки с Галькой. – Пусть теперь жалуется. Не будет говорить обо мне гадости.

– Ох, попадёт тебе от воспитателя, – Маше было жаль Свету.

– Ну и что? Не страшно.

Пока подруги обсуждали соседку, дверь открылась, и в комнату вошла Изольда Валентиновна.

– Светлана, – строго посмотрела на девочку. – Ты опять? Ну сколько можно? Ты зачем Галю за волосы хватала?

– Уже пожаловалась, – пробурчала девчужка, поднимаясь со стула. – Она первая начала.

– Знаю я твоё «первая», – женщина подошла ближе и покачала головой. – Вы же подругами были. Что между вами произошло?

– Не подруга она мне больше, – Светлана украдкой посмотрела на Галю, стоявшую за спиной воспитателя. – А почему она обзывается?

– Нужно жить дружно, девочки, – Изольда повернулась к Гале. – Обзываться тоже нехорошо. Все вы люди. Вот вырастете и поймёте – нельзя обижать ни людей, ни животных. А теперь миритесь, но сначала извинитесь друг перед другом.

Галя громко вздохнула и подошла к Свете.

– Ну? Не слышу, – поторапливала Изольда обиженных детей.

– Извини, – первой протянула руку Галя.

– А я не буду, – Светлана сложила руки на груди и нахмурилась. – Она злая.

– Светочка, девочка моя, вы все в одинаковом положении. Никто не лучше и не хуже, а тем более, среди вас нет уродин. Каждая красива по-своему.

Света нахмурилась ещё больше, глядя на Галю исподлобья.

– Извинись и помирись, – настаивала воспитательница. – Мне не хочется тебя наказывать, так как знаю, что ты хорошая девочка. Или ты хочешь, чтобы я в тебе разочаровалась?

Вот кого-кого, а Изольдовну разочаровывать совсем не хотелось. Эта добрая и понимающая женщина заменила Светлане бабушку. Так же, как и бабуля, Изольда Валентиновна умела войти в доверие к детям, относилась по-доброму, гла-

дила по голове. Но самое приятное – от неё так же пахло пряниками и сдобой.

Не отводя глаз от воспитателя, Света извинилась и протянула руку.

– Ещё раз обзовёшься... – пригрозила девочка.

– Светлана, я бы тебя попросила, – Изольда перебила воспитанницу. – Нельзя мириться и тут же угрожать.

– Ла-адно, – протяжным голосом сказала Света и села на место.

– Вот и славно. Надеюсь, этого больше не повторится, – уходя, сказала женщина.

– Ещё как повторится, – прошептала Светлана, косясь на Галю.

– У-ф-ф, я уж думала, тебя в угол поставят, – выдохнула Маша, открыв учебник по математике. – Не хочется стоять у всех на виду. Стыдно.

– Стыдно, когда тебя унижают, – задрав нос кверху, произнесла Света. – Надеюсь, Галька останется одна. На всю жизнь.

Прошло несколько месяцев. Канун Нового года.

– Опять этой целый пакет конфет привезли, – Светлана завидовала Гале по-чёрному. – Везёт же.

– Она же тебя угостила, чего ты? – Маша откровенно не понимала придирки подруги к чужому «счастью».

– Сунула одну, как попрошайке, – стоя у окна, Света водила пальцем по запотевшему стеклу. – Так нечестно.

– Ей повезло... – Маша подошла к подруге, – а нам – нет.

Когда я вырасту, куплю целую телегу шоколадных конфет.

– Угу, пока ты вырастешь, эта Галька съест все конфеты.

– Не переживай, не съест, – успокаивала Маша.

– Машенька, – в комнату кто-то вошёл, и Маша обмерла.

Знакомый до боли голос заставил ребёнка не чувствовать пола под ногами. Маша медленно повернулась и, сорвавшись с места, подбежала к женщине.

– Мама! Мамочка! – обхватила Иру за пояс и прижалась к её животу. – Где ты была так долго? Я соскучилась!

Ирина поставила тряпичную сумку на пол и погладила дочь по голове. Девочки, наблюдавшие за душераздирающей сценой, замерли.

– А я не одна, – подняла голову Маши, взявшись за подбородок. – Со мной Катя.

– Где? – Мария закрутила головой.

– Катя! Иди сюда! Хватит картинками любоваться! – Ира позвала младшую дочь.

Катюша, оторвавшись от стенда с рисунками, побежала на зов. Влетев в комнату, с ходу вцепилась в сестру и прижалась к ней всем телом.

– Мама сказала, что ты теперь здесь живёшь, – плакала Катя, обнимая сестру. – А ты правда хочешь жить в городе?

– С чего ты взяла? – Маша немного отстранилась и посмотрела сначала в глаза Кати, а потом перевела взгляд на маму.

– Здесь тебе будет лучше, Машенька, – Ирина изменилась в лице. – Ты меня поймёшь, когда станешь взрослой. Мама своему ребёнку плохого не пожелает.

Маша никак не могла понять, что же хорошего, если она месяцами не видит сестру и братьев, скучает по матери и родному дому.

– Я домой хочу, – прошептала Мария и уткнулась лицом в старенькую вязаную кофту мамы. – Забери меня, пожалуйста.

– Тебя здесь обижают? – у Ирины сжалось сердце. – Кто? – Неправда! – в разговор влезла Света, почувствовав ревность к подруге. – Я за неё заступаюсь! Никто не обижает! У нас все дружные!

Светлане не хотелось отдавать Машу. Как это так, приехала какая-то тётка, которую Маша называет мамой, и заберёт подругу? Ну уж не-ет, это несправедливо. Только подружались, стали одной командой, практически сёстрами, и что? Домой?

– Я Света, – слезла с кровати, чтобы познакомиться с гостями. – Мы с Машей дружим.

– Подруги, значит, – улыбнулась Ирина, почувствовав облегчение. – А я вам гостинцы привезла.

Отцепив от себя детей, Ира подняла сумку с пола.

– Пирожки, конфеты... – выкладывала свёртки на стол. – Здесь мармелад...

– Откуда? – у Маши открылся рот от удивления.

– В магазине дали, – шепнула Катюша на ухо, – в долг.

Больше двух часов провели в интернате Ирина и Катя. Во время прощания Ира сдерживала слёзы, чтобы не расстраивать Марию. Катя ревела так, будто у неё случилось что-то непоправимое.

– Мы скоро приедем, – мама изо всех сил тащила дочь на выход. – Катя, какой позор. Автобус уйдёт без нас.

– Ну и пусть уходит, я хочу с Машей остаться! – всхлипывала девочка, вцепившись в руку сестры. – Мне без неё плохо!

– Больше не поедешь со мной, – Ирина начала нервничать. – Так и знала, надо было оставить тебя дома.

С огромным усилием удалось оторвать Катю от Маши и уйти из интерната. Мария смотрела из окна коридора и тихонько плакала, глядя на уходящих родных.

– Чего ревёшь? – утрашающим голосом спросила Света. – Мамка твоя, да? А чего молчала? Я думала, ты такая, как и я, – сиротка... Конфеты они ей привезли, мармелад...

– Не нужен мне мармелад, можешь забрать себе, – девочка вытерла слёзы и направилась в комнату.

– Не нужна ты ей, слышишь? – кричала вслед толстушка. – Если была бы нужна, она б тебя здесь не бросила!

– Верно, бросила... – пробормотав, Маша открыла дверь. – Катя ей нужна, а я – нет.

***

Катя сидела в автобусе рядом с мамой и постоянно хныкала:

– Я хочу к Ма-аше-е...

– Замолчи, – Ирине надоело слушать нытьё. – Ведёшь себя, как капризная девчонка.

– Маше плохо без нас. Она хочет домой, – всхлипывала дочь, размазав слёзы по лицу.

– Много ты знаешь, – Ирина достала из кармана старенького пальто носовой платок. – Вытрись. Ничего она не хочет. Вот как будут свои дети, сразу поймёшь – мать плохого не пожелает. Я хочу, чтобы у неё жизнь сложилась лучше, чем у меня. Ай, что б ты понимала...

Матери надоело объяснять, отвернув голову, она уставилась в противоположное окно.

– А вот всё я понимаю. Всё, – выдала Катя, высморкавшись в платок. – Мне в школе Танька Зотова сказала, что какой-то дядя Митя будет нам папкой.

– Что-о? – Ирина никак не ожидала сплетен.

– Я сама слышала, как вы ночью разговаривали. Проснулась – а у нас во дворе дядька...

– А ну, цыц! – мама прикрикнула на весь автобус.

Пассажиры обернулись и уставились на покрасневшую женщину с ребёнком. Катя втянула голову в плечи и замолчала.

чала.

– Ну, ты у меня получишь, – прошипела Ира, наклонившись. – Дома поговорим.

***

Следующий день заставил забыть о боли расставания с мамой и сестрой. Новогоднее настроение не покидало Марию до самого вечера, пока подруга Светка не напомнила о матери.

– Нину и Люду мамы забрали домой на праздник, – Света говорила язвительным голосом, искоса поглядывая на подругу. – Видала, какие варежки Людке привезли? Завидно.

– Ничего и не завидно, – насупилась Маша, вырезая снежинки, чтобы украсить окно.

– Ой, какая ты. Не поверю, что никогда и никому не завидовала.

– А зачем? – Маша подняла глаза на подругу. – У меня тоже такие будут. Когда-нибудь.

– Угу, будут. Пока вырастешь, их уже купят.

– Не купят. Научусь вязать и сама себе такие же...

– Вязать, – не дала договорить Светлана. Подбежав к Маше, отобрала ножницы и начала кривляться. – Бе-бе-бе-е, дурочка! Так и будешь сама себе всё делать... А вот я хочу жить богато. И чтобы ни с кем не делиться мармеладом и шоколадками.

– Не будешь делиться – тебе тоже не дадут, – Маша смотрела на прыгающую подругу.

– Ну и что? Всё равно у меня больше всех будет! Я точно знаю! – топнула ногой и взвизгнула от боли. – Ой!

Маша, испугавшись за подругу, вскочила со стула и побежала.

– Ой, больно! – зажав палец рукой, закричала на весь второй этаж.

Услышав звонкий крик, дети столпились у двери и начали по очереди заглядывать в комнату.

– Это всё из-за тебя! – взревела Светлана, обвиняя Машу. – Это ты виновата!

У Маши покраснели уши от страха. Почему она виновата? Это же Светка прыгала с ножницами в руках, вот и поранила палец. На шум прибежала воспитательница Алла Архиповна – злющая очкастая женщина невысокого роста и с рыжими волосами. Никто из воспитанников не хотел попасть в поле зрения Аллы. Одного её взгляда хватало, чтобы потерять дар речи на некоторое время. Маша замерла при виде Кобры, как называли Аллу дети.

– Чего орёшь? – Алла Архиповна, поправив очки на носу, задала вопрос строгим тоном.

– Вот, – заикаясь, Светлана показала окровавленный палец.

– И как это могло произойти? – окинув взглядом присутствующих, искала жертву для наказания.

Света опустила голову, не зная, что ответить. Вспомнив, что у Маши, как оказалось, есть мама и сестра, решила проучить непонятно за что.

– Это Машка! – скривив рот, выкрикнула девочка. – Она у меня ножницы отбирала! А ещё... а ещё она обзывается!

– Маша, – строгая воспитательница, нахмутив брови, подошла вплотную и схватила девочку за ухо.

В этот момент Маша вспомнила, как мать таскала её за уши, когда Стёпка врал наглым образом, подставляя соседку, чтобы его самого никто не наказал. Глаза девочки наполнились слезами. Стиснув зубы, Маша сдерживала слёзы, чтобы не показаться слабой плаксой.

– Сколько раз говорить, что острые предметы – это не игрушка? – сжав пальцы на детском ушке, Алла повела воспитанницу в угол. – А если бы в глаз попала, а? Осталась бы девочка инвалидом по твоей милости. Стой теперь в углу и подумай о своём поведении.

Уходя, Алла взяла Свету за руку, чтобы оказать первую медицинскую помощь.

– Да, праздника тебе не будет. Хулиганка, – бросив последние слова, Кобра удалилась, уводя за собой Светлану.

– Ничего себе, – Галя, которую так ненавидит Света, не выдержала несправедливости по отношению к невинному. Медленно подойдя к Маше, Галя положила ей руку на плечо и сказала:

– Надо пожаловаться на Светку. Она здесь уже всех до-

стала. А ты ещё подругой её считаешь.

– Я не предатель, – сквозь слёзы прошептала Маша, потирая покрасневшее правое ухо, которое жгло так, будто его обварили кипятком.

– Конечно, ты не предатель, а Светка – самый настоящий. Она никого не любит. И даже тебя... – Галя развернула к себе соседку и посмотрела прямо в глаза. – Маш, не водись с ней. Она очень плохая. Видишь, и тебя подставила. Ни за что тебе влетело. Я не знаю почему, но наша Кобра никогда не разбирается, кто виноват. Ты заметила, что со Светой почти никто не дружит?

Маша кивнула головой, проглатывая слёзы.

– Она всем уже надоела. Постоянно жалуется, ябедничает. А в прошлом году... – девочка наклонила голову и зашептала, – она украла у Нины шоколадку, а у Люды заколку для волос. И ей ничуть не попало. Успела выбросить в окно.

– А откуда ты знаешь, что это Света украла? – Маша перестала плакать, слушая Галю.

– Ася видела, – заговорила чуть громче, повернувшись в сторону, где сидела подруга.

– Да, – Ася подтвердила. – Я сама видела, а доказать не смогла. Алла Архиповна и меня наказала за враньё, потому что у Светки ничего не нашли. Успела выкинуть...

– Я хотела с тобой поговорить, – Галя продолжила вести разговор с Машей. – А эта толстуха постоянно рядом. Кулаком машет... Я с ней не справлюсь. Завалит на пол и свер-

ху садится, аж дышать не можешь. Маша, мы с девочками подумали и хотим тебе предложить: будь нашей подругой. У нас своих не обижают.

Мария никак не ожидала поддержки от Гали. Света столько всего о ней рассказывала, что сложилось впечатление, будто Галя противнее всех вместе взятых из всего интерната. Наслушавшись подругу, Маша сторонилась Галину и даже не пыталась подружиться.

– Ты согласна? Будешь с нами дружить? – Галя задала вопрос таким ласковым голосом, что эмоции Марии вырвались наружу в виде огромных солёных капель и дикого рёва.

– Да-а! – Маша обхватила шею воспитанницы дрожащими руками и затряслась в судорожном рыдании.

На школьную ёлку и вечерние танцы Машу всё-таки не отпустили. Галя с подругами не оставили девочку в одиночестве. Они устроили свой праздник в комнате: разложив на столе сладости, справили праздник в узком кругу. Света не оценила дружбу Маши с Галей. Ей взбрело в голову отомстить предательнице, но каким образом – она ещё не придумала.

Глава 3

Утром Маша проснулась в прекрасном настроении. Вчерашний день придал сил и оставил неизгладимое впечатление от общения с девочками. Кто бы мог подумать, что Галя и Ася окажутся такими дружелюбными и открытыми. Мало того, девчонки устроили голосование, кто за то, чтобы войти в их круг доверия и держаться всем вместе, не давая никого в обиду, говорить правду, не ябедничать и не смеяться над соседками. В этот круг вошли ещё две воспитанницы: Юля и Валя. Поднявшись с постелей, девочки принялись расчёсывать волосы и обсуждать, кому какие причёски нравятся. Галя помогла Маше заплести косички под названием «Дракончик».

– Хорошо получилось, – любовалась своей работой Галина, рассматривая причёску. – У тебя очень хорошие волосы, послушные. Не то, что мои...

– А мне нравятся твои кудряшки, – улыбалась Маша. – Очень красиво.

– Я бы хотела такие, как у тебя. Хоть отрезай да себе пришивай, – Галя посмеялась. – Ну, кто на очереди?

Девочки создавали очередь на «парикмахерские услуги». Те, кто не любил долгих манипуляций, причёсывались собственными силами, дабы не остаться без волос, как любила приговаривать Валя, которая гордилась своими густыми во-

лосами.

А вот Свете был объявлен бойкот: не разговаривать, не отвечать на её вопросы, не помогать – в общем, сделать вид, словно Света стала невидимкой.

– Ты у меня получишь, – сидя на кровати, толстушка бубнила себе под нос любимую фразу. – Вы у меня все получите.

Вечер.

– Девчонки! – в комнату вбежала Галя. – Айда на улицу! В снежки играть! Там так красиво снег порхает...

– Я с вами, – Маша вскочила с места. – Ася, Валя, собирайтесь.

– А я всё Изольдовне расскажу, – вставила свои пять копеек Света, которую распирало от злости.

– Ну и рассказывай, а воспитатель нас отпустила! – не держала Галя.

– Т-с-с, – Ася вступила в разговор. – Ты с кем разговариваешь? С невидимкой?

– Ой! – Галя вспомнила о бойкоте и тут же хихикнула. – И правда, что это я? Раньше нас было десять человек, а теперь девять, не считая того, что Нина и Люда уехали домой.

Светлана надула щёки, испытывая ненависть к Галине. Глаза округлились и, казалось, вот-вот выпадут из глазниц. Девочка засопела, сложив руки на груди и пытаясь не кинуться в драку. И так понятно, что у Гальки появилось ещё больше заступников. Её-то Света отлупит, а вот что делать с остальными? Боязно, а вдруг все волосы повыдергают?

– Очень-то и хотелось, – стиснув зубы, толстушка отвернулась к стене.

Одевшись потеплее, девочки высыпались на улицу с радостными криками. Зимой темнеет рано. После обеда на город опускаются сумерки, и фонари начинают свою работу, освещая там, где и положено.

– Как хорошо! – Галя встала под снегопадом, задрала голову кверху и раскинула руки в разные стороны. – Я счастлива!

Пушистые хлопья падали на лицо девчушки, попадая в рот и опускаясь на порозовевшие щёки. Беспорядочные «ватные» комочки таяли мгновенно на тёплой коже, оставляя после себя мокрое пятно.

– Нельзя есть снег, – Маша дёрнула за руку подругу. – Заболеешь.

– Я же не с земли его ем, а с воздуха! – звонкий смех Гали раздавался на весь двор интерната. – Машка! Вот это счастье! Посмотри, какая красота!

Маша покрутила головой и также подняла подбородок кверху. Тёмное небо с белёсым налётом напоминало море, которое Маша никогда не видела, но почему-то по очертаниям небесного купола стало понятно – это море с клубами волн, только потемневшее. Девочка представила, будто из этого моря падают кусочки пены и превращаются в снег.

– Сахарная вата, – произнесла Маша и открыла рот.

– Что? – Галя не расслышала.

– Вата, – улыбнулась подруга, взглянув на Галю.

– Точно! А всё это, – покрутившись на одном месте, Галя представила сказочную страну, – это мороженое «Пломбир»!

Ася и Юля стояли в стороне, наблюдая за тем, как девочки фантазируют. Услышав о мороженом, присоединились к подругам:

– Может, краски принесём и нарисуем леденцы? – предложила Юля.

– Монпансье, – поддержала Ася. Обратив внимание, что не хватает ещё одной подруги, задалась вопросом. – А где Валя?

– Наверное, опять шапку ищет, – усмехнулась Галина. – Пойду проверю.

Заходя в здание интерната, Галина обратила внимание, что Вали рядом с гардеробной нет. Пройдя чуть дальше по коридору, услышала плач, доносившийся со стороны лестничной площадки.

– Ты чего? – девочка увидела Валию, сидевшую на нижней ступеньке. – Пойдём с нами.

– Не могу, – рыдала Валя, держа в руке пальтишко. – Мне кто-то пуговички отрезал, а других у меня нет.

– Пуговички? – Галя наклонилась и присмотрелась. – Надо сходить к Изольде Валентиновне. У неё всегда есть про запас.

– Но таких, как у меня, нету-у, – ещё сильнее разревелась

девочка, поливая слезами пальто.

– Ладно, надевай моё и иди. Я потом погуляю.

Валя с радостью приняла предложение. Одевшись, выбежала на улицу.

Вдоволь насладившись зимней погодой и игрой в снежки, дети вернулись в здание. Розовощёкие, довольные и уставшие, поднялись на второй этаж. В комнате их ожидал неприятный сюрприз. Открыв дверь, Маша вошла первой и остановилась.

– Маш, дай пройти, – Ася слегка подтолкнула подругу в спину. – Чего встала?

Выглянув из-за остолбеневшей соседки, Ася ахнула. На полу валялись фантики от конфет и шоколада, школьные тетради, разорванные пополам, свалены в кучу, словно кто-то готовился разжечь костёр. Подушка Юлии была измазана красками, а из пододеяльника Валентины вырезаны неправильной формы круги – и весь этот хаос увенчался мокрыми матрасами.

– А где Галя? – настороженно спросила Юля, разглядывая бардак.

– Кто это сделал? – насупилась Ася, готовая вот-вот заплакать. – И как теперь спать? Всё мокрое!

– Ой, а что это тут у вас? – в комнату ввалилась Света, облизывая петушка на палочке. – А мне Кобра вот что дала.

Следом за Светой в комнату вошла Галя, неся в руках пальто Валентины.

– Кто это сделал? – еле выдавила из себя Галина, выкатив глаза.

– Кто-кто, ты, – Света надкусила сахарный петушиный хвост и плюхнулась на свою кровать. – Я всё видела. Твоя же койка чистая...

– Меня здесь не было. Я носила воспитателю пальто, что-бы...

– Так вот ты какая! – разозлилась Валя, выдернув из рук соседки своё пальто.

– Я? – растерялась Галина, побледнев. – Я только что пришла. Вы же сами видели.

– И я тоже, – ехидничала Светлана, дрыгая коротенькими ножками.

Сообразив, что виновного не найти, Маша сбегала за воспитательницей, объяснив ей всю ситуацию – спать теперь негде.

– Горе луковое, – Изольда стелила специальную клеёнку для маленьких детей поверх сырого матраса. – Кто это так умудрился? Сами небось...

– Мы только что с улицы вернулись, – всхлипывала Ася, расстроившись. – А тут – вот.

Изольда выручила детей и попросила, чтобы утром расправили одеяла и убрали клеёнку, иначе в матрасах заведётся плесень. Ложась спать, дети не переговаривались между собой, как это бывает каждый вечер. Девочки обиделись на Галю, а она, в свою очередь, как ни пыталась доказать

свою непричастность – отвернулась, не пожелав спокойной ночи.

– Её-то кровать сухая, правильно Светка сказала, – впотьмах послышался голос Вали. – А наши мокрые. Да и ещё все конфеты поела, ничего не оставила.

– Тише ты, – шикнула на подругу Юля. – А то ещё наябедничает на нас. Тогда всем попадёт.

Только Маша не вела разговоров и не злилась на Галю. Она не верила, что Галочка может так подло поступить со всеми подругами разом. Что-то тут не так.

Из-за деревенской привычки вставать пораньше Маша просыпалась первой. Открыв глаза и потянувшись, девочка присела на кровати. Ещё раз потянулась, широко зевнула и хотела было перекинуть косу вперёд, чтобы распустить, но, проведя рукой по шее, не обнаружила девичьей красоты.

– Господи! – Маша вскочила на ноги.

Хватая воздух позади шеи, не поверила, что косы нет. Испугавшись, завопила:

– Волосы отвалились!

– Чего орёшь, дура? – сквозь сон пробурчала Света. – Дай поспать.

Маша со всего размаху ударила по выключателю. Девочки проснулись от яркого света и, потирая глаза, нехотя встали.

– Ты совсем? Сколько времени? – Юле хотелось обругать соседку.

– Мои волосы, – заплакала Маша, проведя рукой по за-

тылку. – Волосы...

– Ох, ничего себе-е, – протянула Ася, сообразив, что произошло. – Куда они делись?

– Кобра отрезала, – захихикала Светка, откровенно радуясь чужой беде.

– А не ты ли? – Галя приподнялась с постели.

– Ой, а что это у тебя под подушкой торчит? – Валя уставилась на кровать Гали. – О боже, волосы...

Галя приподняла подушку, где и обнаружилась пропажа.

– А-ха-ха! – расхохоталась Света, закинув голову назад. – Ты же хотела волосы, как у Машки. Вот, получай. А ты, Машка, не плачь, тебе и с лысиной хорошо!

– Галя, – Маша никак не ожидала такого поступка от подруги. – Что это?

– Ты думаешь, я могла бы тебя обидеть? – глаза Галины наполнились слезами. – Это не я!

– М-да-а, – Валентина зевнула, покосившись на Свету. – Значит, ты правду вчера говорила о Гальке: подлая она.

Светлана напряглась.

– Когда она тебе об этом сказала? – Юля уставилась на Валю. – Мы же вместе вчера были, на улице.

– Ну-у, – Валентина замялась и покраснела.

– В столовой, – выпалила Света, пытаясь помочь Вале.

– Не ври, – Юля встала у своей кровати. – Валя со мной всё время была. Мы сидели у окна, а ты посередине.

– Ну, может, на празднике... – щёки Светы побагровели.

– Нас не было на ёлке. Ты одна ходила, – Юлия напирала, как истинный следователь.

– Валя! – Галина поняла, в чём дело. – Это ты сделала?

– Я? – Валентине стало не по себе. – Я ничего не делала...

– Посмотри на меня, – Галя подошла к подруге и присела на край её кровати. – Это ты пуговицы отрезала?

– Нет, это Светка... – проговорила Валя и побледнела.

– Ах! – все девчонки ахнули хором.

– Бесстыжая, – покачала головой Галина. – И матрасы, и тетради – это всё ты.

– Нет! – закричала Валентина, понимая, что шалость выплыла наружу. – Это Света! Я тут ни причём!

Валя упала головой на подушку и заплакала.

– Она мне шоколадные конфеты обещала, а потом оказалось, что у неё их нет. Мы взяли у девочек и съели. Конечно, к вам мамы и бабушки приезжают, а у меня только дядька, но я ему не нужна, – всхлипывала Валя, уткнувшись лицом в подушку.

– Какая же ты дура! – закричала Света, вскочив на одеяло. – Ты такая же, как и Машка — предательница! Все вы тут предатели! Ненавижу!

Рыдая, Светлана выбежала из комнаты. Подруги переглянулись несколько раз. Теперь пришёл черёд Вали объясняться, почему она пошла против Галины. Оторвав голову от подушки, Валентина села на кровати. Вытирая уголком одеяльника мокрое лицо, всхлипывала, хватала ртом воздух

и подёргивала головой.

– Света постоянно говорит о зависти, – заикалась девочка. – Мне тоже завидно. У Гали и платья красивые, и лицо. А я... я...

– Ну и глупо, – Галя приобняла подругу и слегка улыбнулась. – Моя бабушка всегда говорила: «Всё по воле божьей, лицом никто не обижен, а люди придумывают красоту сами».

– Как это? – успокоилась Валя, не понимая, что имеет в виду соседка.

– Некрасивых не бывает, все одинаковые.

– Точно! – подхватила Юля. – Знаете Таньку из шестого класса? Так вот, все говорят, что она как куколка, а по мне – страшная и горбатая. Бесит её родинка на щеке.

– Юль, хватит, – Галя говорила спокойным, ровным тоном. – Девочки, надо сходить к Изольдовне, попросить, чтобы Машу постригла. А ты, Маш, не расстраивайся, волосы вырастут.

Глава 4

Лето.

Ася и Юля суетились, собирая вещи в дорогу. Юля нервничала из-за предстоящей поездки. Сегодня девочки уезжают домой на каникулы.

– Никто не видел мою тетрадку в клеточку? – рылась в тумбочке Юля, выкладывая книги. – Никак не могу найти.

– Под подушкой, растяпа, – Маша протираала стол. – Ты же туда её прячешь.

Подняв подушку, Юля обрадовалась.

– А то меня мама ждёт. Надо поторопиться, – сунула тетрадь в небольшой чемоданчик. – Ась, ты скоро?

– Уже всё, – Ася надела сандалии. – Побежали.

Закончив со столом, Маша принялась за подоконник.

– Маш, а ты поедешь домой? – сидя на кровати, Галя складывала свои рисунки. – А за мной папа скоро приедет. Тётя Кристина сказала, что мы поедем на юг – отдохнуть.

– Везёт же, – Мария отодвинула в сторону горшок с алоэ. – Вот бы увидеть море...

– Не переживай, увидишь.

Ближе к вечеру комната опустела. Асю и Юлю забрали родители, Галю – вторая жена отца, Валя и Света ушли на улицу, всё-таки они стали подругами. Нина и Люда тоже покинули интернат на время каникул – уехали с родственниками:

кто в деревню, кто на отдых. Маша сидела у окна и скучала.

В деревне сейчас хорошо: повсюду полевые цветы, кузнечики, пахнет свежей травой и липой. Дети бегут на речку, чтобы искупаться в тёплой воде, позагорать и заглянуть в чужие сети. Ох, сколько раз рыбаки гоняли ребятешек, чтобы те не выпускали рыбу, но мальчишкам всё нипочём. Озорничают и проказничают. Наложат деревяшек в сети да в ловушки, а то и вовсе перетащат в другое место – ищи потом, дядя-рыбак, волнуйся. Интересно, а как там Катя, Егорка и Федя? Скучают или нет? Федька маленький ещё, наверное, и не помнит о старшей сестре, а вот Егор должен помнить, ему было почти пять лет, когда Машу отвезли в интернат.

– Стёпка-а, – прошептала Маша, вспомнив о соседском мальчишке. – Какой он стал? До сих пор сваливает свою вину на других или уже поумнел? А если на Катю?

Маша встрепенулась, представив, как мать наказывает сестру ни за что. Ой, нет, вряд ли. Стёпка не водится с малышнёй. Они ему не интересны. Он больше с Гришкой Советниковым водился. И что у них общего? Стёпа – проказник, каких свет не видывал, а Гриша из богатой семьи. Батяка у него председатель, а мамка – бухгалтерша. Мать всегда говорила: «Сытый голодному не товарищ». Правда, не совсем понятно, причём здесь голодный и сытый, и кто кому не товарищ? Ох, странные эти взрослые, говорят так, что ребёнку ни в жизнь не разобраться.

– Маша, – послышалось из коридора. – Ты тут?

Мария обернулась и увидела маму, заглянувшую в приоткрытую дверь.

– Мама? – девочка не ожидала увидеть мать сегодня. Да и вообще когда-нибудь.

Она уже не ждала маму, так как неопределённость научила не надеяться ни на что. Маша не побежала с радостными криками, как это делают соскучившиеся дети. Она медленно поднялась со стула, подошла и уставилась в глаза Ирины, опустив руки по швам. Мать и дочь смотрели друг на друга и молчали. Маша заметила невозмутимое лицо мамы: без улыбки, блеска в глазах, хотя глаза Иры уже очень давно стали холодными и пустыми. Мама особо не распространялась на ласку, в которой так нуждаются маленькие дети.

– Собирайся. Домой поедем, – как-то холодно произнесла Ирина.

– Насовсем? – Маша ощутила прилив сил от услышанного.

Вот, наконец-то, она приедет домой, в родной Починок, в котором родилась и выросла, где у неё есть друзья и родные. Маша обрадовалась даже Стёпке, представив, как она увидит соседа и поздоровается. Ну и пусть, что он такой задиристый, зато свойский.

– На лето, – с недовольством ответила мать, заходя в комнату.

И тут Машу понесло. Забегав по комнате, девочка то и дело останавливалась и прикладывала указательный палец ко

рту, вспоминая, куда она положила карандаши или расчёску.

– А что с волосами? – Ира только сейчас заметила короткую стрижку, похожую на каре.

– Ничего, – смутилась дочь. – Постригли.

– Вшей, что ли, нахваталась? – Иру передёрнуло.

– Нет. У нас их не бывает, – Мария держала в руках платье.

– Быстрей собирайся. Автобус скоро.

– Я сейчас, – торопилась Маша, закидывая свои пожитки в тряпичную сумку.

Выходя из интерната, Мария застряла в дверях.

– Ну, что опять? – Ирина нахмурила брови.

– Надо с Изольдой Валентиновной попрощаться, – девочка развернулась, но мать схватила её за руку.

– Обойдётся. Не в последний раз виделись, – дёрнула дочку на себя. – Я говорю, автобус ждать не будет.

В эту самую минуту Маша взглянула на мать, почувствовав, как мурашки поползли по рукам и спине. Девочка ощутила холод, исходивший от родного человека. Появилось ощущение неприязни.

«Чужая, – промелькнула мысль в голове. – Не мама – тётя».

До остановки шли быстрым шагом, чуть ли не бежали. Ирина всё время торопила девочку, которая отставала из-за тяжёлой сумки.

– Мама, сумка мешает, – застонала Маша, перекладывая

ношу в другую руку.

– Донесёшь, не маленькая уже, – не обращала внимание Ира на дочь. – Быстрей, а то опоздаем.

Заприметив издалека автобус, мама вновь поторопила Машу.

– Шевелись, иначе пешком пойдёшь. Какая-то ты нерасторопная стала.

Запрыгнув в автобус, Маша заняла свободное сиденье у окна.

– Пить хочу, – прошептала, задыхаясь.

– Дома попьёшь.

Всю дорогу Маша ощущала неудобства: то яркое солнце слепило глаза, то жажда одолевала, заставляя ребёнка чувствовать сухость во рту. В салоне настолько душно, что по спине потекли капельки пота, зачесались шея и голова.

– Точно вшей нет? – обратив внимание, как дочка чешется, Ира сморщилась.

– Да точно, точно, – насупилась девочка, положив руки на колени.

Наконец автобус притормозил у поворота на просёлочную дорогу. Осталось всего ничего – почти километр пешком до Починка – и ты дома. Лёгкая доля волнения одолевала Машу. Вот-вот она увидит Катюшу и братьев – такая радость!

– Сегодня надо сено переворошить, – выдала вдруг Ира, перешагивая через выбоины. – Мне некогда, Катя не справ-

ляется, от Егора толку нету – лодырь, а Федька мал ещё. Вечером на картошку пойдём. Поросла зараза – бурьян по пояс. Устаю, сил моих нету.

Маша слушала мать, представляя заросшую усадьбу. В голове предстала картина, будто ботву картофеля обхватили длинные «лапы» крапивы, прижав своей колючей листовой светло-зелёные ростки. Б-р-р, противный сорняк. Маша всей душой ненавидела крапиву с тех самых времён, когда мать отходила ею по рукам за орущего Федю. И неважно, что Федька сам виноват. Нечего было приставать к Белянке, вот она его ткнула своим мокрым носом. Хорошо, что не рогами. Представив, как коза мотает саблевидными наростами, девочка улыбнулась.

– Чего лыбишься? – Ира заметила улыбку и приняла её за издёвку. – Или ты думаешь, сменила место жительства, так матери помогать не надо?

– Я? – Маша подняла голову. – Не-ет.

– То-то же, – строгий голос матери держал в напряжении. – Кто не работает – тот не ест.

Вот это новости! Кто это сказал? Откуда у мамы такие речи? Никогда в доме Титковых никто так не говорил, даже батька.

Вот и дом показался за высокой берёзой, растущей у дороги. Ох, душа запела соловьиной трелью. Маше хотелось сорваться с места и ринуться к калитке.

– Ну, беги, беги, – Ирина будто прочитала мысли дочери. –

Только дверью не стучать! – крикнула вдогонку.

Девочка бежала, не чувствуя ног, втягивая через нос тёплый воздух и запах садовых цветов.

– Катька! – крикнула через калитку, не успев открыть.

– Ма-а-ша-а! – сестра выбежала из сарая, узнав родной голос.

Переполненная счастьем девочка забыла о куриных яйцах, бросив небольшое ведёрко на землю. Не выдержав силу земного притяжения, несколько яиц раскололись, обнажив содержимое.

– Маша, – Катюша обхватила руками сестричку. – Я так скучала, так скучала...

– Я тоже, – Мария прижимала сестру, чувствуя, как колотится её сердце.

– Ты больше не уедешь? – с надеждой в голосе спросила Катя, уставившись в глаза Марии.

– Я на всё лето приехала, – Маше не хотелось думать об отъезде. – А где Егор и Федя?

– Егорик на речке, а Федька спит, – нахмурилась Катя, отпустив сестрёнку. – У нас батька новый.

– Какой батька? – удивилась Маша.

– Дядя Митя. Он тоже спит, так что ты потише, а то мамка заругает, – Катя посмотрела вокруг себя и чуть не заплакала, заметив опрокинутое ведро у сарая. – Яйца! Ой, что сейчас бу-удет.

К детям подошла мать и сразу обратилась к Кате:

– Всё сделала, как я сказала?

Катюша громко глотнула, а потом кивнула головой, пытаюсь не смотреть матери в глаза.

– Сейчас яичницу нажарю, и сядем обедать, – Ирина вошла во двор. – После – я на ферму, а вы сено ворошить.

– На какую ферму? – задалась вопросом Маша.

– Мамка коров доить ходит, – шепнула Катя. – Давно уже. Нашу Зорьку отдали, а молочка хотца.

– С фермы носит?

– Бывает, но рассказывать об этом нельзя, – Екатерина говорила так тихо, что сестре пришлось прислушиваться. – Это тайна. Стёпкину корову тоже забрали и Танькину...

– Зато коза есть, – подбадривала сестрёнку Маша. – Пошли домой, у меня язык высох и в горле песок. Пить хочу.

На этот раз Кате крупно повезло, мать не стала ругать за разбитые яйца. Молча выбрав целые из ведра, принялась жарить. Маша, испив чистой колодезной воды, уселась за стол. Поглядывая на мать, спросила:

– Можно я к Стёпке схожу?

– Успеешь ещё. Сено, а потом гулянки, – Ирина переворачивала яйца желтком вниз.

– А чем это так вкусно пахнет? – в кухню вышел заспанный дядя Митя. Обратив внимание на Машу, поздоровался. – О, привет, Машуль, как оно?

Девочка растерялась, вылупив округлившиеся глазёнки на дядьку.

– Чего молчишь? Или воды в рот набрала?

– Откуда вы знаете? – выпалила девчушка, чем рассмешила нового члена семьи.

– Вижу, как из носа пузыри пускаешь, – рассмеялся Митя, сунув нос в засаленную сковороду. – М-м, яишня, обожаю.

Дядя Митя оказался неплохим мужиком: улыбчивым и весёлым. Маше он сразу понравился, как только она услышала его глуховатый смех.

Дмитрий Гóдин – худощавого телосложения и невысокого роста, жилистый и загорелый, с густой блондинистой копной на голове. Маша присмотрелась к дядьке и заметила сходство с её родным отцом Филиппом. А ещё она заприметила ярко выраженную хромоту. Дядя будто ковылял по воображаемым ступенькам на ровном полу, а всё из-за того, что одна нога была короче другой аж на три сантиметра. Ничего не поделаешь, вот таким он уродился. В свои тридцать Митя уже успел освоить несколько профессий: сторож, сапожник, пастух, слесарь и даже вязальщик. Очень ему нравилось это дело – вязать. Было время, когда он навязывал шерстяные носки и продавал их на автовокзале города Брянска. Именно там познакомился он с Ириной.

– Шерстяные носочки для сына и для дочки! – призывал к покупке Митя.

– Вам не в тягость,

А для ребятишек – радость!

Ножки в тепле – крепкое здоровье!

Покупай-налетай,
О себе не забывай!

Заслушавшись крикливого торгаша, Ирина стояла у вокзала, ожидая автобус, и улыбалась. До чего ж горластый, симпатичный, а как складно сочиняет. Улыбка не пропадает с лица на таком-то морозе. Зубы сводит, а парень знай себе зазывает покупателей, размахивая парой серых носков.

– Мать вяжет? – с интересом приблизилась Ира, разглядывая самодельный прилавок.

– Сам, – с гордостью ответил Митя, подмигнув.

– Да ну-у, не может быть, – Ира оторвала взгляд от товара и подняла глаза. – Чтобы мужик да вязал?!

Женщина захохотала во всё горло, представив, как деревенские мужики сидят на крыльце своего дома и вяжут деревянными спицами бабские кофты.

– Я и варежки могу, – Митю прошибло потом от чувства стыда, – и рейтузы...

– Чего? Рейтузы? – смех Ирины теперь уже напоминал гогот с примесью поросычьего визга.

– Отошли бы вы, барышня, а то всех покупателей распугаете, – предложил Митя.

Пока Ирина насмеялась над мужским занятием – пропустила автобус. Пришлось ждать следующего, а это почти три часа.

– Тьфу, ну что ж ты будешь делать? – смотрела на уходящий транспорт, стоя рядом с носками. – А всё ты: по-

купай-налетай. Юная вязальщица, – хихикнула напоследок женщина и отправилась внутрь здания, чтобы погреться.

Примерно через час в дверях автовокзала появился и Митя. Ирина сразу обратила внимание на его хромоту. Мужчина кое-как доковылял до свободного места, держа под мышкой сложенный деревянный столик и свёрток.

– Божечки, – прошептала Ира, пожалев инвалида. – Вот я дурында...

Не теряя времени, женщина решила извиниться. Поднявшись с насиженного места лёгкой походкой подошла к парню.

– Опять вы? – заметив приближающуюся хохотунью, Митя отвернул голову.

– Ты не обижайся, слышь? – лицо Иры зарумянилось от стыда. – Я же не со зла... Ну, не видала, чтобы мужики таким делом занимались.

– Не видала она, – вполголоса произнёс парень и повернулся. – А сама-то, небось, не умеешь.

– Умею, я всё умею, – нежным голосом заговорила Ира. – Не берут на работу?

– Нет, – опустив голову, ответил Митя.

– Сам-то откуда?

– Из Первомайки.

– Да ну! – воскликнула Ирина, подпрыгнув на лавке. – Это ж рядом с нами.

– А вы куда путь держите?

– В Починок.

– Любопытное совпадение.

– Ничего любопытного, – женщина перестала восклицать. – Деревенские часто в город ездят по своим делам. А чего в своём селе торговлей не занимаешься? У вас народу ого-го будет.

– В Брянске побóле, – Митьке не хотелось отвечать на неудобные вопросы.

– Ясно, – разговор сошёл на нет.

– Значит, на одном автобусе поедем? – спохватился Митя.

– Угу, – женщина скрывала радость на лице.

Дождавшись автобуса, Ирина и Митя заняли последние места.

– Завтра опять в город? – мужчина поставил столик между коленями.

– Нет. Теперь уж и не знаю когда, – расстегнув пальто, Ира глубоко вздохнула.

– А-а, дети малые, муж...

– Да, но без мужа...

За почти четыре часа дороги Ира и Митя узнали друг о друге практически всё. Ирина, слушая собеседника, всё больше и больше замечала его привлекательность: как он говорит, подёргивает плечом или поправляет волосы на затылке. А вот Дмитрий думал не о привлекательности этой молодой женщины, а о том, почему не хочется расставаться.

– Адресок оставишь? – осталось буквально пару остано-

вок, и Митя заволновался.

– Зачем это? – опешила женщина.

– Мало ли в Починок ехать понадобится, а остановиться негде, – юлил парень, поглядывая в окно, чтобы не пропустить свою остановку.

– Запоминай... – Ирина рассказала, как найти её дом, и назвала свою фамилию.

– Понял. Ну, жди в гости, – Митя поднялся, взял подмышку свои вещи и двинулся к выходу.

Ирина сразу почувствовала тоску по этому симпатичному мужчине.

– Да ну, кому нужна многодетная мать... – проводила взглядом собеседника. – А такой хороший парень...

Хороший парень появился в деревне сразу после Нового года, объяснив свой приезд душевной тягой и бессонными ночами. Ирина не стала ломать из себя дурочку. Признавшись в своих чувствах, предложила Мите жить в её доме.

– А я люблю детей, очень, – Митя жадно ел отварной картофель и запивал его киселём. – Нас у мамки шестеро было. Я – младший.

– И где они? – Ирина слушала, подперев подбородок рукой.

– Нету, я один остался, – проглотив кусок картофеля, мужчина загрустил. – На войне потерялись.

***

Пообедав яичницей со свежей зеленью, сёстры собрались на сено.

– Подождите, я с вами, – Митя допил козье молоко и встал. – В одиночку не справитесь.

– Полежал бы, Мить, – Ирине не хотелось, чтобы её мужчина утруждался. – Девчонки сами справятся, не маленькие уже.

– Не, подсобить надо, – Митя настаивал на своём. – На-лежался уже.

– Лучше бы Федьке обувьку починил, что ли...

– Лето, Ира, босиком пусть бегаёт, для здоровья полезно.

Митя часто говорил о здоровье, так как волновался за детей. Он прекрасно помнит, как болел в детстве и мать ухаживала за ним, укутывая потеплее после выпитого горячего молока. Мужчине запала в душу материнская забота и переживания за каждого ребёнка – это и отложилось в памяти.

Накинув грабли на плечо, мужчина взял за руку Федю и повёл в поле. Сёстры шли рядом, переговариваясь: Маша рассказывала об интернатовской жизни, а Катя слушала и удивлялась, сколько много девчонок остались без родителей.

– Так и будут жить в интернате всю жизнь? – беспокоилась Катя за подруг сестры.

– Нет, нам Изольда Валентиновна рассказывала – после окончания школы надо идти учиться дальше, а потом работать.

– А куда учиться? В нашу школу?

– В училище или институт.

– А что такое институт? У нас в деревне нету такого.

– Это как школа, только там учат, как работать надо.

Митя похрамывал, слушая девочек, и вспоминал о своём училище, которое он так и не смог закончить из-за собственной ошибки. Его исключили из-за драки, но свою невиновность доказывать не стал. Посчитал, что это не по-мужски – оправдываться, хотя схлопотал Митя изрядно.

– Вот и пришли, – отчим скинул с плеча грабли и осмотрел масштаб работы. – М-да-а, девчонки, застрянем мы здесь до самого вечера.

– Не-а, – усмехнулась Маша, схватив орудие труда с коротким черенком. – Одному тяжело, а нас трое.

Девчушка покосилась на пожелтевшие дорожки будущего сена и позвала сестру.

– Становись первая, потом я, а дядя Митя пусть после нас ворочает, – раскомандовалась Маша.

– А Федя? – Катюша заволновалась за младшего братика.

– А что Федя? Пусть цветочки собирает.

Митя и сёстры встали в ряд друг за другом и принялись за работу. Мальчик Федя, по настоянию старшей сестры, принялся бегать по нескошенной траве и собирать коло-

кольчики и васильки. Мальчишке хватило всего десять минут, чтобы хоть как-то отвлечься, пока вокруг не появились огромные жужжащие мухи, которые так и норовили укусить за голые ножки.

– Ай-ай! – завопил братишка и заплакал.

Бросив на землю грабли, Маша подбежала к Феде.

– Что случилось? – подняла подол платья, чтобы вытереть лицо ревущему брату.

– Муха! – тыкал пальчиком мальчик в воздух.

– Слепни... – вздохнула Мария, понимая, что эти кусачие твари так просто не оставят в покое ребёнка, пока не напьются молодой крови.

Сообразив, что произошло, Митя снял рубашку и укутал ею мальчика.

– Не стой на месте, бегай, прыгай, – застёгивая пуговицы, повторял отчим. – Они не пристанут, если шевелиться будешь.

Маша слушала нового папку и поражалась: столько заботы от чужого дядьки она никогда не видела. Даже родной отец не обращал внимания на детей. Часто приходил домой уставший или пьяный, а то и вовсе спозаранку сбегал на речку, чтобы якобы наловить рыбы, а сам со своим другом распивал горькую. Ох, как мамка ругалась, даже кулаками махала, угрожая батьке расправой.

Вспоминая отца, Маша вернулась на исходную позицию и продолжила переворачивать подсушенные пласты сена.

Работа была закончена ближе к вечеру. Из-за ощущения ломоты в руках, плечах и даже в пояснице Марию потянуло в сон. Шутка ли, девятилетняя девочка так умаялась, что чуть не потеряла сознание под палящим солнцем. А лето в этом году особенно знойное.

Вернувшись в дом, девочки сразу же пошли в комнату, чтобы прилечь и немного отдохнуть. Митя занялся ужином, усадив Федю за стол.

– Пришли уже? – в открытую дверь заглянул Егор. – А я только с речки...

– Егор, – Митя строго посмотрел на мальчика, поставив ведро с картошкой на пол. – Может, хватит отлынивать? Вон сёстры твои от усталости с ног свалились, а ты?

– А что я? – мальчик схватил со стола краюху чёрного хлеба и жадно откусил. – Mamka говорит, что я ещё маленький.

– Немаленький, это я тебе, как отец, говорю.

– Ты не мой отец, – Егор нахмурил брови и вышел на улицу.

– А нашего папку Васькой звали, – поддакнул Федя, покачивая ножками.

– Теперь я ваш папа, – не поднимая головы, отчим продолжил чистить картошку.

Примерно через полчаса Ирина вернулась с фермы. Снимая на ходу косынку, плюхнулась на табурет и положила одну руку на стол.

– Руки ломит, – сказала вслух и вздохнула. – Зорька

не признаёт после того, как я её сдала. Лягает копытом и смотрит, как на врага народа.

– С характером, – перемешивая картофель в сковороде, поддержал разговор Митя.

– А девки где? – спохватилась мать, понимая, в доме стоит полная тишина.

– Устали, спят.

– Куда спать? – заговорила Ира громким голосом. – Картошку полоть кто будет? Поросла, не прорастёт!

– Я доплю. Там осталось всего-то борозд пять или шесть.

– Мить, может, местами поменяемся, а? Ты будешь гряды полоть, на дойку ходить, вязать, а я...

– Унизить меня хочешь? – муж изменился в лице. – Всё с бабой сравниваешь?

– Не-не, – Ира поняла: если сейчас продолжит в том же духе, то и этого мужика потеряет. – Митенька, ну ты чего? Обиделся? Да я ж тебе только добра желаю. Не гоже мужикам на усадьбе спину ломать...

– А без работы сидеть – самое то, – выключив керогаз, Митя сел на свободный табурет.

– Не переживай ты, устроишься. Лето длинное.

– А жизнь – короткая. Приехал, как нахлебник...

– Никогда так не говори, – Ирина взяла мужа за руку. – Никакой ты не нахлебник, вона сколько по дому делаешь. У других мужики в хате только командовать могут, а ты у меня другой: заботливый, детишек любишь.

– Кусок в горло не лезет. У тебя четверо, а тут я ещё... – Митя совсем загрустил, стыдясь своего положения.

– Не переживай, всем хватит, – задумчиво сказала Ирина.

В этот вечер поход на усадьбу сорвался. Девочки так умялись, что проспали до следующего утра.

– Вставайте, сони, хватит дрыхнуть! – мать готовила завтрак. – Быстрее! Скорей! Пока солнце высоко, надо по картошке пройтись.

– А что, уже утро? – Катя села на кровати.

– Ой, – спохватилась Маша, протирая заспанные глаза.

Катюша спрыгнула на пол и выскочила в кухню.

– Мама, а чем это так вкусно пахнет? – устроилась на табуретке, вытянув шею.

– Оладьи, – Ирина помешивала тесто деревянной ложкой в алюминиевой кастрюле.

– М-м, – Катя прикрыла глаза и облизнулась. – Каждый день бы их ела.

– Каждый день не получится. Зато я знаю, где хорошо кормят.

– Где? – девочка распахнула ресницы и подняла брови ко лбу.

Ирина поставила кастрюлю на стол и облокотилась о столешницу.

– В интернате. Хочешь туда поехать вместе с Машей? – задала вопрос полушёпотом.

– Насовсем? – насторожилась девочка.

– Ну, почему же? Будете приезжать на каникулы. Сама видишь, летом много работы по хозяйству, а зимой здесь делать нечего.

– Хм, – задумалась Катя, вспоминая рассказы сестры о беззаботной и сытой жизни в казённом учреждении. – А я жить вместе с ней буду?

– С ней, – слукавила женщина и выпрямилась. – Ты пока никому об этом не говори, а как придёт время уезжать – расскажем вместе. Вот Маша обрадуется.

– А почему не говорить?

– Мальчишки за вами увяжутся, а их не возьмут – маленькие ещё. Будут плакать. Ты уже большая, понимать должна.

Катюша встала на ноги и улыбнулась. Ох, как будет здорово, когда она переедет в интернат! Там и конфеты дарят, и оладьи пекут, а ещё очень много детей – вот весело-то будет! Воспитательница добрая, не то, что Агриппина Марковна – очень уж привередливая, до каждой буковки доколупается, а потом ещё и ругает при всех. А в интернате никто ругать не будет. Спать ложиться не заставляют, ложись хоть в двенадцать ночи, только утром чтоб как штык. Коз кормить не надо, убирать навоз – тоже, дрова таскать и печь топить... Господи, рай, а не жизнь.

Обмозговав все «за» и «против», девочка громко ответила «Да!»

– Что «да»? – Маша присоединилась к завтраку.

– Да, говорю, очень вкусные оладьи, – схватив маленький

горячий блинчик, Катя с усердием подула на него.

Покормив детей, Ирина ушла на работу. Сёстры запили завтрак травяным чаем и отправились полоть усадьбу. Бегая по дороге наперегонки, девчонки шутили, смеялись и радовались утреннему солнышку, зажмуривая на ходу глаза.

– Интересно, а что там? – Катя притормозила и подняла голову кверху.

– Где там? – чуть поодаль остановилась и Маша.

– Там, – Катюша показала пальцем в небо, – наверху. Мама рассказывала, папка туда ушёл и бабушка с дедушкой. Будто наблюдают за нами, а сказать ничего не могут.

– Наверное, – пожала плечами Мария, рассматривая облака, похожие на тонкий слой ваты. – А мне всё это море напоминает.

– Не-а, – засмеялась Катя. – Какое море? Оно чёрное, а небо голубое.

Маша быстрым шагом подошла к сестре.

– А ещё есть красное и белое.

– Да ну-у, – Катя удивлённо посмотрела на сестру. – Прямо красное-красное?

– Ага.

– И белое, как молоко?

– Ага.

– Откуда ты знаешь?

– Девчонки рассказали, а ещё я книгу у старшеклассниц видела. География, кажется, называется.

– Какая-токая биография? – изумилась Катя, не понимая, о чём это говорит сестра.

– А-ха, – усмехнулась Маша, взяв девочку за руки, – не биография, а ге-о-гра-фия. Поняла?

Катюша часто-часто замотала головой в знак отрицания.

– Ладно, потом объясню. А сейчас, побежа-али-и! – потянула сестру за собой, разгоняясь на пыльной дороге.

Проснувшись, Митя поднялся на руку и прислушался: за окном переговариваются Маша и Катя. Пока мужчина умылся и разбудил мальчишек – сестёр и след простыл.

– Поторапливаемся, – подгонял Федю и Егора. – Завтракаем – и на польбу картошки.

– Ага, сейчас, – огрызнулся Егорка, проглатывая пятый оладушек. – Им делать нечего, вот и пускай идут, а у меня дел по горло.

– И каких же? – поинтересовался Митя, подвигая к сонному Феде кружку с козьим молоком.

– Разных. Надо на речку – проверить сети... – Егор на ходу придумывал неотложные дела. – Да мало ль чего ещё надо.

– Э-э, не-ет, друг. Сейчас перекусим и на усадьбу, – Митя давно понял: Егорку надо перевоспитывать трудом, иначе вырастет знатный лодырь и пройдоха.

– Я тебе не друг, а ты мне не отец, – мальчишка насупился, глядя на отчима исподлобья. – Не имеешь право указывать.

– Во-первых, да, не отец, но по закону – муж твоей матери, а это что означает?

– Что?

– Отчим, то есть законный отец, хоть и неродной. И какой отсюда вывод?

Егорка вконец растерялся, не понимая, что от него хочет посторонний человек, пришедший в чужой дом несколько месяцев назад.

– Дядь, отстань, а?

– А вывод такой: я имею права тебя воспитывать и наказывать, если уж ты ведёшь себя хуже девок, – ответив строгим голосом, Митя в шутливой форме ударил кулаком по столу.

– Я всё мамке расскажу! – соскочил Егор с табурета и ринулся на улицу с криками. – Я скажу, что ты меня бил!

– Говори-говори, – спокойным голосом произнёс Митя и, повернувшись к Феде, улыбнулся. – Ну, а ты что?

Федька сидел смирно, медленно пережёвывая пышный оладушек и не сводя глаз с отчима.

– На картошку пойдёшь?

– Угу, – согласился мальчик, с трудом проглотив большой кусок вкуснятины.

С сорняками на усадьбе справлялись лихо. Полоть девочки приучены чуть ли не с пяти лет. Огромные и толстые стебли сорняков разлетались в разные стороны. Сёстры переговаривались, наклонившись с двух сторон над картофелем, и посмеивались. Обратив внимание на борозду, Митя подумал: «Чёрт с ней, с мелкой травой, сам уберегу». Приняв привычную позу, мужчина принялся полоть двумя руками.

Старался изо всех сил, обгоняя детей, чтобы им досталось работы поменьше.

Как только солнце поднялось выше над горизонтом, Митя скомандовал «отбой». Невозможно полоть в жару, солнце печёт и жжёт кожу, нельзя позволить обгореть девочкам до красноты. Это не в лесу сено ворошить, на открытом пространстве ещё жарче.

– Почему так долго? – Ирина, не найдя приготовленного обеда, обошла краюхой хлеба с варёными яйцами и свежим огурцом.

– Пололи, – Митя подошёл к умывальнику ополоснуть лицо и шею.

– Ой, Мить, избалуешь девок. Вырастут лодырями да неумёхами, – женщина смотрела на мужа оценивающе. – Кто их замуж возьмёт?

– Возьмут, не переживай. Девчонки ладные и шустрые, – вытерся вафельным полотенцем и посмотрел на себя в маленькое зеркальце, висевшее над умывальником.

– Ох ты ж, – всплеснула руками Ира. – Какой заботливый. Чужие ведь, а, Мить. Не тянут?

– Ты б думала, что несёшь, – нахмурился муж, присаживаясь на табурет. – Дети – они и есть дети.

– А о своём не задумывался? – загадочный голос жены застал Митю врасплох.

– О своём? Думал, конечно... но...

– Митенька, – Ира смотрела в глаза мужа так, как смотрят

влюблённые женщины. – Бога молю о ребёночке. Так хочется понянькаться, сил нету.

– Погоди, Ира, – Митя не понимал, как можно хотеть ещё детей, если в доме шаром покати, да и старшая якобы по этой причине отдана в интернат. – Шутишь, что ли? А жить как? На что одевать, кормить?

– Справимся, Митенька, справимся, – женщина была ласкова, как никогда. Пересев на колени к мужу, встряхнула тонкими пальцами блондинистую шевелюру и громко засмеялась. – У нас семья, так?

– Так, – мужчине стало не по себе.

– А значит, что?

– Что...

– Неужели не хочешь сыночку кровного?

– Хочу. Кто ж от этого откажется?

– Ну вот.

– Ир, что люди скажут? Маша в интернате, а мы ещё одним обзавелись.

– И что? Кому какое дело? Пусть идут к лешему, у нас своя жизнь, – сложив губы, Ира отвернула голову.

– Это понятно. Только меня один вопрос мучает: вот смотри, мы народили сына, у меня с работой туго, а там и тебя дома с дитём посадят...

– Так это ж на пару месяцев всего, – Ирина заговорила другим тоном, более язвительным. – Выйду на работу, буду так же молоко носить. Малого – в ясли.

– Ох, – громко вздохнув, Митя снял жену с коленей и встал. – Ерунда какая-то.

– Нюрка Гвоздикова, между прочим, одна шестерых подымает, и ничего, справляется. И никто из баб не корит, что все дети от разных, а ты тут такую демагогию развёл, аж тошно.

– Причём тут «от разных»? – возмутился муж, поправив волосы на затылке. – Я о детях толкую.

– Да поняла я, не хочешь, так и скажи, – Ира набрала в ковш воды. – Дом есть, огород, хозяйство – что ещё для счастья надо?

– Чтобы все вместе были, – добавил Митя, присев за стол. – Видела, как Маша обрадовалась родному дому?

– И что? – сделала несколько больших глотков. – Она уже большая, всё понимает. Отучится, получит комнату и останется в городе.

– А ты её спросила, нужен ли ей город?

– Сам подумай, устройтся, а потом сестре и братьям поможет, – накрыв крышкой ведро, поставила ковш сверху.

– Ясно, – Митя не стал спорить с женой. Поднявшись, вышел на улицу.

Возмущению не было предела: завести детей не проблема, вот только как растить? Уповать на государство? Мужчина к этому не привык. Он всегда считал, что сам должен добиться чего-то в жизни, чтобы перед детьми не было стыдно в будущем. Да, судьба сыграла с ним жестокую шутку – родил-

ся инвалидом, но мама всегда повторяла: «Значит, Богу так было угодно. Не всем же красивыми рождаться. Да и на твою долю счастье найдётся. Нельзя опускать руки и жаловаться». Эти слова Митя запомнил на всю жизнь. Бывает, что ж, кому-то здоровым родиться, а кому-то с короткой ногой – ничего страшного. Главное, руки-ноги есть, и на этом спасибо.

– Мам, я кушать хочу, – Катя с ходу запрыгнула на табурет и положила ручки на стол. – Так хочется вкусенького...

Ирина с недовольством посмотрела на девочку и позвала Машу.

– Покорми детей, а то мне некогда. Тороплюсь.

Мария нарезала чёрный хлеб, налила в кружки молока и позвала Федю.

– А Егор где? – задала вопрос Ира, надевая калоши.

– Его с нами не было, – Маша крошила мякиш хлеба в кружку. – Он непослушный, мам.

– Ничего страшного. Не сегодня так завтра поможет, – Ирина выпрямилась и дала следующее указание. – Белянку попасите, огород не забудьте полить. Да, Маш, простирни одежду ребятишкам. Ох, устаю так, что ноги еле волоку.

Кивнув головой, Маша села за стол.

Вечер.

– Куда таз тащишь? – Митя заметил Машу с огромным тазом, наполненным детской одеждой.

– Постирать, мамка наказала, – побряхтывая, девочка еле передвигалась в сторону бани.

– Постирать? – мужчина нахмурился. – А сама она не может, я так понимаю. Ну ладно, я с ней ещё поговорю.

Следом за Машей прибежала и Катя, чтобы оказать помощь.

– Маш, а в интернате ты мне будешь платье стирать? – выпалила с ходу, не обращая внимание на отчима. – А то я не умею!

– В каком ещё интернате? – Митя не успел сдвинуться с места.

– Ой, – Катя поняла, что ляпнула лишнего. Прикрыв рот ладонью, слегка покраснела. – Mamka же просила ничего не говорить...

– Та-ак, – мужчина подошёл поближе и наклонился, упёршись руками в колени. – Mamka и тебя сплавить решила?

Катя смотрела на отчима выпученными глазами. Теперь точно от мамки попадёт. Нельзя было раньше времени трепаться. Прощай теперь много вкусной еды и весёлая жизнь. Сама всё испортила. Представляя, как мама будет ругаться, Катя всхлипнула.

– Я с тобой хочу в интерна-ат, – заплакала девочка, обняв Машу. – Я с тобой пое-еду.

– Ну, если сама хочешь, – Митя был в растерянности. – Тогда другое дело.

– Да-да, – после работы Ира пришла домой. – Пристала. «Пусти да пусти с сестрой». А я и говорю, если уж так хочется – поезжай.

– Привязана она к Маше, – Митя точил ножи, сидя на крыльце. – Как собачонка по пятам ходит. Вот это дружба...

– А я что говорила? Всё ж в городе девчонкам получше будет.

Митя ничего не ответил. Подняв нож на уровне глаз, прищурился и оценил остроту лезвия путём нажатия пальцем.

– А у нас на ферме есть место для тебя, – ласковым голосом заговорила Ира.

– И кем же? – мужчина с трудом встал на ноги. – Дояром?

– У-ф-ф, – усмехнулась жена, заходя в дом. – Скажешь тоже. Сторожем, кем же ещё?

– Дождался, и года не прошло, – Митя почувствовал облегчение.

Наконец-то и он сможет полноценно работать и приносить пользу. Сторож – работа неплохая: сиди себе и в окно пялься, а то и полежать можешь, но спать запрещено. Делай обход, проверяй замки – в общем, неси службу, как полагается – по совести.

Положив ножи на место, Митя заковылял на улицу.

– Куда это ты? – усевшись за стол в ожидании горячего ужина, спросила Ира.

– Пойду огород полью, – ответил муж, переступив через порог.

– Сами справятся. Нечего баловать.

Обернувшись, Митя изменился в лице.

– Вот смотрю я на тебя, Ир, и всё больше мне кажется, что ты им не родная мать, – вышел, хлопнув дверью.

– Угу, не родная... – женщина начала злиться. Стукнув кулаком по столу, громко сказала. – Если бы не выскочила замуж назло, жила бы сейчас с тремя детьми, а не с такой оравой! Эх, не надо было с Филькой связываться, да и с Васькой тоже... Кем теперь вырастут пацанята и Катька? С девкой-то всё понятно, а вот ребятишки... Если пойдут в Ваську – добра не жди.

Прихватив лейку, Митя сначала отправился к бане.

– Ого, так быстро, – восхитился работой девочек. – Шустрые однако.

– Выжимать тяжело, – Маша трогала красные пятна на внутренней стороне ладоней. – Жжёт.

– Значит так, – отчим поставил лейку у железного таза и принялся развешивать на посеревшую верёвку оставшуюся одежду. – Сейчас идёте домой, а я тут сам.

– А огород? – старшая сестра не могла поверить, что взрослый мужчина сам берётся за женскую работу.

– Я полью, – поднял пустой таз и лейку.

– И почему мамка его раньше не встретила? – вздохнула Катя, шепча сестре на ухо. – А вот Егорка его не слушается. Дядя Митя ни разу мамке не пожаловался. Во, какой хороший.

– Ага, – Маша смотрела уходящему отчиму в спину, – и нам помогает.

Подойдя к крыльцу, сестры услышали крик со стороны соседнего дома. Обратив внимание на соседского мальчишку, остановились и поздоровались.

– Привет! – громко выкрикнул Стёпка, сидя на заборе. – Приехала, значит. Насовсем?

– На лето, – Маша рассматривала подросткового друга и всё время улыбалась.

– Ясно, – прыгнув, подошёл ближе. – А правду говорят, что там живут только сироты и брошенные?

– Кто тебе такое сказал? – Маша поняла – это камень в её огород.

– Все говорят, и даже баба Поля, – скривив рот, передразнил соседку.

– А-а, сплетни слушаешь, – гордо подняв голову, Маша решила унижить мальчика. – И чем ты лучше своей мамки? Сплетни слушаете и распускаете. Фу, это не по-мужски.

Поставив руки на бока, Мария отставила левую ногу в сторону, сжала губы и сощурила глаза. Выглядела девочка устрашающе. В какой-то момент Стёпке стало не по себе. Он никогда не видел Машу такой самоуверенной и дерзкой. Не найдя, что ответить, мальчишка словесно прошёлся по матери.

– А твою мамку в деревне гулящей считают, – принял точно такую же позу, как у Маши, и сплюнул на землю. – Батки-то у вас все разные.

– А твоё какое дело? – Маша держалась, чтобы не наки-

нуться на сплетника.

– Как это какое? Соседи всё-таки... – хотелось уколоть побольнее, но, как назло, нужные слова не подбирались.

– А я тоже в интернат поеду, – влезла в разговор Катюша, видя, как Маша злится. – Будем там каждый день оладьи есть и конфеты. А ещё...

– И побреют тебя налысо, а-ха-ха, – во дворе раздался громкий хохот. Стёпа представил Катю без волос, как её лысина будет блестеть на солнце, словно золотая монетка, лежащая на дне реки. – Мой дед хвалился своей проплешиной. Мол, протёр платочком и хорошо.

– Неправда! – Катя не выдержала насмешек. – Ты всё врешь!

– А чего мне врать? – Стёпка пытался отдышаться, чтобы высказаться. – Вона, на Машку погляди! С чего бы ей косу отрезали? Всё верно, побрили до самого черепка!

– Не знаешь, а треплешь! – Маша сорвалась. Сжимая кулаки, медленно приблизилась к соседу. – Никто меня налысо не стриг!

– Как же? А это что? – встряхнул короткие волосы, прикрывающие уши.

– Чтобы ты понимал! Это сейчас модно! – ничего другого придумать Маша не успела. Пусть будет модно, всё равно Стёпка ничего в этом не понимает.

– Угу, пожила в детдоме и слов разных нахваталась, – мальчик понял, что он попал впросак и срочно нужно вы-

кручиваться. – Брошенка...

– Неправда, никто меня не бросал! – глаза Маши наполнились слезами. – Это специальная школа... Школа для особенных детей!

– Для умственно отсталых, – Стёпка язвил с особым усердием. – Значит, и Катя отсталая, раз и её туда сдадут!

За сестру стало ещё более обиднее. Недолго думая, Маша схватила камень, лежащий у крыльца, и запустила в голову соседу. Мальчик упал на землю и закатил глаза. На голове, у виска, просочилась тёмно-красная дорожка, похожая на вишнёвый сок. Струйка задержалась во взъерошенных волосах, пытаясь пробраться к уху.

– Кровь! – закричала Катя, закрыв лицо руками.

На крик прибежал Митя и остолбенел: соседский мальчик лежал возле крыльца, закатив глаза. С правой стороны у лба блестела запёкшаяся кровь, начиная от виска и заканчиваясь в ушной раковине.

– М-м, – застонал мальчик, пытаясь поднять руку.

Митя, опомнившись, аккуратно поднял мальчика на руки и понёс в соседний дом. Увидев сына, истекающего кровью, мать Надя заголосила:

– Убили! Убили сыночку!

Положив Стёпку на кровать, приказным тоном мужчина отправил Машу за фельдшером, а Катю – домой.

– Так ему и надо, – уходя, шептала Катя. – Будет знать, как над Машкой издеваться.

Мария бежала по улице и молила Бога, чтобы Стёпка выжил.

– Ой, мамочки, теперь меня отлупят, – обливаясь слезами, бежала девочка. – Да чтоб тебя, Стёпка, это ты виноват. Не надо было злить...

К счастью, фельдшер оказался дома. Запрыгнув на велосипед и усадив ребёнка на раму, мужчина со всей силы надавил на педали, и двухколёсный транспорт покатил по пустынной улице.

– А Стёпка выживет? – устремив свой взгляд на доктора, тихонько спросила девочка.

– Должен, – спокойным голосом ответил мужчина.

Остановив велосипед у забора, фельдшер ринулся в дом. Маша осталась на улице. Нервно дёргая язычок на звонке, старалась не думать о плохом.

– Ма-аш, – к сестре прокралась Катя, поглядывая на окна. – Ну что?

– Ничего, – Мария, не поднимая головы, продолжила бренчать звонком.

– А мне кажется, ты правильно сделала, – подбадривала сестрёнку Катя, сорвав длинную травинку у забора. – Пусть знает, в другой раз ещё получит.

– Другого раза не будет, – Маша подняла глаза на девочку. – Я больше сюда не приеду. Я это знаю.

– Ну, ты что? – Катя всем сердцем чувствовала, как Маше плохо. – Вместе будем приезжать. Я же тоже поеду. Ты

забыла?

Бросив терзать звонок, Маша обняла сестру и поблагодарила за поддержку. Через полчаса дверь дома тётки Нади открылась, и на улицу вышли Ирина, Надя и Митя.

– Лупить, лупить как сидорову козу, – не унималась Надежда, размахивая рукой. – А если бы убила?

– Ну. Не убила же, – доктор констатировал факт. – Ваш мальчик жив, слава богу, всё обошлось...

– Она с самого детства такая – неуправляемая! – Надю трясло от негодования. Если бы сейчас ей на глаза попалась старшая дочь Иры, без сомнения, сама бы отлупила чужого ребёнка.

– Надь, ну всё ж обошлось, – Ирина заламывала пальцы от волнения, стараясь успокоить соседку. – Я с ней поговорю. Она у меня будет наказана.

– Мало! – Надежда была не в себе от ярости. – Воспитывать с детства надо, а то вырастают потом не пойми кто! Она, уже и головы пробивают! Чуть инвалидом не сделали.

– Надя...

– Что Надя? У тебя их трое, а у меня один!

– Я понимаю, не злись, – Ирина чувствовала пристальные взгляды мужа и врача.

– Сдали в интернат – и правильно сделали! Пусть сидит там и носа не высовывает! Может, там воспитают, как надо! Хотя... Филька был мужиком так себе, и девка в него пошла.

– Ты бы, Надя, думала, что несёшь, – Ирина повисила го-

лос. – Коли мужской лаской обижена, я-то тут причём?

– Извините, но мне пора, – фельдшеру не хотелось быть свидетелем бабских скандалов.

Запрыгнув на велосипед, двинулся в сторону дома.

– Ира, пойдём домой, – настаивал Митя, потянув жену за рукав платья. – Не устраивайте балаган на всю улицу.

– Нет, ты слышал, что она говорит? – Ирина разошлась не на шутку. Сорвав с головы косынку, начала ею размахивать. – Дети у меня не такие! Это Стёпка твой не такой! С девкой справиться не смог! А-ха-ха! Вырастила бабу и радуется! А моя Машка лихо ему в башку запулила! Соплячка с подростком справилась! Смех, да и только!

– Пошла-ка отсюда, пока я тебе не запулила! – Надежду обидели слова соседки. – Мой Степан растёт справедливым и добрым мальчиком, а твоя Машка так и будет врать на каждом шагу, да с пацанятами драться! Такие никому не нужны: ни обществу, ни родителям! Я знаю, почему ты от неё избавилась – чтоб мужика в доме пригреть! Один сбежал, второй утоп, а этот сирота! И находит же себе под стать!

– Неправда! – во двор забежала Катя. – Маша никогда не врёт! Это всё Стёпка!

– О, ещё одна прискакала! – кивнув в сторону Кати, Надежда принялась и за неё. – Ни воспитания, ни пригляду! Копия Васьки! Машку с папиросками ловила, а эта гляди-ка чтоб самогоном не увлеклась!

– Замолчите! – топнула ногой девочка, сдерживая слёзы. –

Это Стёпка папироски приносил! Это он у нас ночами клубнику обрывает, а вы и не знаете! А ещё, а ещё он у учительницы деньги весной украл!

– Что-о? – у Нади вытянулось лицо. – А ты знаешь, что клеветать нельзя?

– А вы у Стёпки спросите. Он те копеечки девочкам подкинул, я сама слышала разговор с Гришкой!

– Уходите! – сказала Надя как отрезала и прошмыгнула в дом.

– А чего ты молчала? – Ирина взяла дочь за руку.

– Боялась, что он на меня всё свалит.

– Ох, пойдёмте домой. Вымотала меня эта крикуха, – открыв калитку, Ирина вышла со двора первой.

Но не прошло и двадцати минут, как на пороге дома появился рыбак по имени Кузьма. Тряся на ходу порванной сетью, мужчина заикался от волнения и бормотал что-то несвязное.

– В-в-аш-ш ш-ша-ло-пай, – Кузьма хватал ртом воздух. – Н-на реке...

– Опять сети ваши порезал? – Мите порядком надоели проказы пасынка.

– Д-да, н-нет. Лежит и...

– О господи! – Ира схватила за голову и рванула к реке.

– Кузьма, скажи толком, что стряслось? – Митя схватил дядьку за рубаху.

– С-самогон-ну обпился, стерлядь, – испугавшись, мужик

смог выговорить последние слова без запинки.

– Ох, мать его, – ругнулся Митя, сорвавшись с места.

Ирина бежала к реке, накрутив себя до предела. Её коло-тило и бросало в сторону. Ноги заплетались, женщина спотыкалась и охала. Мите удалось догнать жену.

– Ира! Подожди! – схватил женщину за руку. – Не пугайся, жив он, жив!

– Но Кузьм-ма сказал... – обливаясь слезами, Ирина тоже начала заикаться.

– Пока он слова выговорит – сердце остановится, – у Мити перехватило дыхание. – Спит мальчишка, самогонки по-пробовал.

– Что? Ох, я сейчас ему, – женщина быстро пришла в чув-ство. Не теряя времени, вновь побежала в сторону реки.

Остановившись у воды, закрутила головой. Мальчика ни-где не было видно.

– Вон он! – Митя заметил под плакучей ивой белую ру-башку.

Егор, свернувшись калачиком, сопел и одновременно что-то бормотал.

– А ну, вставай! – заплаканная мать схватила мальчика за шиворот и потянула наверх.

– Отстань, – охрипший Егор махнул рукой.

– Я тебе сейчас отстану! Я сейчас так отстану, что сидеть не сможешь! Подымайся, гадость такая!

Поставив сына на ноги, Ирина встряхнула обмякшее тело

и дала подзатыльник.

– Где взял?

– Да уйди ты, – мальчишка тёр глаза, пытаясь устоять на ватных ногах. – Плохо мне.

– Додумался же напиться! – Ирина вновь одарила Егора подзатыльником. – В таком-то возрасте! А ну, бегом домой! Бегом, я сказала!

Шлёпнув сына по мягкому месту, погнала домой. Егор растопырил глаза и сделал первый шаг. Голова закружилась. Мальчик упал на колени, почувствовав резкую тошноту.

– Ой, ой, стыд-то какой! – не переставала отчитывать мать, хватая Егора за плечо. – Быстро домой! Ой, что люди скажут? Кузьма по всей деревне разнесёт! Ой, позор какой!

– Ты своим криком быстрее разнесёшь, – к мальчонке подскочил Митя. – Дома с ним поговорим, не ори.

Подняв пасынка на руки, хотел было донести, но мальчишка заартачился.

– Ты мне никто! Отпусти! – вырывался Егор, размахивая руками. – Мама!

– Оставь, Митя, не трогай. Пусть сам идёт, – Ирина озиралась вокруг: вдруг кто-то услышит крик.

Опустив Егора на землю, Митя подтянул штаны и пошёл вперёд. Ирина подталкивала сына в спину, поторапливая.

– У-у, бестолочь. Попробуй мне ещё нос свой сунуть в бутылку, – грозила пальцем, оглядываясь. – Я тебе всю душу выверну.

Егор плёлся по тропинке, испытывая головную боль и жажду.

«А почему это батьке можно было, а мне – нет? – думал про себя мальчик, шатаясь. – Я тоже могу, я же мужик».

Подходя к дому, Егор почувствовал, как к горлу подступает недавно съеденный малосольный огурец. Он остановился, схватившись за горло.

– Ой, поглядите-ка! – из-за соседского забора слышался голос Нади. – Я же говорила, таким же станет, как и Васька! Ещё в школу не пошёл, а уже брагой балуется! А-ха-ха!

Ирина не стала устраивать перебранку на дороге, закусив губу, молча вошла в дом.

– Машка! – крикнула с порога, скидывая калоши. – Иди сюда!

Маша вышла в кухню, предчувствуя неладное.

– Почему Егор шляется, где попало, а? – замахала руками мать. – Ты куда смотрела?

– Мама, он не слушает никого... – опешила девочка, глядя на брата, которого болтало из стороны в сторону.

– Ты старшая, обязана приглядывать! Ты зачем сюда приехала, а? – Ирину затрясло. Решив выплеснуть всю злость на старшую дочь, пригрозила. – Завтра же поедешь в интернат! Помощи от тебя не дождёшься! Только и ходят туда-сюда, сладенького выискивают, как вы мне все надоели!

– Сдурела? – позади матери показалась голова отчима. – Чего брыкаешься на девку? Она-то тут причём? Сто раз тебе

говорил, пора братья за хулигана, да пожётче, но нет – маленький ещё! Только и слышу: «Машка да Машка», а мальчишки беспризорниками растут! Это Федька ещё ничего не выдаёт, но, глядя на братца, скоро начнёт кренделя выписывать. Ты сейчас должна Егору всыпать по первое число, а сама на дочку орёшь, будто она тебе неродная!

– Молчал бы уж! – Ирина перекинулась на мужа. – Были бы свои, а то своих мы не хотим, а вот чужих воспитывать в раз!

– Не-е, так дело не пойдёт, – вскипел Митя, схватив рабочую ветровку. – Надоело слушать эту ересь. Разбирайся сама, а ко мне не лезь...

Накинув на плечо ветровку, широким хромым шагом двинулся на улицу. Ирку как кипятком ошпарили. Сообразив, что сейчас может потерять самого лучшего мужика в мире, какого она только встречала, бросилась догонять.

– Митенька, подожди, куда ты?

– Фу, чем от тебя пахнет? – Катя, услышав крики матери, вышла посмотреть. Подойдя к брату, сморщила лицо. – Так от батьки нашего воняло.

– Не твоё дело, – Егор отпихнул в сторону сестру и полез на печь. – Взрослый уже.

– Взрослый, – прошептала Маша, поглядывая на босые грязные ступни мальчика, не успевшие скрыться за занавеской. – Вечно мне из-за него попадает.

– Ничего, – Катя погрозила кулаком на печь. – Встанет –

я ему задам.

В доме повисла нагнетающая тишина. Катя и Маша вернулись в комнату дочитывать сказки. Устроившись поудобнее на кровати, Маша открыла книгу.

– Слышишь? – кивнула в сторону окна. – Мамка ругается.

Прислушавшись, девочки притихли.

– Ну, куда ты, куда на ночь глядя? – причитала мать, не выпуская мужа со двора. – Митенька, опомнись. Повздорили малеха, бывает.

– Уйди сказал, – убирая руки Ирины, мужчина отворачивал лицо. – Не могу слушать твои вопли. Да какая ты мать после этого? Одних гоняешь, другим пряники подсовываешь?

– Какие пряники? – наблюдая за плаксивой сценой, переглядывались сёстры.

– Разве можно мальчишек утруждать? – Ирина глотала слёзы. – Вырастут – наработаються ещё.

– Ох, и глупая же ты, – покачивал головой муж. – Лодырями вырастут. Потом сама и плакать будешь.

– Митенька, ну прости меня. Я всё исправлю, только не уходи, богом молю.

Мужчина сдвинул брови к носу, постоял несколько секунд и, развернувшись, поковылял к сараю.

– На чердаке сегодня сплю. А ты чтоб девок не обижала.

Взобравшись по кривой лестнице на чердак, Митя захлопнул дверцу.

– Вот и славненько, – успокоившись, Ира ополоснула ли-

цо из бочки. – Ночуй там, покуда я проведу воспитательную беседу.

До темноты мать отчитывала Машу и Катю за младшего брата, грозила, ругала и раздавала оплеухи. Егор же был предупреждён: если не прекратит проказничать – будет работать с раннего утра до позднего вечера. Ложась спать, сёстры договорились смотреть за братом в оба. Егор уснул сразу, как только мать отстала. Сама же Ира в эту ночь не ночевала в доме.

Вернулась она рано утром с первыми петухами. Счастливая и довольная.

Глава 5

Первой проснулась Катя. Сладко зевнув и потянувшись, она тихонечко встала, бросила взгляд на кровать, где спали Федя и Егор, взглянула на Машу и на цыпочках вышла в кухню.

– Ты чего так ранёхонько? Иди спи, – мать разогревала сковороду на керогазе. – Или ты голодная?

Слушая ласковый голос матери, Катя немного опешила. Что это с ней? Какое странное поведение... За свои неполных девять лет Катя не припомнит, чтобы мама вела себя подобным образом. Если так подумать, её характер можно сравнить с неодушевлённым предметом неизвестного пола. Катя замечала, какие мамы у её подруг: улыбчивые, нежные, с красивым убаюкивающим голосом. Ирина же абсолютно на них непохожа – не мужик, не баба, так, что-то среднее. Ласки от неё не дождёшься, а похвалы – тем более.

– Чего застыла? – выходя в сени, Ирина попутно приобняла дочь и поцеловала в лоб. – Сейчас яичню пожарю.

Катя не воспринимала происходящее всерьёз. Несколько раз протерев кулаками заспанные глазёнки, нахмурилась. И что это было? Неужто маму подменили? Нет, скорее всего, это сон, красивый такой, добрый сон. Не сходя с места, девочка дожидалась маму, пока та вернётся. Минута, и Ирина показалась в открытой двери. В руках она несла яйца и бан-

ку с прошлогодними солёными огурцами.

– Ну, ты чего такая? – улыбка с лица матери не сходила. Поставив на стол будущий завтрак, Ира ещё раз подошла к дочери и аккуратно провела рукой по её светлым спутавшимся волосам.

– Приду с работы и такой вам пирог испеку, – лицо женщины светилось от счастья, – пальчики оближете.

– Угу, – кивнула головой Катя и убежала в комнату. Запрыгнув на кровать, девочка начала трясти сестру, приговаривая шёпотом. – Машка, Машка, вставай. Хватит дрыхнуть. Тут тако-о-е-е...

– А? – Маша нехотя приоткрыла глаза и вздохнула.

– Вставай, говорю. Там мамка...

– Что с ней? – испугавшись за мать, Маша резко села.

– Т-с-с, тихо, – приложив указательный палец к губам, Катя дала понять – кричать не нужно. – Слышишь?

Девочка замолчала и вытянула шею. Маша повторила за сестрой, вытянувшись ещё сильнее.

Удивительно, но мама в кухне пела песню, русскую народную, какие поют за столом по праздникам или в поле после окончания рабочего дня.

– Мама? – у Марии округлились глаза. С открытым ртом девочка слушала певчий голос матери.

– Угу. Её не было ночью в доме, – прошептала Катя в самое ухо сестры. – Я сама видела.

Это было, наверное, самое счастливое утро за всю корот-

кую жизнь девчонок. Мать накормила детей завтраком, приласкала, каждого поцеловала в темечко и, попрощавшись, ускочила на ферму. Даже Егоркин вчерашний проступок забылся, словно и не было ничего.

– Всем привет! – на пороге дома появился отчим. – А чем у нас здесь так вкусно пахнет?

Откинув полотенце с тарелки, носом втянул воздух.

– Ого, кто у нас так постарался? – разглядывая яичную запеканку, спросил мужчина.

– Мамка, кто ж ещё? – буркнул Егор, доедая свою порцию.

– Да-а? – Митя загадочно улыбнулся, вспоминая прошедшую ночь.

– Дядь Мить, – как только Маша вышла на улицу, Катя обратилась к отчиму. – у Машки день рождения завтра.

– Да ты что? – опомнился Митя, ковыряя вилкой в запеканке. – Не знал. Надо устроить праздник.

– А у нас не празднуют, кроме Нового года, – в голосе Кати слышались нотки обиды.

– А теперь будем, – подмигнув падчерице, мужчина проглотил кусок с огромным удовольствием.

– А я уже сшила, – Катя скрылась за занавеской, разделяющей кухню и комнату.

Не успел Митя допить чай, как Катюша вернулась и протянула тряпичную куклу с нарисованными глазами и ртом.

– О, вот это подарок! Всем подаркам подарок! – воскликнул отчим, расхваливая девочку. – Да ты мастер своего дела!

Осторожно похлопав Катю по плечу, украдкой глянул в окно и, убедившись, что Маши нет рядом, сказал:

– А я ей кроватку для этой куклы вырежу.

– Как это?

– Из дерева.

После сена и прополки усадьбы Митя отправил детей гулять, а сам принялся стругать подарок для Маши.

– Ох, давненько я не работал с деревом, – изрядно пропотев, мужчина отложил нож в сторону. – Кособочина.

Рассмотрев детали, начал подгонять по размеру.

– Здравсьте, – услышав детский голос, мужчина поднял голову. – А Маша дома?

– А-а, Гриша, здравствуй, – Митя протянул руку, чтобы поздороваться. – Она на речке.

– Я тут принёс, – замялся мальчишка, протянув маленький газетный свёрток. – Вот. Передайте ей.

– А сам чего? – обнажив дёсны, Митя принял передачу.

– У неё завтра день рождения, а я... – мальчишка покраснел. – В общем, некогда мне.

Развернувшись, Гриша убежал.

– О, как. Некогда ему, – пробормотал себе под нос Митя и развернул подарок.

В свёртке лежало самодельное кольцо из медной проволоки. Мужчина покрутил в руке «драгоценность» и положил обратно.

– Жених, – усмехнулся Митя. – Не иначе свататься наду-

мал.

На самом деле, Грише очень давно нравится Маша. Робкий и стеснительный мальчик сможет расположить к себе Марию, несмотря на уговоры своего друга Стёпки. Через несколько лет дети начнут встречаться.

– Ох, как же я устала, – Ирина открыла калитку. – Сейчас бы на боковую... Чем это ты занят?

Заметив, как муж усердно работает ножом, зашагала ещё медленнее.

– Завтра у Маши день рождения, – не отрываясь от деревянной поделки, ответил Митя.

– Ну и что? Этот день каждый год. Не так уж это и важно, – присев рядом на ступеньку крыльца, провела рукой по вспотевшей шее. – Не до праздников сейчас. Надо огородом заниматься, сарай покосился, печь не белили со времён...

Ирина замолчала, как только Митя устремил взгляд прямо ей в глаза.

– А что? – всполошилась женщина. – Что я такого сказала? Работы – непочатый край. Не так, что ли?

– Так-то оно та-ак, – протянул Митя и дунул на деревяшку. – Но детям нужен праздник.

– У меня их трое. И что? Каждому праздники устраивать? П-ф, вот делать нечего. Мы не настолько богаты, чтобы...

– Лучше промолчи, – насупился муж, приподнявшись на замлевших ногах. – Нас семеро было, и то мать чаепитие

устраивала.

– Ой-ой, опять свою мамашу мне в пример ставишь, – поднялась Ирина со ступени. – Все живут по-разному, ясно?

– Ясно-ясно, – заходя в дом, мужчина обернулся. – Ты детям пирог обещала.

– Не до пирогов мне сейчас, – отряхнув платье, жена схватила ведро, стоящее за углом, и поплелась кормить скот.

– М-да, – выглянул из сеней Митя. – Не повезло ребятишкам с мамашей.

День рождения прошёл без эксцессов, не считая того, как Ирина вела себя за столом. Выпив пару стопок горькой, женщина вновь завела разговор о ребёнке.

– Не, ну а что? – опьяневшая от жары и усталости женщина закусывала пучком свежей петрушки. – Девки не сегодня-завтра вырастут и упорхнут из гнезда...

– А ребятишки? – Митя подкладывал детям картошки с маслом.

– А вот Федя с Егоркой должны остаться зде-есь.

– С чего вдруг? Может быть, они захотят покорять моря и океаны.

– Ну уж нет. Останутся здесь, женятся. Мои невестки будут мне во всём помогать: с хозяйством, с огородом.

– А-а, вон оно что, – наконец-то Митя услышал правдивые слова, почему мать так печётся о сыновьях.

– А ты как думал? У Катьки с Машкой свои свекрови будут, вот пусть и прыгают перед ними, а я...

– А с чего ты решила, что твои невестки будут тебя любить?

– Обязаны, и всё тут. Я им вона каких мужей нарожала, вот пускай и ходят за мной, как за малым дитём. Ой, Митенька, – Ирина повисла на плече мужа. – А если своего народим...

– Хватит! – мужчина стукнул по столу кулаком и убрал со стола бутылку. – Не хочу слушать!

Ира медленно поднялась и, чтобы не нагнетать обстановку долгими разговорами, объявила:

– Поздно, милый мой, быть тебе папочкой.

– Кончай шутить, – Митя не поверил словам жены. – Иди спать. Мы сами тут уберём.

– А хоть шути, хоть не шути – всё! Сыну быть! – и горделивой походкой двинулась в спальню.

Митя обмяк. Ох ты ж, вот это новость! Откуда? Этого не может быть. Были до Ирины женщины, но чтобы дети... Даже любовь была, и там о ребёнке намёка не было. Бывшая пассия обвинила Митьку в бесплодности. Загуляла. Так и осталась с любимым, переехав куда-то очень далеко. Неужто Бог смиловался?

Наворачивая круги вокруг бани, Митя не находил себе места. Если и свыкнуться с мыслью о сыне, то лишь бы здоровенький родился. До сих пор в памяти свежо, как одноклассники посмеивались над мальчиком с короткой ногой. Дали кличку «Костяная нога» – обидно было до слёз. Дев-

чонки же относились по-доброму, видимо, жалели бедолагу. По этой причине Митьку не взяли в армию, да и с приличной работой не получается. Всё какие-то подработки с малой оплатой. Жене о своей проблеме Митя ни разу не обмолвился. Побоялся осуждения, а ещё хуже – неприязнь. Хоть Ира и имеет тяжёлый характер, всё ж Митя её любит со всеми недостатками.

– Маш, – Катя помогала сестре поливать огород. – Слышала? Это что, у нас будет братик?

– Наверное, – набрав полную лейку воды, Мария тащила тяжёлую ношу к грядке со свёклой.

– Как интересно-о, – Катюша представила улыбчивого малыша. – А как его зовут?

– Откуда мне знать? Мама же ничего об этом не сказала.

– Маш, – Катюша говорила вполголоса, чтобы никто не услышал. – А как ты думаешь, можно дядю Митю папой называть?

– Не знаю, – Маша остановилась. – А тебе хочется?

– Ага, он такой хороший. Лучше, чем наш был. Подарок тебе сделал. Сам. Помогает, не орёт, как мамка. А ещё он нам зимой носки подарил и шапки. Правда, в школе никто не поверил, что он сам связал, а мне всё равно. Пусть завидуют.

– Было бы чему завидовать, – вздохнув, Маша продолжила поливать грядки. – Уедем в интернат и поминай как звали. Обдумав все «за» и «против», Митя собрался с духом

и пошёл помогать детям в огороде.

– Совсем забыл, – подходя к Маше, сунул руку в карман штанов. – Тебе тут ещё подарочек.

Протянул ребёнку малюсенький свёрток. Маша развернула подарок и ахнула. Ей никто никогда не дарил украшений. Напялив на пальчик самодельное колечко, вытянула руку вперёд, чтобы полюбоваться красотой. Медные завитки переплетались между собой, напоминая чем-то цифру восемь или знак «бесконечность». Маша покрутила кистью и заулыбалась.

– Это Гришка принёс, – взяв два ведра, отчим подошёл к бочке с водой. – Жених.

Услышав слово «жених», девочка почувствовала неловкость. Сняла кольцо и спрятала в широкий карман сарафана.

– Ого! – Катюша также не ожидала такого поступка от председательского сына. – Он же с тобой не дружит.

– Со Стёпкой дружит, – гордо ответила Маша.

– Ну точно, жених! – рассмеялась сестра. – Скоро свататься придёт!

– Не говори ерунды, – щёки Маши залились румянцем.

На протяжении всего лета Гриша посматривал со стороны на Марию, но подойти и поговорить так и не решился, потому что рядом был друг Стёпка. Степан часто говорил о Маше в неприглядном свете, называл курицей или гусыней, посмеивался над ней и рассказывал всякие небылицы.

– Она такая дура, – сидя на свежих брёвнах будущего клу-

ба, распинался Стёпа. – Горбатая какая-то. Ходит, как старуха, так и смотри, чтобы не подкинула чего. А то я эту бабскую натуру знаю. Наколдуют, а ты потом подняться не можешь.

– Кто тебе такое сказал? – Гриша слушал очень внимательно, так как верил другу безоговорочно.

– Бабка моя, папкина мать. Слышал, как она на мамку ругалась, когда папка заболел. Накликала, говорит, беду, а Толику теперь расхлёбывать, – мальчик говорил с такой уверенностью, что Гриша внимал каждому слову. – А у папки кашель такой был, что аж слёзы брызгали на всю комнату.

– Да ты что?

– Ага, потом, правда, фельдшер наш приходил, сказал, что это... – Стёпа поднял глаза кверху и задумался. – Ай, забыл. Слово такое чудное.

– Значит, мать твоя невиноватая?

– Бабка сказала, что это чахотка. Выходит, виноватая, – Стёпа прыгнул с брёвен и махнул рукой. – Я бабке верю. Она у нас очень умная. Ведуму издалека узнает. Я все приметы запомнил. На Машке всё сходится. Значит, она ведьма.

– Не верю, – расстроился Гриша, сползая спиной со сруба. – Этого не может быть.

– Может. Как зыркнет своими глазищами, у меня аж поджилки трясутся, – положив руку на плечо друга, Степан продолжил. – Дело говорю. Ты думаешь, почему Машку в интернат отправили, а?

Гриша пожал плечами, не зная, что ответить.

– Во-от, молчишь. А я знаю. Чтоб подальше от греха. Ясно? – голос Степана прозвучал басом, и Гриша побледнел. – Бабка рассказывала, ведьмам ничего давать в руки нельзя, иначе на себя притянешь их силу и будешь мучиться всю жизнь.

– Всё, Стёп, хватит, – Гришка почувствовал, как на спине проступил холодный пот.

– Слушай меня, иначе пропадёшь с этими бабами, – строго-настрого наказал друг и хлопнул Гришу по плечу. – А сейчас погнали к нашим. Узнаем, чем заняты. А то что-то их долго нет.

Подтянув шорты, Стёпка рванул с места.

***

– Катя, пойдём на ферму, – к дому подошла девочка по имени Татьяна.

– А что мы там будем делать? – Катюша приглядывала за Федей, который сидел на траве и гладил серую кошку.

– Мама сказала, что сегодня телёнок родится. Пойдём смотреть.

– Да ну. Видела уже сто раз, – отмахнулась девочка.

– Эх, я так хотела с тобой прогуляться и поболтать, – Таня опустила глаза на мальчишку, понимая, чем занята её одноклассница.

– Здесь поболтаем. Мне за Федькой смотреть надо, а то все заняты, – Катя вела себя, как взрослая.

Присев рядом с Федей, Таня молча погладила спящую кошку.

– Ох, скучно, – вздохнула одноклассница. – Я так жду 1 сентября...

– Я тоже, – Катя хитро улыбнулась и добавила. – А я не буду ходить в нашу школу.

– Как это? – удивилась Таня.

– Уезжаю с сестрой в Брянск, – гордость переполняла Катю.

– Ничего себе... – Таню расстроила эта новость. – А когда приедешь?

– Не знаю. Летом, наверное. Ты знаешь, как там здорово? Конфеты, шоколад каждый день. А ещё мороженое и торты, – затараторила Катя, приврав немного. – Ложись спать, когда захочется, гуляй по городу. Там столько девчонок!

Катя раскинула руки в стороны, показав количество людей, проживающих в интернате.

– Вот это да-а, – Таня слушала и представляла огромную корзину со сладостями. – Я тоже хочу.

– Не-а, – Катя нахмурила брови. – Тебя туда не пустят.

– Почему это?

– Кровати закончились. Да и вообще, принимают только с девяти лет. Когда у тебя день рождения, а? В декабре. Вот на следующий год, может, и возьмут, хотя... – Кате не хоте-

лось делиться шоколадом и мороженым. – Рост у тебя слишком низенький.

– Ну и что, до зимы недолго, подрасту, – Танюша начала отстаивать свои интересы. – Ты сама-то не такая уж и большая. Вот, гляди.

Поравнявшись с Катей, Таня вытянула ладонь и провела ею от своего лба ко лбу подруги.

– Видела? Одинаковые.

– И ничего не одинаковые, – глядя на одноклассницу исподлобья, Катя засопела. – Не возьмут, и всё тут.

– Ну и иди в свой интернат, дурочка, а мне и здесь хорошо! – обиделась Таня. – Я больше к тебе не приду!

– И не надо. Тебя сюда никто не звал, – огрызнулась Катя, закрывая за подругой калитку. – И чтобы я тебя здесь больше не видела!

Новость об интернате облетела всех местных детей буквально за час. Ребятишки перешёптывались, обсуждая скорый отъезд Екатерины, выдвигая каждый свою версию.

– Я бы тоже поехала, – говорила одна из девочек лет десяти. – Да только меня не отпустят.

– Ну, не знаю, я не хочу никуда уезжать, – поддерживала разговор другая девчушка.

– Делать там нечего, – двенадцатилетний мальчишка крутил в руке подшипник от сломанного велосипеда.

– А моя мама говорит, что туда берут только сирот, – высказалась девочка из общей компании.

Слушая рассуждения друзей, Степан наклонил голову и прошептал:

– Слыхал? Вторую отправляют. Выходит, Катька такая же, как и Машка. У-у, отродье. Не вздумай с ними здороваться, а то пропадёшь.

Слова Степана ввели Гришу в ступор. Мальчик молчал, переваривая информацию и представляя лицо Маши. Миловидная, улыбчивая девочка ну никак не подходила под образ сморщенной бабки с колдовскими манерами. Если кто и похож на ведьму, так это бабушка Стёпки: маленькая, гнутая, морщинистая и беззубая.

– Нет, не сходится, – громко сказал Гриша, вычерчивая на речном песке какие-то фигуры. – Враньё.

– Не веришь? – всполошился Стёпа, вскочив на ноги. – Да как так-то? Я тебе друг или кто? Должен верить! Я лучше тебя знаю!

– Да не ори ты, – Гриша потянул мальчика за штанину. – Сядь.

– Не буду! – Степан оттолкнул друга, и тот упал назад.

– Совсем, что ли? – поднявшись, Григорий отряхнулся. – Ну ты и псих.

– На, смотри, – Стёпка поднял чёлку. – Видишь, какой шрам?

– Видел уже.

– Это она мне поставила. Главное, я ничего не сделал, а она как махнёт рукой, и вот, – тыкал пальцем на красную

дорожку у виска. – Чуть не помер. Врач приходил. Сказал, что мне крупно повезло.

– Стёп, хватит. Все знают, как достаёшь Машу, вот она и дала сдачи.

– Я пальцем не тронул! – рассвирепел мальчик. – Мимо проходил, а она как подскочит...

– Ладно-ладно, верю, – Гриша не стал спорить. – Но я не хочу больше слышать плохое о Маше.

– Ну, как знаешь. Потом жаловаться не приходи.

Глава 6

Август

За лето ничего особенного не произошло в семье Маши. Хозяйство и огород не позволили расслабиться. Редко удалось искупаться в речке и поболтать с местными ребятишками. Работа, работа и работа – суть жизни в деревне.

– А как вы хотели? – Ирина готовила запасы на зиму. – Если летом ничего не делать – зимой будешь голодать.

– А почему у других не так? – бурчала Катя, промывая маслята в тазу.

– Как не так? – не поняла вопроса мать.

– Инка Анисимова не полет грядки и не поливает, а Ванька Буравой ни разу на сене не был.

– Нашла о ком говорить, – Ирина скривила рот. – Анисимовы всё задаром получают. Их батька – бригадир. А Ванька твой – не местный. Они, видите ли, городские. Не живут тут круглый год, а приезжают на дачу, чтобы отдохнуть. Тьфу, лодыри. Чтоб им пусто было.

Выговорившись, Ира отогнала надоедливую муху и продолжила нарезать грибы для сушки.

– Везёт им. Вот бы мне так, – Катя тяжело вздохнула и покосилась на мать. – Мам!

– А?

– А почему мы в городе не живём?

– И что бы я там делала? – уставшая мама повернула голову. – Коров нет, птичника тоже...

– Хотя бы воспитательницей работала или учительницей, – предположила девочка.

– Угу, этого мне ещё не хватало. С вами спасу нет, а в школе и подавно с ума б сошла.

– Ну, не знаю, – опустив голову, Катюша ткнула пальцем в середину грибной шляпки. – А почему гриб не тонет?

– Откуда я знаю. Да и зачем мне это знать?

– А мне вот всё интересно. Всё-всё. Почему грибы только в лесу растут, почему солнце светит, откуда дождь льёт, – девочка сделала паузу. Через секунд пять выпалила. – И откуда дети появляются.

– Чего-о? – услышав такие слова от ребёнка, Ирина чуть не порезалась. – Это откуда такие мысли?

– Ниоткуда, – Катя заметила, как мама изменилась в лице. – Сама придумала.

– Ты давай, шуруди быстрее, а то, смотрю, в голове один мох.

– А-ха-ха! – девочка представила, как из головы торчит зелёный мох, а из ушей – еловые шишки. – Мо-ох, а-ха-ха!

Весёлый смех дочери заставил Ирину улыбнуться.

– Хохотушка, доделывай дела, – хихикнула мать. – Скоро наши приедут.

Митя и Маша в этот день отправились на рынок торговать. Ирине не хотелось отпускать Машу в город, но Митя насто-

ял. Пусть ребёнок отвлечётся от домашних дел, да и обновки ей надо купить. Девочка подросла, вещи стали малы – необходимо купить обувь и осеннее пальтишко. Скрипя зубами, Ира согласилась.

Распродав яйца и свежие овощи, Митя собрал столик.

– Ну что, за обновками? – подмигнув девочке, взял её за руку.

– А может, не надо? – Маша помнила, как мама ругала отчима за растрату денег, которых и так не хватает.

– Надо, Машуль, – дядя улыбался, пытаясь обогнуть толпившихся людей, ищущих подходящий товар.

– У меня и платье ещё хорошее, и пальто не дырявое, – держась за руку Мити, девочка старалась не отставать.

– Рукава короткие, что на платье, что на пальто. Твоя одёжа Кате больше впору. Мы ещё с тобой ботиночки должны посмотреть.

– Ой, мама точно ругать будет, – заволновалась Маша, заранее услышав в своём воображении ор матери.

– Не переживай, не будет.

Обойдя несколько торговых точек, Митя остановился именно там, где продавали детские ботинки с очень большой скидкой, так как они были немного ношены.

– Подошву поправим, ничего страшного, – рассматривал потенциальную покупку со всех сторон. – А так почти новые. Нравятся? – взглянул на Машу, протянув левый ботинок вперёд.

– Ага, – девочка закивала головой и потрогала блестящий «нос».

Заплатив за пару прекрасных ботинок, Митя повёл девочку к толстенной тётке, торгующей всякой разной детской одеждой.

– Ой, – Маша заприметила белое платье в крупный цветочек. – Как красиво.

– О, и выбирать долго не пришлось, – обрадовался мужчина. Наклонившись через прилавок, что-то шепнул торговке.

Лицо женщины расплылось в широкой улыбке. Ловко стянув с вешалки ещё два платья, сложила их и подала Мите. У Маши открылся рот. Они знакомы, не иначе. А то с чего бы вдруг эта тётя огромных размеров отдала такие красивые вещи за бесценок?

– Ты постой тут, а я сейчас вернусь, – оставив девочку рядом с незнакомой тёткой, Митя затерялся в толпе.

– Хороший у тебя папа, – вдруг заговорила женщина, поправляя юбки и кофты на вешалках, – на вес золота. За таким, как за каменной стеной.

– А откуда вы знаете, что он мой папа? – насторожилась Маша, всматриваясь в лицо торговки.

– Так видно же. Разве будет посторонний человек так заботиться о чужом ребёнке? Нет, конечно. Да и не сыскать таких. Иногда бывает, что и родные своих не признают.

Через пятнадцать минут Митя вернулся и отдал женщине баклажку с холодным квасом.

– Благодарствую, – толстушка поставила бидончик на стул и закрутила головой в поисках кружки.

– А это тебе, – отчим протянул Маше кулёк с леденцами и эскимо на палочке.

– Ой, папка! Спасибо! – Машу переполняла радость от вида сладостей.

Она обхватила мужчину за пояс и взвизгнула. Оторопев, Митя не смог ничего ответить. Он почувствовал, будто грудь наполнилась воздухом и ноги вот-вот оторвутся от земли. Пальцы руки непроизвольно разжались, отпустив эскимо в свободное падение. Лакомство плюхнулось на пыльную поверхность и тут же «обернулось» в шаль цвета пепла.

Торговка, наблюдая за семейной идиллией, прослезилась. Бывает же такое. Сроду не видела подобного отношения между отцом и дочерью. Папуля такой молодой, а как относится к ребёнку. Белую зависть испытала толстушка, вспоминая своего отца, которому дети были помехой.

– Ну вот, – Митя погладил девочку по голове. – Дождался.

– Я тебя очень сильно люблю, – прошептала Маша, уткнувшись лицом в рубаху отчима.

– Мороженое пропало. Пойдём, другое купим, – мужчина поднял голову Маши за подбородок. – И я тебя люблю, доченька.

Провожая взглядом уходящих мужчину и девочку, продавщица вытерла под глазами солёные капли и выписала в воздухе сложенными пальцами крест.

– Счастья вам, деточки.

Купив новую порцию эскимо, Митя вспомнил о времени.

– Пора бежать на автобус.

Маша кивнула и принялась уплетать лакомство. Садясь в автобус, мужчина обратил внимание на старенькую бабушку с внучкой. Девчужке на вид лет пять, а то и меньше. Она постоянно хныкала, тёрла ручками глаза и клянчила конфету.

– Ну, нету у меня денег, – старушка нервничала, усаживая ребёнка на сиденье. – Хватит канючить. Приедем домой – проси у мамки.

Недолго думая, Митя предложил Маше поделиться леденцами с девочкой. Маша согласилась.

– На, бери, – отсыпала из кулька в ладошку разноцветные камешки и протянула руку. – Не стесняйся.

Девочка от неожиданности перестала плакать. Подняв глаза на бабушку, ждала одобрения. Пожилая женщина посмотрела на Машу, а потом на внучку.

– Бери, чего застыла, раз угощают? – сказала старушка, поставив на колени плетёную корзину с какими-то покупками.

Девчужка приняла сладости и сразу же сунула в рот леденец красного цвета.

– А спасибо сказать? – напомнила бабуля.

– Спасибо, – девочка всхлипнула и улыбнулась.

– Не за что, – довольная собой Маша вернулась на своё

место.

Доехав до поворота на просёлочную дорогу, Маша выскочила из автобуса первой. Прыгая на месте, она радовалась возвращению домой, покупкам и прекрасно проведённому дню.

– Не терпится? – Митя понял намерения Маши.

– Ага, – девочка скакала, как молодая козочка.

– Ну, беги, беги, – перекинув через плечо раскладной столик, отчим заковылял по дороге.

Засунув в карман оставшиеся леденцы, Маша помчалась что есть силы. Митя, глядя вслед падчерицы, ощутил себя настоящим отцом. Гордость переполняла душу за правильное воспитание и поддержку. Митя шёл и думал: неважно, что дети не являются родными, важно, что он смог найти с ними общий язык, не считая Егора, конечно. К этому сорванцу нужен особый подход.

– Ничего, всё получится, – шептал себе под нос мужчина, подходя к дому.

Услышав детский смех, Митя неслышно вошёл в открытую дверь. В кухне за столом собралась вся семья. Ирина накрыла стол перед приездом мужа и дочери: картошечка с растопленным маслом, салат из овощей, гренки и даже сало.

– Всем привет, – мужчина скинул с себя ношу. – Как вкусно пахнет.

– Садись, пока горяченькое, – Ира разливала кисель

в кружки.

– Сало? – удивился Митя, заметив нарезанные брусочки ароматного шпика. – Ты же на зиму стерегла.

– Сегодня можно, – женщина загадочно улыбнулась и придвинула табурет мужу.

Любопытно, с чего вдруг Ирина такая обходительная, не нервничает, не высказывается по поводу поездки? Митя сел за стол, отломил кусок хлеба и только хотел положить его в рот – в дверь постучали.

– Есть кто дома? – спросил мужской голос с хрипотцой.

– Заходи, Толь, – отозвался Митя, повернув голову в сторону выхода.

Анатолий вошёл, сухо поздоровался и упёрся плечом в дверной косяк.

– Хлеб да соль, – начал издали, поглядывая на добротный стол.

– Едим да свой, – с каплей ненависти отозвалась Ира.

– Я вот зачем пришёл, – глядя на Митю, Толик состроил жалостливое лицо. – Мить, дело у меня к тебе есть, на вес золота.

Услышав о золоте, Ира оживилась. Повернув голову, нехотя улыбнулась и предложила присесть.

– Нет, спасибо, я на минутку заглянул. Мить, пойдём поговорим. Не хочу твоим мешать трапезничать.

Хозяин дома встал и, дожёвывая на ходу пищу, вышел на улицу вслед за соседом. Ирина заёрзала. Что это сосед-

скому мужику понадобилось? Никогда не общался, в гости не заходил, а тут дело на вес золота нарисовалось. Любопытство пересилило здравый смысл, и Ира вышла в сени, чтобы подслушать разговор.

– У меня брат с семьёй переезжает в нашу деревню, – по протяжному голосу было понятно – Толик волнуется. – У него детишек – аж десять штук. Сам он хворый, как и ты... Мить, жёнки у него нема, а жить как-то надо.

Ирина вслушивалась и крутила мысли в голове. А соседи тут причём? Поделить пополам ребятню и пустить жить в дом – так, что ли? Ага, уже. А кормить кто будет? У самих шаром покати. Развели голодных ртов, а теперь помогите. Разбирайтесь сами. Это не наше дело.

– Помочь чем-то? – Мите стало жаль ораву детей. Он заранее представил, как им тяжело живётся.

– Я слышал, тебе работу предложили сторожем.

– Ну?

– Уступи место брату моему, по-соседски прошу, – Толя опустил глаза вниз. – Дом им тут дают, а с работой туго.

Митя не стал раздумывать, сразу согласился. Дети не виноваты, что остались без матери. Отцу тяжело одному тащить такую обузу. Да и разве можно назвать детей обузой? Это счастье, которому тоже надо дать крышу над головой и кусок хлеба.

Сосед обрадовался и пожал руку Мите.

– Ты – огромной души человек! – Толя потряхивал руку

и благодарил. – Митя, спасибо, спасибо тебе!

Ирка как стояла у стены, так и сползла вниз. Ох, и получишь Митька за свою доброту. Ох, как получишь. Ирина выискивала должность по силам для мужа, а он взял и вот так легко отдал «хлебушек» постороннему мужику с выводком. Своих не счесть, а чужих – и подавно. Ну, держись, муженёк, сегодняшней вечер ты запомнишь надолго. Вот тогда и расскажешь, где раки зимуют, а то сих пор никто не ведаешь о том секретном месте.

Дождавшись, когда сосед уйдёт, Ирина плотно закрыла двери в основную часть дома и встала у выхода на улицу. Заходя в сени, Митя, заметив жену, остановился.

– А ты чего здесь? – насторожился муж, переступая через порог.

– Тебя жду, – ответила Ира, настроившаяся на скандал. – Разговор ваш услышала.

– Я так и подумал, – закрывая уличную дверь, мужчина снял калоши.

– Подумал он! – повысила голос Ира, не пропуская мужа в дом. – А чем кормить детей, ты не подумал?

– Молоко и картоха есть, что тут думать... – уставился на жену, ожидая ругани. – Хозяйство, дом – всё есть.

– Да ты что? – Ирину затрясло от спокойствия мужа. – Я о работе договорилась, а он наплевал на семью!

– Ну, началось. Если уж ты подслушала, о чём говорил Толик, то должна была слышать и об ораве ребятишек, ко-

которые тоже есть хотят, – насупился Митя. – Там мужик один тянет детей, а у тебя, если что, не так уж и голодно.

– Ах, вот ты как? Сравнил чужих оборванцев с моими? Между прочим, пока ты сюда не переехал, я тоже одна тянула – и ничего, не жаловалась!

– Тянула, согласен. Теперь у тебя есть муж, так ты избавилась от Машки, а теперь уже и Катю сбagriшь, – Митя наступил на самое больное место, о котором Ира умалчивала.

– Да я ж для них!.. Для их благополучной жизни стараюсь! Для тебя! – подняла крик женщина, захлёбываясь. – А ты!

– Детям нужен родной дом и родительская забота, а не казённые харчи с городскими квартирами. Как ты это не поймёшь?

– Это ты не понимаешь! Я думаю об их благополучии! Они потом сами спасибо скажут!

– Ты даже не заметила, как Маша скучает по дому.

– С чего ты взял? Ничего она не скучает! Ей там хорошо!

– А пойдём спросим, – Митя решил доказать, что девочку не радует отдельное проживание.

– А пойдём, – Ирина была уверена в своей правоте. – Сейчас сам увидишь, насколько ты не прав.

Заходя в кухню, мать и отчим уставились на Машу. Дети слышали, как мать отчитывала Митю, поэтому сидели тихо. Катя тут же вспомнила отца Василия, которому ох как доставалось: мама его пинала, толкала и вышвыривала из дома, когда он приходил домой в пьяном виде. Не дай бог по-

пасть в ту минуту под горячую руку матери – будешь наказан, и неважно, есть твоя вина в чём-либо или нет.

– Машка! – Ирина обратилась к дочери в крикливой форме, поставив руки на бока. – А ну, говори, как есть!

Девочка испугалась материнского писклявого голоса. По всему телу пробежались мурашки. Вцепившись в табурет руками, Маша напряглась.

– Нравится тебе жить в интернате, аль не? – Ирина устремила взгляд на старшую дочь, немного наклонив голову, будто она сейчас кинется в драку. – Должно нравиться! Мать только добра желает!

Ну, вот и ответ. Если сказать «нет» – мама отлупит и поставит в угол. Или того хуже – на горох. Ох, однажды Маша была наказана таким образом из-за Егорки, когда он сбежал зимой из дома. Было ему тогда года 3—4. Этот сорванец собрался на северный полюс к Деду Морозу, чтобы остаться у него навсегда. Как же, там столько игрушек и нескончаемого мороженого, снег никогда не тает, а в родном Починке нет такого счастья. Выждав время, когда Маша уйдёт в дровяник за полешками, Егор натянул фуфайку, обулся в Катины бурки, взял со стола половину чёрного хлеба и бравым шагом вышел на мороз. Поймали беглеца в магазине, когда мальчик решил зайти и попросить подарок для Главного дедушки. Нельзя же идти с пустыми руками – неприлично. Тётка Агафья схватила мальчика за шиворот и повела домой. И надо же было такому случиться, встретила Ирину, возвращав-

шуюся из гостей. А отец Василий в это время где-то шляется. Попало Маше по самое не балуй. До сих пор колени помнят твёрдый горох, впившийся в нежную детскую кожу.

– Ну? Чего молчишь? – напирала Ирина в ожидании ответа.

– Нравится, – вполголоса ответила девочка, не поднимая глаз.

– Точно? А то мне тут говорят, что ты хочешь вернуться в дом!

– Точно, – тем же тоном произнесла Маша.

Довольная Ирина повернулась к мужу и издевательски сказала:

– Видал? То-то и оно. Я лучше знаю, что хорошо для моих детей, – уходя в комнату, добавила. – Вот будет свой, тогда и воспитывай, а моих не трогай.

Митя не стал продолжать бессмысленный разговор и спорить с женой. Присев на табурет, с жалостью посмотрел на Машу, понимая, что ребёнок соврал, дабы не получить нагоняй от матери. Вспомнив свою маму, мужчина посмотрел в окно. Как она плакала, провожая сыновей на войну. Обливаясь слезами и обнимая их, мама каждому желала крепкого здоровья и скорейшего возвращения домой. Молилась на старенькую икону каждое утро и каждый вечер, прося Господа сохранить жизнь не только её детей, но и всех, кто ушёл на фронт. Дороже ребёнка ничего не существует в этом мире.

– Маша, – прошептал отчим, не поворачиваясь. – Почему ты не сказала правду?

– Я не хочу расстраивать маму, – ответила девочка, перебирая в руках подол платья. – Пап, она хорошая. Очень хорошая, только немножко ругается.

Дети, услышав, как Маша произнесла слово «папа», переглянулись. Как-то неправильно так говорить. Это чужой дядька. Егор встал и удалился в комнату, Катя же осталась доедать свою порцию. А ближе к ночи, ложась спать, задала вопрос сестре:

– А тебе не страшно было?

– Что? – накрываясь тёплым одеялом, спросила Маша.

– Папкой его называть?

– Нет, не страшно, потому что такого папки у меня не было. А дядя Митя очень хороший, хоть и хромой. Надеюсь, мама его никогда не выгонит.

– Мне он тоже нравится, – прошептала Катя, отвернувшись к стенке. – Даже Танькин отец не такой, как наш. Слышала, как он с одним мужиком ругался. Ох, и злющий же был, я аж домой захотела.

– Спи, Кать, спи, – зевала Маша, прикрывая рот рукой. – Завтра моя очередь обедом заниматься, а тебе пол мыть.

Глава 7

Конец августа.

Всего несколько дней до начала учебного года. Катюша волновалась и нервничала в предвкушении отъезда.

– А мы будем в одной комнате жить? – размахивая веником, не унималась Катя.

– Не знаю, наверное, – Маша занималась приготовлением обеда.

– И в одном классе учиться? – сметая мусор в железный совок с короткой ручкой, сестра продолжала вести разговор об интернате.

– Это вряд ли. Я же на год старше.

– А, ну да. Я и не подумала. А мороженое каждый день дают? И конфеты? А то я Таньке сказала...

– Какое тебе мороженое, – в дом вошла Ира, придерживая живот рукой. – Только об одном и думаешь. Где Митя?

– Сейчас позову, – Катя бросила веник на пол и побежала за отчимом на улицу. – Дядь Мить! Мамка зовёт!

Мужчина, положив ножовку на доску, поковылял к жене.

– Помочь чем? – спросил, открыв дверь в дом.

– Плохо мне что-то, – простонала Ира, ополаскивая лицо под умывальником. – Фельдшера надо звать.

– То-то гляжу, пришла на обед раньше времени, – забеспокоился Митя. – Маша, сбегай за доктором, а то сам боюсь

не поспеть.

Вытерев руки, девочка побежала за врачом. Катя, убрав на место веник и совок, присела на табурет. Не сводя глаз с матери, с осторожностью спросила:

– Ты заболела?

– Не знаю, – Ирина медленным шагом поплелась в комнату, чтобы прилечь.

– Ми-ить, посиди со мной. Ты рядом – мне полегче.

Отчим послушно отправился на зов. Катюша вышла на улицу и встала у калитки – встречать сестру.

– Плохо дело, раз за врачом послали, – пробормотала девочка, всматриваясь вдаль. – Никогда мамка не болела, а тут.

Через десять минут фельдшер приехал на велосипеде вместе с Машей. Оставив транспорт у калитки, мужчина поторопился в дом. Девочки не отставали.

– Ну-с, что у нас тут? – доктор отодвинул штору и заглянул в комнату. – Дмитрий, я бы попросил оставить нас. Думаю, дело довольно-таки щекотливое.

Митя поднялся с постели и позвал за собой Федю.

– А что с мамкой? – Катюша взяла брата за руку.

– Ничего страшного. Пойдёмте на улицу, – предложил отчим, открывая дверь. – Нечего дома сидеть.

Ребятишки выбежали на крыльцо. Федя, споткнувшись на верхней ступеньке, упал.

– Рёва-корова, – обозвала плачущего брата Катя. – Подымайся, нечего ныть.

– Отведи его за баню, пусть за цыплятами смотрит, – Маша нашла выход, как успокоить младшего брата. – Как врач уйдёт, я обед поставлю.

Катя нехотя подхватила мальчишку под мышки и поволокла в самый конец огорода. Федька выставлял ноги вперёд и упирался в землю, покряхтывая и размахивая руками.

– Я тебе, – ворчала сестричка, стараясь изо всех сил справиться с мальчуганом. – Ишь, какой. Сказали к цыплятам, значит к цыплятам.

Митя смотрел за детьми и улыбался.

– Пап, – Маша неслышно подкралась сзади. – Всё же хорошо будет?

– Конечно, – обернулся отчим. – Иначе никак. Подлечат, и всё наладится.

Мужчина поднял пилу и принялся доделывать начатое.

– Дмитрий! – крикнул врач, выглянув наружу. – Срочно! Скорую! Возьмите мой велосипед, так быстрее будет!

Не помня себя, Митя бросил инструмент на землю и рванул к калитке. Маша смотрела на отца и удивлялась, насколько он ловко запрыгнул на велосипед и, переваливаясь из стороны в сторону, начал давить на педали.

– Кто же нас в интернат повезёт, если с мамкой что-то случится? – Катя подошла к сестре, услышав крик доктора.

– Ну и дура же ты, – обернулась Маша и сдвинула брови.

– Дядя Митя, да? – жалобным голосом спросила Катя, не понимая, почему сестра так разозлилась.

– Да ну тебя, – махнув рукой, Маша пошла присматривать за братом.

Через час Ирину увезли на скорой в районную больницу. Митя порывался поехать с женой, чтобы быть рядом и подерживать, но врачи отказали.

– Всё равно помочь ничем не сможете, – высокий мужчина сдвинул очки на нос. – Как только будут какие-либо новости, мы вам сообщим.

Делать нечего, нельзя, так нельзя. Помахав отъезжающей карете скорой помощи, Митя вернулся в дом.

– Так, надо суп варить, – Мария повела Федю в хату. – А ты, Кать, скотину покорми.

– Опять я, – закатив глаза, сестра повисла на заборе.

– Найдёшь Егора – тащи сюда, пусть помогает, – строго сказала Маша, ступая на крыльцо. – Хватит ему шлындаться (ходить где-то). Совсем от рук отбился. Ну, я за него возьмусь.

Недолго думая, Катюша ушла на речку. Знамо дело, где искать братца. Он бы там с превеликим удовольствием поселился, была б его воля.

– Егор! – стоя у спуска к реке, крикнула Катя. – Айда домой!

– С чего это? – мальчик ходил по дну там, где мелко, вглядываясь в мутную воду.

– По хозяйству помогать надо! Я одна не справлюсь!

– Ещё чего, – не поднимая головы, Егор продолжил пере-

ступать ногами. – Сама всё сделаешь, не маленькая.

– Егор, – спустившись к берегу, девочка заговорила иначе. – Мамку в больницу забрали. Вроде как надолго.

– Да? – брат поднял голову. – А что с ней?

– Не знаю. Наш врач приходил и как заорёт «Скорую!», у меня аж в ушах зазвенело.

– Ясно, – загрустил Егор, выходя из воды. – Ладно. Пойдём, помогу. Но в последний раз.

– Видно будет, – Катя украдкой улыбнулась, радуясь своей победе.

Как ни странно, но Егор изъявил желание помогать не только по хозяйству. На плечи мальчика легли довольно-таки взрослые обязанности: поливка огорода, помощь по ремонту крыши сарая.

– А ты рукастый, – хвалил пасынка Митя. – Молодец! Вон, как с молотком управляешься.

– Спасибо, – Егор смущался и краснел.

За свои почти восемь лет он и не помнит, чтобы отец Василий хвалил сына.

– А он ничего, – как-то поздно вечером Егор излил свои впечатления о новом отце. – Жалко, что хромой. Перед друзьями стыдно.

Глава 8

Пришло время расставаться. Мать так и не выписали к отъезду детей. Ирине был прописан постельный режим, дабы избежать последствий. Беременность протекала с осложнениями, но врачи давали благоприятный прогноз, если женщина будет строго соблюдать предписания лечащего врача.

– А как вы хотели, кумушка? – утренний обход начался раньше обычного. – Сколько вам? Тридцатничек? Молодая ещё, нарожаете.

– И долго я ещё буду спину отлёживать? – хмурилась Ира, лёжа на боку. – У меня в доме мал мала меньше.

– Муж имеется? – задал вопрос крупный дядька с глухим голосом.

– Имеется, – буркнула женщина, натянув косынку на глаза.

– Ну вот, есть кому позаботиться, а вы так переживаете. Покой и только покой. Никаких стрессов. Пейте витаминки и восстанавливайтесь.

Уходя, доктор пожелал будущим мамам крепкого здоровья и не забывать о режиме.

– Ух, мировой дядька, – воскликнула соседка по палате Тома. – Я здесь уже третий раз и всё налюбоваться им не могу.

– Говорят, у него своих двое и один приёмыш, – влезла в монолог Галя. – Видела я его жену из окна. Стройняшечка такая – загляденье.

– Слышала такое, – Тома свесила ноги. – Но тот, приёмный, вроде как и не приёмный вовсе. От первого брака...

– Да не был он женат, – открыв дверцу тумбочки, сорокалетняя Фрося достала яблоко. – Врут всё. Женился, да, лет в тридцать, а ребятишки – все не его.

– Как это? – у Тома округлились глаза.

– А вот так. Достались в наследство от старшего брата. Ой, там такая история, – откусив огромный кусок зелёного фрукта, Фрося уселась поудобнее и начала свой рассказ. – Брат погиб, а жена нашла другого. Дети неприглядные, голодные, никому не нужные. Сжалился Михалыч над выводком и забрал к себе. Жена против была, брыкалася, но наш врач из крутого теста – не дал в обиду племянников. Дали ему квартиру побольше в нашем районе и должность главного врача.

– Тю, – Тома скривила губы. – Хорош брехать. Не было такого.

– А вот и было, – Ефросинья кинула на поверхность тумбы огрызок и полезла ещё за одним яблоком. – Я здешняя, мне лучше знать.

– Неважно, свои или родные, главное – человеком вырастить, – Галина подошла к открытому окну. – У меня сестра взяла так одного, а лет через пять – второго. Мало того, раз-

ница между ними в два года, так старший вырос ворюгой, а малой – тружеником. А позже выяснилось, что они родные братья от одних отца и матери.

– Ой, – Фрося доела второе яблоко и прилегла. – Куда ходить, у меня их пятеро, и все разные.

– От разных отцов? – Ирина оживилась, слушая бабские беседы.

– Не. Ванька у меня один, – опешила от вопроса Фрося. – Я о характере говорю. Старший Никитка весь в отца. Любит с железяками возиться да молотком помахивать. Илюшенька больше со мной время проводит – обожает готовить. Недавно шить научился.

Ира слушала, положив голову на подушку, и понимала: а ведь женщины правы, какая разница, кто отец – главное, воспитать человеком.

***

– Завтра поутрянке на автобус, – Митя поставил ногу на верхнюю ступень лестницы. – Егор, остаёшься за старшего. Хотя...

Кое-как спустившись вниз, мужчина опустил лестницу на землю.

– Не, малы вы ещё с Федькой. Надо няньку для вас подыскать, – сказав вслух, Митя вспомнил о соседе. – Я сейчас до Толика дойду, а вы – мыться и в постель.

Открыв соседскую калитку, Митя вошёл во двор.

– Есть кто дома? – крикнул в сторону сарая и прислушался.

Не дождавшись ответа, постучал в дверь хаты.

– Здорóво, – Толя открыл дверь. – Какими судьбами?

– Слушай, просьба есть, – Митя был уверен, что Толик не откажет. – Завтра с утра в Брянск еду, а малых оставить не с кем. Может, приглядите по-соседски?

Анатолий поставил руку на дверной косяк и сделал беспокойный вид.

– Завтра? – прищурил глаза, подняв голову к небу. – Не, завтра не могу. Трошкиным обещал помочь.

– А если Степана попросить? Он у вас уже взрослый, справится, – Митя искал выход из сложившейся ситуации.

– Стёпка с бабкой в соседнее село умотали. Будут через два дня.

– Ох, что же делать? – хоть Митя и хвалил Егора за проявленное трудолюбие, но всё-таки не доверял ему младшего пасынка.

– А чего в сад не отправляете? – смекнул Толя. – Всё ж подмога.

– Дык старый развалили, а новый не построили ещё.

– А-а, я и забыл. Мой-то обалдуй большой уже... Ну, ты не серчай, – Толя хлопнул по плечу соседа. – Давай, пока.

Подойдя к своему дому, Митя задумался. Не тащить же с собой ребяташек. Не ближний свет, устанут по такой жаре,

а в деревне и присмотреть некому. Ирина особо не общается с местными женщинами, так, по работе если, и то в дом никого не пускает. Да и Митя сам только лишь здороваются с жителями, не более. Что же делать?

– Привет, Мить, – кто-то прошёл мимо. – Как жизнь?

Митя повернул голову и улыбнулся.

– Здравствуй, Володя. Жизнь – только держись, – протянул руку. – Сам как?

– А никак, – Владимир пожал руку Мити. – Хотел завтра печкой заняться, да тёща приезжает. Не будешь же пылить. Подумает – назло.

Мужчины громко рассмеялись.

– Печка – это хорошо, – Митя покосился на свой дом. – А я завтра в Брянск еду. Надо девчонок отвезти.

– В интернат? – наклонив голову, спросил Вова.

– Ага, учиться пора.

– Слушай, Мить, – покрутил головой Володя и, убедившись, что никто не подслушивает, продолжил. – Правда, что вы голодаете?

– С чего ты это взял? – Митя был обескуражен столь каверзным вопросом.

– Люди всякое болтают... – Володя пристально посмотрел на деревянное жилище и вздохнул. – А зачем тогда в интернат вы их отправили?

– Там образование получше и... – пожал плечами Митя, не зная, как правильно ответить, чтобы по деревне

не пошло ещё больше слухов. – Только пацанят оставить завтра не с кем.

– Так приводи к нам, – предложил Вова. – Завтра у меня выходной, присмотрю.

– Спасибо! – обрадовался Митя и тут же сник. – Только... ты же завтра занят будешь, мне Толик сказал.

– Так это вечером, а с утра я абсолютно свободен.

– Ещё раз спасибо, – пожав руку Володи, Митя попрощался и двинулся к крыльцу.

Ну и Толик, ну и болтун. Отказал в плёвой помощи. Да что за ними смотреть? Через забор поглядывай, чтоб со двора не сбежали, и покорми в обеденное время – всё, делов-то. Пройдоха ты, Толя, не по-соседски поступил, не по-человечески.

Рано утром Митя вместе с падчерицами отправился в Брянск. Больше всех была счастлива Катя. Всю дорогу девчушка задавала вопросы, поглядывая в окно автобуса и представляя, какой будет жизнь в интернате.

– А как зовут девочек, которые с тобой в комнате живут?

– Я тебе уже говорила, – Маша устала от надоедливой сестры.

– А Танька Зотова мне позавидовала, – усмехалась Катя. – Когда я рассказала, куда уезжаю, она обиделась и больше не пришла.

– Ну и ладно, – Маша разомлела от яркого тёплого сол-

нышка и уже всюду засыпала.

– Эй, – Катя толкнула сестру в плечо. – Спишь, что ли? Я с ней разговариваю, а она...

– Катя, сама всё увидишь, хватит приставать, – занервничала Маша. – Всё лето проходу не давала и опять с вопросами лезешь. Не буду я больше ничего рассказывать.

– Ой, ну и ладно, вредина, – сложив руки на груди, сестра отвернулась.

Митя наблюдал за девочками, сидя напротив, и улыбался. Какие же они смешные. Как бы то ни было, они любят друг друга.

Автобус остановился у автовокзала. Сёстры поспешили на выход, Митя же чуть задержался, закидывая на спину сумки с вещами.

– А теперь куда? – Катя закрутила головой, растерявшись. Столько народу она видела всего один раз в жизни, когда мама привозила её к Маше в гости. Но зимой людей было как-то меньше. Или просто так показалось. Хотя кому захочется гулять по улице в морозный день.

– Ого, откуда их столько? – прошептала Катя, прижимаясь к сестре.

– Приехали, наверное, – Маша ждала отчима. – А вообще, это же город.

– И ты их всех знаешь? – ляпнула Катя, не подумав.

– Сдурела?

– А я в нашей деревне всех знаю, – озиралась девочка,

чувствуя себя неловко.

– Сравнила нашу деревню и город.

Дождавшись отчима, все трое двинулись в сторону интерната. Маша шла, опустив голову. Закончилось лето, жаль. Так быстро, что не успела толком насладиться деревенским воздухом и родными местами. Теперь ждать следующего лета очень долго, а так хочется остаться в Починке навсегда. Одна отрада – Катя рядом. Пускай, она очень надоедлива и любопытна, зато напоминает родные края и дом.

– Будем писать письма в деревню, – вдруг сообразила Маша. – А то я не догадалась...

– А зачем? – Катя всей душой прилипла к интернату.

– Как зачем? – Маша остановилась. – Целый год не увидишь маму и братьев. Соскучишься.

– Не-а, – улыбалась сестра. – Мне и здесь хорошо.

– Правильно, Машуль, – отчим поддержал идею Марии. – Надо поддерживать связь с родными.

Издалека начал виднеться интернат.

– Вот он, – грустила Маша, передвигаясь тяжёлыми шагами.

– Ого, какой, – заметив серое мрачное здание, Катя немного опешила. – А я думала, интернат – разноцветный, если там одни дети живут.

– Угу, красный, – съязвила старшая сестра. – Или голубой.

– Дом как дом, – Митя чувствовал, каким будет тяжёлым расставание с девочками. Он знал, насколько Маше трудно

отрываться от родного дома.

Подходя к воротам, Катя сникла.

– Ну вот, некрасивый какой.

– А ты как думала? – Маша вошла во двор.

– Наш дом и то симпатичней. Зелёный.

– А этот серый. Заходи и не ной, – дала команду сестра.

Открывая дверь здания, Маша вошла первой. Тихо. Непривычно тихо. Обычно слышен гам девчонок и беготня, а тут – никого.

– Мы первые? – Катюша взяла сестру за руку.

– Это вряд ли.

По коридору послышались шаркающие шаги. Маша приоткрыла дверь и узнала воспитательницу.

– Здравствуйте, Изольда Валентиновна, – громко поздоровалась.

– Как-как её зовут? – Катю рассмешило странное имя женщины. – Соль, зола?

– Да тише ты, – Маша незаметно стукнула сестру по руке и прошептала. – Изольда.

Пожилая женщина подошла ближе. Катя рассматривала незнакомку с любопытством. Седые, как снег, волосы убраны в незамысловатую причёску. Такую носят бабушки, заколов волосы сзади и подоткнув гребешком. Обыкновенное платье в пол и тёмно-зелёный пиджак придавали шарма женщине, а непринуждённая улыбка – доброты.

– Хорошая, – шепнула Катя на ухо сестре.

– Кто к нам приехал, – сложив пальцы в замок, покачала головой женщина. – Машенька, я так рада тебя видеть, – переведя взгляд на вторую девочку, спросила, – А это кто у нас, Катюша?

– Ага, – Катя расцвела и протянула руку. – Будем знакомы.

Воспитательница в ответ пожала руку девочки и добавила:

– Какая вежливая, воспитанная Катюша, – Изольда улыбалась, глядя на детей, и вздыхала.

– Здравствуйте, – Митя также поздоровался и протянул руку. – Вот, доставил.

– Вижу-вижу, – женщина обратила внимание на сумки. – Вещи?

– Да, еле донёс. Далековато живёте, – Митя опустил ношу на пол и протёр лоб.

– У нас автобусы ходят, – подняв брови, сказала воспитательница.

– Ничего, мы своим ходом, – Митя понимал – на проезд денег впритык.

– Ну, попрощайтесь с папой и пойдёмте устраиваться, – поторапливала детей Изольда. – У нас сегодня аншлаг. Многие приехали...

Маша развернулась и, обняв отчима за пояс, зажмурила глаза.

– Прощай, папка, – сказала вполголоса, сдерживая слёзы.

– Почему же «прощай», – Митя погладил девочку по голове. – До новых встреч.

Катя, глядя на сестру, ощутила тоску по дому. Прижавшись к отчиму с другой стороны, заплакала.

– Пап, я буду скучать, – неожиданно для всех произнесла девочка.

Все органы мужчины вздрогнули. Вот и вторая назвала отцом. Наконец-то.

– Ну, что же вы, сестрички, – закусив губу, Митя гладил детей по волосам. – Не навсегда ж расстаёмся. Будем переписываться, а летом... А почему летом, зимой, на Новый год соберёмся все вместе.

– Мамка сказала – летом, – из-за сестры Маша тоже заплакала.

– Ну, мало ли, что она сказала. Зимой тоже можно.

Изольда стояла как вкопанная. Вспоминая, сколько детей за её годы работы в этом интернате прощались вот так с родителями, женщина почувствовала огромную тяжесть внутри, в душе. А что поделать? Жизнь такая, приходится отдавать детей на казённые харчи и чужое воспитание.

– Пойдёмте, дети, – воспитательница понимала – чем дольше они будут стоять, тем труднее уйти. – Катя, идём посмотреть твою комнату.

– Как? – Катя отцепилась от отца и перестала хныкать. – Я не буду жить с Машей?

– Ваши комнаты рядом, так что не переживай.

– Я не хочу, – девочка мгновенно пожалела о своём приезде. – Я хочу с Машей.

– В комнате, где живёт Маша, нет свободных мест, – уточнила Изольда. – Тебя поселили в соседнюю.

– Так нечестно. Мы же сёстры, – возразила девочка, вцепившись в руку сестры. – Я без неё никуда не пойду.

– Что ты как маленькая? – Маше стало стыдно за Катю. – Бери сумки и пошли.

Схватив хатули́ (сумки), девочки поплелись за Изольдой Валентиновной к лестнице.

– С богом, – пробормотал Митя вслед дочкам и удалился.

Катя поднималась по ступенькам, ощущая всем нутром неприязнь к этому месту. Захотелось бросить тяжёлые сумки и рвануть за отчимом, но она этого не сделала. Чем выше подъём, тем противнее от чужих стен.

– Я домой хочу, – буркнула девочка, глотая солёные капли.

– Поздно, – прошептала сестра. – Мамка отругает, если ты сейчас за папой побежишь.

Катя остановилась на последней ступени. Поставив сумки на деревянный пол, перевесилась через перила и посмотрела вниз.

– Папка! – крикнула во всё горло и заплакала ещё сильнее.

– Катя, – к ребёнку подошла воспитатель. – Ты уже большая, должна понимать: в жизни часто придётся мириться с жизненными трудностями, а вот после долгого терпения приходит радость.

– Какая ещё радость? – всхлипывала Катя, вытирая глаза размашистыми движениями.

– Станешь старше – поймёшь, – Изольда не торопила события. – Поймёшь, что в этом мире всё делается к лучшему.

– Долго ждать? – Катя потихоньку успокаивалась.

Ничего не ответив, Изольда Валентиновна махнула головой и пошла по коридору.

– Не реви, – Маша шла рядом с сестрой, глядя в спину воспитателя. – Мы же не в больнице, а в доме, где куча детей.

– Угу, – последний раз всхлипнула Катя и выдохнула.

Изольда, остановившись у двери комнаты, улыбнулась и сказала:

– Заходи, осваивайся.

Катя вздрогнула.

– А где ты будешь? – спросила сестру.

– А вот, – Маша указала на следующую дверь у окна.

– Я пойду, – воспитатель сделала шаг назад, – а ты, Маша, объясни всё сестричке, разложите одежду, – распахнула дверь, – вот те две койки свободны, выбирай любую.

– Спасибо, – Маша поблагодарила женщину и дёрнула Катю за платье.

– Спасибо, – вполголоса сказала Катя, сунув голову в дверной проём.

Заходя внутрь, Катя глубоко вдохнула. Ого, какая огромная комната, не то, что в деревне. А окна, окна-то какие, ну прямо как в школе.

– А где учат? – кинула сумки на кровать, стоящую у стены. – На первом этаже?

– В школе, – ответила Маша, аккуратно поставив ношу на пол.

– А где она?

– Тут, недалеко.

Поводив носом всюду, куда можно было заглянуть, Катя воспряла духом.

– А теперь пошли посмотреть твою комнату!

Заводя сестру в своё пристанище, Маша обратила внимание на Свету. Девочка сидела на подоконнике и болтала ногами.

– Привет! – поздоровалась с некой надменностью.

– Привет, – нехотя ответила Маша, приближаясь к своему месту.

– А это кто? – Света показала пальцем на Катю.

– Меня Катей зовут, – бойкая младшая сестра запрыгнула на кровать Маши.

– Нельзя прыгать, – вполголоса предупредила Маша, стаскивая Катю вниз. – Пружины лопнут.

– К нам вообще посторонним заходить запрещено! – ещё громче высказала Света, спрыгнув с подоконника. – Ты кто такая?

– Я? – выпучила глаза Катя, заметив наглый тон. – Сестра Маши.

– А-а, я тебя вспомнила, – Светлана присела на свою кой-

ку. – Это же ты с матерью приезжала сюда. Ещё зимой.

– Да, я, – Катюша задрала кверху нос и поставила руки на бока.

– И что тебе здесь надо?

– Жить буду.

– Ты? С чего вдруг? У тебя свой дом есть! – Светка начала нервничать то ли от дерзкой девчонки, то ли от зависти.

– Сама захотела, – Катюша вела разговор на равных.

– Ха! Ври больше! – вскочив на кровать, закричала Света. – Тебя, как и Машку, бросили!

– Неправда! – не выдержала Катя. – Это тебя бросили! А я сама захотела!

– Бе-бе-бе! – Светлана скорчила глупую рожицу. – Бросили! Бросили!

– Это ты врушка-толстушка, – придумала обидное прозвище Катя и также скорчила рожицу.

– Пошла отсюда! – победу в соперничестве одержала Катя, и Светку это взбесило. – А то принесёшь какую-нибудь заразу! Вон, Машку даже постригли из-за этого!

Катя замерла. Как постригли? Ей же сделали новую причёску и всего-то.

– Не слушай её, – Маша не обращала внимание на соседку. – Пусть говорит, что хочет.

– Опять наврала? – щёки Кати порозовели. Запрыгнув на кровать Светы, девочка выставила живот вперёд, как бы устрашая. – Ну и вруниха же ты! Фу, толстая вруниха!

– Слезь отсюда! – столкнув Катю, Светлана схватила подушку. – А то сейчас как дам!

– Попробуй только! Я тебе голову оторву! – Катя поднялась с пола и погрозила кулаком.

Маша смотрела на девочек, не предпринимая никаких действий. Пусть ссорятся, за Катю не страшно. Она смелая, может и сдачи дать.

– Вы обе никому ненужные! – Света вспомнила о дядьке, которых привёл сестёр. – Даже ваш дядька вас бросил!

– Это не дядька, а наш папа! – вступилась за отчима Катя.

– Ага, конечно! Откуда он взялся? Машка говорила, что ваш папка в речке утонул!

– Это новый папка! И он очень хороший! Лучше всех!

– Вруха! Не бывает новых или старых! Этот дядька вас сюда притащил, а сам будет в вашем доме жить! Вы – помеха!

– Что ты сказала? – Катя встала у кровати вплотную и упёрлась ногами в железную перекладину.

– А ещё колченогий, а значит, слабый и больной! Бе-бе-бе! – выкатив язык, Света издала противные звуки.

– Закрой свой рот! – тут уже Маша пошла в наступление. Слова соседки ударили по больному месту. – Или я тебя...

– Да что ты мне сделаешь? Ха-ха! – Светку понесло. – Самая такая же станешь, если подойдёшь!

– Извинись, – грудным голосом захрипела Маша, напугав тем самым сестру. – Извинись сейчас же!

– Ага, сейчас! Разбежалась! – запрыгала на кровати Све-

та. – Все вы такие, больные и хромые!

Маша вышла из себя. Подскочив к девочке, со всего размаху ударила кулаком по лицу гадкую Светку.

– Ой, мамочки, – Катя отошла назад, побледнев.

Маша замерла. Света, потрогав щеку, а потом и губы, сплюнула в руку.

– Что у тебя там? – еле слышно спросила Маша, вытянув шею.

Светлана разжала кулак и завизжала.

– Я всё расскажу! Всё! Тебе попадёт! – вопила девочка, вытирая рот. – А-а! Изольда Валентиновна!

Спрыгнув с кровати, Света выбежала из комнаты с душевными криками.

– Ты ей зуб сломала, – Катя встала у стола. – Нас теперь выгонят, да?

– Никто никого не выгонит, – уверенно ответила Маша и продолжила складывать свои вещи в тумбочку. – Иди в свою комнату, а я сама разберусь.

Катя медленно двинулась к двери. Со стороны движения девочки выглядели так, словно она передвигала ногами в воздухе, не касаясь земли.

– Быстрей! – скомандовала сестра, и Катю как ветром сдуло.

Предчувствуя скорую расплату, Маша села на кровать, выпрямилась в струну и положила ладони на колени.

– Машенька! – В комнату вошла Изольда, задыхаясь

от собственной спешки. – Что у вас здесь произошло? Как? Ты же только что приехала!

– Она меня ударила! – зарёванная Света встала рядом с воспитательницей. – Я ничего не сделала, а она! Она! Похвалилась, что с сестрой жить будет и сказала, мне надо освободить койку!

– Маша?! – никак не ожидая такого поведения от воспитанницы, Изольда Валентиновна ахнула. – Мне не верится, что ты могла так поступить...

– Это неправда! – поднявшись на ноги, произнесла Маша. – Она всё врёт! Пусть расскажет, как...

– Врунья! Врунья! – запрыгала Света и, схватив женщину за руку, закричала. – Они меня вдвоём били, представляете? Катя запрыгнула на кровать и начала обзывать, а потом...

– Она врёт! – Катя никуда не уходила. Стоя за дверью, подслушивала. – Она сказала, что мы с сестрой заразные! А ещё сказала, она здесь главная! Она первая ударила меня по лицу!

Слушая детей, Изольда не знала, кому верить. Свету знала прекрасно, как заводилу и очень неуравновешенного ребёнка, а Маша за весь год показала себя с хорошей стороны.

– Значит так, – посадила Свету напротив Маши. – Зуб вырастет. Молочный выпал – не страшно. А насчёт ваших скандалов я должна доложить директору.

– Не надо, – прослезилась Света, испугавшись выселения. Все знали, насколько строгий Василий Иванович. Может за-

просто отправить, куда следует, из-за частых скандалов. – Я больше не буду!

– Честное слово? – улыбнулась Изольда, глядя на расстроенную Свету.

– Честное слово, – вытирая лицо, прошептала девочка.

– В таком случае, помиритесь и хватит уже ругаться. Как вы не понимаете, вам нечего делить. Все находитесь в одинаковом положении. Пройдут годы, вы станете взрослыми и покинете стены интерната. Вас будут вспоминать, как драчунов и скандалистов – вы этого хотите? – строго спросила женщина. – Многие возвращаются, чтобы встретиться с воспитателями, рассказать, как сложилась их жизнь и поблагодарить работников за тяжёлый труд. А что делаете вы? Вы же будущее поколение нашей великой страны. Какой пример подаёте остальным детям? Все люди – братья...

– И сёстры, – вздохнула Катя, опустив голову.

– И сёстры, верно. Прекратите выяснять отношения и унижать друг друга. Знаете, как в жизни бывает? – Изольда заговорила чуть тише. – Были мальчишки, ненавидевшие друг друга, а когда выросли, стали друзьями не разлей вода.

– Ого! – воскликнула Катя. – Разве так бывает?

– Ещё и не такое бывает. Жизнь – это целая загадка. Сегодня подрались, а завтра...

– А завтра помирились, – Катя вновь вздохнула.

– Верно, – Изольда с улыбкой посмотрела на новенькую. – Заканчивайте ссориться. Вы же хорошие, и я в этом уверена.

Пройдёт время, и я не удивлюсь, если Света и Маша станут лучшими подругами.

***

Зима.

Митя и Ира готовились стать родителями. Ирине не впервой, поэтому особо и не волновалась, а вот Митя не находил себе места.

– Надень шерстяные носки, – принёс жене носочки, связанные собственноручно. – Ноги простудишь.

– Какой ты заботливый, – Ирина сидела за столом, поглаживая огромный живот. – Жарко в них.

– Ничего, пусть жарко, зато в тепле, – наклонился, чтобы надеть носки Ирине. – Здоровье надо беречь.

Натянув носочки на ноги, Митя выпрямился.

– Скоро Новый год. Надо бы девчонок привезти на праздники.

– Ой, – Ирине не понравилась эта идея. – Зачем? Пусть в интернате празднуют. Там всё ж получше, чем у нас.

– Ну, ты скажешь тоже, – присев за стол, мужчина положил руку на столешницу. – Уверен, они соскучились и хотят провести этот день с семьёй.

– Ой, Митя, – схватившись за живот, Ира скривила лицо. – Что-то мне нехорошо. Пойду прилягу.

Поднявшись, тяжёлым шагом двинулась в комнату.

– Ты меня только расстраиваешь. Ну, сам подумай, девочки и питаются хорошо, и подарки получают, а здесь? Да и рожать мне скоро, надо комнату в порядок привести, кровать поставить...

– Это да-а, – прошептал Митя. – Пора готовиться, – вспомнив о письме, добавил, – что-то не отвечают девчонки. Четыре письма уже послал, а ответа так и нет.

– Я же говорю, всё у них хорошо. Не хотят писать, и не надо, – крикнула Ира из комнаты. – Было бы плохо, давно б прислали хоть строчку.

Митя не знал, что девочки присылали письма. Жена, получив весточку от детей, бросала конверты в печь. Сёстры писали, как сильно скучают по дому, деревне, как им хочется увидеться с родными. Чтобы не берeditь душу мужу, Ирина скрывала письма.

– Пусть своего ждёт и радуется, – бормотала себе под нос, открывая печную дверцу. – Нечего душу греть, а то привезёт девок в хату, и тогда что? Столько ртов не прокормить.

Но, как только в феврале родилась родная дочь Мити, Ирина заговорила по-другому.

– Ой, тяжко мне, Митенька, – качая на руках маленькую Валечку, шептала женщина. – На мальчишек положиться нельзя. Надо бы Катюшу забрать.

– Не дело это туда-сюда ребёнка перекидывать, – помещивая чай в кружке, ответил муж. – Она там привыкла, а ты её сюда хочешь притащить. Разве можно так издеваться над

ребёнком?

– А надо мной можно? – Ирина задала вопрос жалостливым голосом. – Не было у меня таких беспокойных. Вала днём и ночью покоя не даёт. Всю спину ломит, руки уже не те...

– Я же помогаю, – Митя поднял глаза на жену. – Справляемся.

– Это тебе так только кажется. Не видишь, какие у меня круги под глазами? Я будто с перепоею. Наши алкаши и то лучше выглядят.

– Ну, ты скажешь тоже, – усмехнулся муж, поднимаясь на ноги. – Смотри сама. Ты мать, и тебе решать. Но я б не стал дёргать ребёнка.

– Девочек нужно с детства приучать к заботе о детях, – смекнула Ира. – А то вырастет и не будет знать, с какой стороны подойти.

– И то верно, – согласился Митя. – Тут я с тобой солидарен.

В конце февраля Ирина появилась на пороге интерната. Узнав, что мама забирает Катю домой, Маша огорчилась, но ещё больше загрустила Катя.

– А Маша? Ты её тоже заберёшь? – поглядывая на сестру, Катюша собирала вещи. – Я не хочу без неё уезжать.

– Нет. Маша остаётся здесь, – Ирина расстегнула верхние пуговицы старенького пальто. – Ох, и душно у вас тут.

– Так нечестно! – топнула ногой девочка. – Почему она

остаётся?

– А ну, цыть! По кочану и по капусте, – бросив короткий взгляд на соседок по комнате, Ира приструнила дочь. – Ты как с матерью разговариваешь? Этому тебя здесь научили? Тогда тем более едешь домой!

Сжав челюсти, Катя продолжила складывать одежду в сумку.

– Мам, – Маша, взяв за руку Иру, спросила негромко. – А вы письма получали? Мы с Катей писали каждый месяц...

– Не знаю, – одёрнула руку женщина. – Ничего не видела. Значит, так писали. Или адрес не тот указывали.

– Тот, – опутив глаза, Маша отошла в сторону.

Наблюдая в приоткрытую дверь за сёстрами и их матерью, Светлана почувствовала ненависть к тёте Ире.

– Ну и мамаша, – бурчала Света, сузив глаза. – Бедная Маша. Не любит она тебя. Совсем не любит.

Собравшись, Катя попрощалась с соседками и сестрой.

– Обидно, – хныкала девочка, обнимая Машу. – Мне здесь очень понравилось.

– Скоро лето. Я приеду, и будем вместе, – у Маши сжималось сердце. – Пиши мне только.

Глава 9

Прошло пять лет.

За это время Катя повзрослела и многое поняла: на самом деле мама желала только добра своим детям. Вдоволь насмотревшись, как Ирина устаёт после работы, с хозяйством и воспитанием своих отпрысков, Катюша решила никогда не осуждать мать. Многие живут подобным образом в Починке, отдаваясь полностью труду и не уделяя должного внимания своим детям. Трудности закаляют, дают повод лишний раз подумать и обрести цель, чтобы крепко встать на ноги и не знать голода и лишений.

– Машка приехала! – заметив из окна сестру, Катя выбежала на улицу. – Ма-аша-а!

– Тише, раздавишь, – улыбаясь, Маша обняла Катю. – А ты за последний год ни капельки не изменилась.

– Ты тоже, – шепнула на ухо девушка и прижалась ещё сильнее. – Красивая какая.

– Нравится? – Маша отпрянула от Кати и взялась за подол цветастого платья. – Сама сшила.

– Ну ты и мастерица! Умница, – похвалила сестрёнку Катюша. – Я тоже научусь, – почувствовав, как кто-то схватил за ноги, обернулась. – Ой, Валечка! Напугала.

Подняв на руки темноволосую девчонку, потрепала её за щёчку и сказала:

– Видела, как Валя подросла?

– Ага, – не обращая внимание на младшую сестру, Маша подняла чемодан и вошла в дом.

Катя немного оторопела. Устала, наверное, поэтому ведёт себя отстранённо. Ну, ничего, сейчас отдохнёт и снова-здорово: на речку и... и с Гришей на свиданки.

– А где все? – не поворачивая головы, спросила Маша.

– Мамка с отцом на работе, а Егор и Федя помогают в колхозе, – отпустив ребёнка, Катя присела на табурет. – Ты голодная?

– А есть жареная картошка? – улыбнулась Маша, разглядывая новые занавески на окнах.

– Конечно, есть! – Катя включила керогаз. – Сейчас подогрею.

Маша жуть как любила жареный картофель с луком. Ничего не надо, даже конфет, подавай картошку, и всё тут.

– С каких это пор Егор таким работягой стал? – занырнув в горницу, Маша решила проверить, что изменилось за год в родном доме.

– Да давно уже... – помешивая поджарки, отвечала Катя. – Он и папке помогает в сарае и...

– Папке, – с ехидством повторила Маша, выглянув из-за штор, разделяющих комнату от кухни. – Помню-помню, как я им восхищалась, письма писала... А в ответ – тишина.

– Маш, – отключив керогаз, Катя взяла тарелку. – Зачем ты так? Он ведь и правда писал, я сама видела.

– Значит, не отправлял, – утверждала девушка. – Одна видимость отцовской любви. Всё с ним ясно.

Поставив на стол полную тарелку жареной картошки, Катя позвала сестру ужинать. Маша уселась за стол, ещё раз осмотрела кухню и вздохнула.

– М-да, хоть бы ремонт сделали, – взяла вилку и, переведя взгляд на чемодан, крикнула. – Не лезь! Тебе кто разрешил?

Маленькая Валюша отпрыгнула в сторону в тот момент, когда чемодан раскрылся, и несколько вещей упали на пол.

– Напугала ребёнка, – сложив одежду на место, Катя обняла девочку. – Ты чего так кричишь?

– Что за привычка совать свой нос куда ни попадя? – положив в рот вкуснющие жареные брусочки, Маша закатила глаза. – Каждый день бы её ела.

– Какая-то ты злая стала, – Катя, пожалев ребёнка, усадила девочку за стол. – Будешь молоко пить?

– Буду, – обиженно взглянув на Машу, Валя застучала снизу по столешнице.

– Ты можешь хоть минутку посидеть спокойно? – занервничала Маша. – Только приехала, уже обратно хочется!

– Хватит тебе, – Катя налила молока в кружку из кринки. – Я всё спросить хотела, ты почему зимой не приезжала?

– А зачем? – пережёвывая пищу, спросила Маша. – Чтобы ещё раз услышать от матери: «Сидела б ты в интернате, чего сюда таскаешься?» Приехала пару раз, с меня хватит.

– Это она не подумавши сказала – выгораживала маму Ка-

тя. – Ты же сама видела, как она ангиной болела. Боялась, что и тебя заразит.

– Ой, да ну! – стукнув пальцами по столу, Маша отодвинула тарелку. – Наелась. Спасибо.

Приподнявшись, поправила поясok на талии, взялась за чемодан и громко объявила:

– Я сейчас ухожу. Буду поздно.

– К Грише?

– Какая разница? К Вере с Нинкой, – вильнув бёдрами, скрылась за шторой. – Матери скажи, что ночевать буду на сеновале. Сейчас тепло и дождей нет.

– Хорошо, – наблюдая, как Валя с удовольствием потребляет молоко, Катя вдруг вспомнила. – А ты куда после интерната? Сюда, в деревню?

– Ага, сейчас, – зажав зубами шпильки, Маша закручивала волосы на затылке. – Есть шанс попасть на завод ученицей. А там и получу квартиру, статус и уважение.

– А институт?

– Сдался мне ваш институт. Я и без институтов удачно устраюсь. Терять пять лет за книжками? Нет уж, дудки. Сами пыхтите. Я и так начальником стану. Это уж точно.

– А нам Агриппина Марковна говорила, что без высшего образования не попасть в руководители, – задумчиво произнесла Катя.

– Ваша Агриша – старая и недалёкая. Сейчас другое время. Не надо иметь диплом или родню в верхах, чтобы стать

кем-то. Работай на совесть, и тебя заметят. Правильно Светка говорит, слушай поближе, смотри подальше – авось выгорит.

– До сих пор удивляюсь, как вы с ней подругами-то стали.

– Она умнее меня, хоть и взбалмошная. С детства знает, как нужно дорогу прокладывать, – хихикнула Маша. Натянув модные туфли, выбежала на улицу.

– Даже тарелку за собой не помыла, – нахмурила брови Катя. – Нет, не обвыкнется. Изменилась моя сестрёнка и очень сильно.

Подходя к плакучей иве, Маша остановилась, прислушалась, а после чуть слышно спросила:

– Гри-иш, ты тут?

– Тут, – отозвался молодой парень, лёжа на траве. – Почему так долго?

– Я не кобыла, чтоб через всё поле галопом бежать, – Маша присела рядом и улыбнулась. – На танцы-то пойдём?

– Пойдём, – юноша привстал на руку, разглядывая лицо подруги. – Не передумала ещё оставаться в городе? А то у нас тут работы хватает. Да и вообще, бежать из родных мест – это как-то...

– На предательство похоже? Ты это хотел сказать? – Мария подобрала колени под себя и нахмурилась. – Моя жизнь. Где хочу, там и живу.

– Никто и не спорит, – Гриша отвернулся, перевернув-

шись на живот. – А я думал, мы с тобой дом здесь справим, поженимся и...

– Что? – Маша ощутила холодок в горле. – Ничего себе...

– А что? Не пошла бы за меня? – повернул голову Гриша и сощурил глаза.

– Я даже не знаю, – щёки девушки налились румянцем. – Рано ещё думать об этом.

– Ничего не рано, – вскочил на ноги Григорий и упёрся вытянутой рукой в иву. – Через два года тебе восемнадцать. Уже можно будет подать заявление.

– Иди ты, – расхохоталась Маша, откинув голову назад.

– Что смешного? – Гриша сложил руки на груди и, обиженный, отошёл в сторону.

Поднял несколько мелких камней, прицелился и запустил их по водной глади один за другим. Маленькие гладкие «пули» четыре раза проскальзывали по прозрачному полотну, подныривая под тонкий слой воды, и, теряя силу толчка, на пятый – тонули, опускаясь на дно.

– Замуж и остаться в деревне, – поднявшись на ноги, девушка отряхнула подол платья. – Завести хозяйство и идти работать... Кем? Дояркой?

– А что здесь такого? – не поворачиваясь, парень спустился к песчаному берегу. – Другие работают, и ничего.

– Угу, и мне, значит, тоже надо, – Маша последовала за другом. – А может, я не согласна.

– Почему? – Гриша продолжал запускать камни в воду.

– Может, я хочу быть, как твоя мама – бухгалтером.

– И в чём же дело? – бросив последний камень, Гриша повернулся. – В райцентре есть ПТУ. Иди, учись.

– Ты не понял, Гриш, – взяв любимого за руку, Маша зашептала. – Я в городе останусь.

– А я? – округлив глаза, парнишка прижался грудью к Маше. – А что делать мне? Я не хочу переезжать из Починка.

– Либо со мной, либо без меня, – хитрый взгляд девушки заставил Гришу вытянуть губы вперёд. При виде нелепой рожицы Маша вновь расхохоталась. – Ты такой смешной! Догоняй!

Отпустив руку парня, метнулась вверх по склону. Гриша махнул рукой и побежал за подругой.

– Стой! – погоня развеселила парня. – Стой, говорю!

– Не догонишь! – дразнила разгорячённого Гришку Маша, петляя по поляне. – Силёнок маловато!

– Ма-ашка! – услышала девушка издалека знакомый голос и остановилась. – Ма-аша! Иди домо-ой! Ма-амка зовё-от!

– Ну что ещё? – тяжело дыша, прошептала Маша, приглядываясь к женскому силуэту. – Сказала же, не ждите.

Разглядев в молодой девчонке сестру Катю, Маша попросила Гришу сопроводить до дома.

– Накрылись танцы, – откашливаясь, Григорий медленно шёл рядом с подругой. – Не пустят, да?

– Куда они денутся, – в горле пересохло, и Маша почувствовала першение. – Я им не нянька. Наверняка за малой

попросят приглядеть.

Катя, отмахиваясь косынкой от надоедливых мошек, шла навстречу.

– Что надо? – недовольным голосом спросила Маша.

– Мать просит в сарае помочь.

– Ого! – опешила девушка, бросив короткий взгляд на Гришу. – А ребята где?

– Уставшие они. Поели и на боковую.

– А отчим? Или ты, наконец? Не можешь помочь? – голос Маши был настолько удивлён, что сестре стало не по себе.

– Маш, я весь день на хозяйстве и за Валею приглядываю. Мать устала, а ты...

– А что я? Нянька, что ли? – Маша изменилась в лице. – Вы ж как-то справлялись весь год без меня и сейчас справитесь, – схватив друга под руку, громко объявила. – Я гость в этом доме и сегодня намерена отдыхать!

– Маш, корову надо доить, а мне ещё крапиву цыплятам и свиньям рубить. Помоги, пожалуйста. Лишние полчаса ничего не решат.

– Угу, сейчас. Полчаса ещё как решат. Может, сегодня моя судьба решается. Поняла? – развернув Гришку в сторону дороги, Маша зашагала бравыми шагами.

Всё-таки отдохнуть не получилось. Как только медленный танец закончился и Маша с Гришей решили проветриться на улице, на пороге клуба появились Ирина с огромным прутком в руках.

– Выросла, как я погляжу? – запыхавшаяся мать сжимала в правой руке хворостину. – А ну! Бегом до хаты!

– Мам, ты чего? – от страха у Маши задрожал голос.

– Кому говорю? Домой! – замахнулась на девушку мать. – Отец спасу не даёт, ещё и ты кобенишься!

– Видимо, опять твой отчим напился, – шепнул Гриша, стоя за спиной напуганной Маши.

– Я долго буду ждать? Бегом! – грозным голосом приказала Ира. – Сейчас отхожу как Сидорову козу!

– Да иду я, иду, – опустив голову, Маша поплелась в сторону дома.

«Опять отчим напился», – промелькнули в голове слова Гриши. Как напился? Он же трезвенник. Или? Да ну, не может быть.

Друг не пошёл провожать Машу. Он остался в клубе. Да ну его, не хватало ещё попасть под горячую руку тёти Иры. Вон, какая злющая прибежала. Прутом размахалась. И чего она так взъелась на Машку? Хорошая девчонка, красивая.

– Иди, иди, – подгоняла мать, шоркая калошами по пыльной дороге. – Совсем от рук отбилась. Ни совести, ни желания помочь. Тебе что Катя сказала, а?

– Корову подоить, – опустив голову, Маша плелась впереди и бурчала себе под нос. – И ещё чем-то помочь...

– Чем-то, – корявым голосом повторила Ира. – И не стыдно тебе? Ускакала на гулянки, а дома дел по горло. За сестрой хотя бы присмотрела, Кате тяжело одной и в огороде,

и с Валюшкой.

– С Валюшкой, – прошептала Маша, передёрнув плечами. – Меня Машенькой ни разу не называла.

– Говори громче, – услышав обрывки слов, прошипела мать. – Хватит бубнить.

Маша ничего не ответила. Дойдя до дома, переделалась и пошла в сарай.

– О, пришла уже? – Катя закончила с дойкой. Повесив маленький табурет на гвоздь, поволокла полное ведро молока на улицу. – Всё, уже не надо. Я сама справилась. Лучше огород полей.

– Кать, – перегордив сестре дорогу, Маша проверила, что матери позади нет. Убедившись в её отсутствии, тихонько спросила. – Отчим пить начал? Это правда?

– Ничего не начал, – девушка отодвинула сестру в сторону. – Было пару раз...

– А чего это он? – Маша хотела узнать всё до подробностей. – И давно?

– Недавно, – нехотя ответила Катя, поставив тяжёлое ведро на пенёк для рубки дров.

– Как недавно? А в деревне говорят, что давно, – слукавила Маша, пытаясь выпытать правду.

– Ну, с осени, а что?

– Так что случилось-то?

– Сестра его нашлась, – Катя махнула головой, приглашая пойти следом. Подняв ведро, понесла к крыльцу. – Банки вы-

неси.

Маша резво вбежала в сени, схватила пару трёхлитровых банок и выбежала на улицу. Накрыв чистую банку куском марли, Катя зашептала:

– Год назад после того, как ты уехала, к нам заявила женщина и сказала, что она сестра дядь Мити, – наклонив ведро, девушка следила, чтобы молоко не пролилось мимо. – Он так обрадовался. Видела бы ты его лицо...

– Ну? И что дальше-то было? – не терпелось Маше.

– Пьющая она оказалась. Старая и пьющая. Побыла у нас два дня, и мамка её выгнала, – наполнив банку, Катя перекинула марлю на следующую. – Отец сначала ругался, а потом и сам начал: раз в месяц, потом в неделю и далее по нарастающей.

– Ничего не поняла, – Маше надоело стоять, и она присела на ступеньку. – И кто ж с этого пить начинает? Глупость какая-то.

– У него ж из родни никого. На войне пропали, а тут – сестра, – продолжая наполнять стеклянную тару, Катя объясняла суть вопроса. – Первый раз с ней выпил, а после её отъезда с соседом наловчился «чаёвничать».

– С дядь Толей?

– Ага. Сама знаешь, как соседский муж по выходным отдыхает.

– А-а, за баян и с песнями по деревне? – догадалась Маша.

– Да. Но самое странное – мамка его не ругает. Молча

укладывает спать и уходит убираться в сарае. Сейчас работы в колхозе много, поэтому нам приходится самим всё делать.

– Подожди. А куда он на работу-то устроился?

– В колхозе помогает: сено косить-ворошить, где сторожем позовут, коров попасти и коз. Халтурщик, одним словом, – закончив процеживать молоко, Катя бросила марлю в ведро и подошла к бочке с водой.

– Ха! Действительно, халтурщик, – усмехнулась Маша, не услышав, как Ирина вышла в сени.

– Чего расселась? Огород сам себя не польёт! – грубо отреагировала мать на бездействие дочери. – Хватит лясы точить! Бегом за работу!

Мария нехотя поднялась, взяла лейку и набрала воды.

– Не ругается, значит, на отчима. А батьку гоняла на сеновал, – прошептала себе под нос, поливая грядку с огурцами.

Проснувшись утром от разговоров в кухне, Маша обратила внимание, что Кати уже нет.

– Ох, эта деревенская жизнь, – потянулась девушка и зевнула. – Сейчас начнётся: «Чего разлеглась, петухи давно пропели...»

– Проснулась уже? – в комнату заглянула Катя. – Посиди с Валюшкой. Я сейчас дела доделаю и в магазин. А хочешь, сама сходи.

– Ой, нет. Лучше уж ты, – Маша чувствовала усталость в теле. – А где все?

– Ребята убежали в поле. Мать – на дойку, а отец... – на-

клонив голову сказала вполголоса. – Сидит на крыльце, взявшись за голову.

– Чего это он?

– Ему всю ночь плохо было. Я слышала, как его тошнило. Видимо, бодяги какой-то обпился.

– А-а, – Маша встала и ещё раз потянулась. – Так ему и надо.

Катя сделала вид, что не слышала последние слова. Задвигнув шторы, позвала младшую сестру.

– Валечка, ты покушала? Иди сюда. Побудь пока с Машей, а мне отлучиться надо.

Маленькая девчужка отодвинула пальчиком край шторы и сунула голову.

– Привет, – негромко поздоровалась и улыбнулась. – А у меня вот что есть.

Вытянув руку вперёд, девочка показала кусок цветной ткани.

– Это платочек для куколки.

– Угу, – сквозь зубы процедила Маша и остолбенела. Вглядевшись в огрызок ткани, выхватила его у девочки. – Ты где это взяла?

От хамоватого тона Валя замерла.

– Там, – показывая под кровать пальцем, девочка отошла назад, понимая, что сейчас будут ругать.

– Где? – у Маши вытянулось лицо. Наклонившись, она вытащила из-под кровати чемодан, который оказался откры-

тым.

Заглянув внутрь, начала раскидывать платья и блузки, разглядывая на предмет порчи.

– Тебе кто позволил сюда лезть? – закричала Маша, тряся испорченными вещами. – Когда ты успела?

Опустошив чемодан, девушка скинула в кучу несколько платьев. Схватив Валю за ухо, дала увесистый шлепок по попе.

– Дрянь такая! Кто разрешил лазить в чужих вещах? – кричала Маша, не отпуская ухо. – Да я тебя сейчас...

Девчушка завизжала от боли.

– Ты что делаешь? – шторы раздвинулись, и в комнату вошёл Митя. Увидев плачущую дочь, двинулся на падчерицу. – Тебя не учили, что младших обижать нельзя?

Подхватив Валю на руки, попытался успокоить.

– Тише-тише, моя хорошая, – устремив взгляд на Машу, громко спросил. – За что ты её так? Чем не угодила?

– Она мне одежду порезала, – показав рукой на валяющиеся у чемодана платья, Мария сама чуть не расплакалась. – Говорила же не трогать. Четыре платья испортила.

– Ох, – разобравшись в причине недовольства падчерицы, Митя поставил Валюшку на ноги, опустился на колени и вопросительно посмотрел ей прямо в глаза. – Зачем ты это сделала?

Девочка держалась за покрасневшее ухо и всхлипывала, глядя то на отца, то на сестру виноватыми глазёнками.

– Я больше не буду, – выдавила из себя, пуская маленькими ноздрями прозрачные пузыри.

– И зачем ты туда полезла? – покачал головой папа. – Нельзя брать чужое, слышишь? Ни в коем случае нельзя.

Кивнув головой, Валя обхватила Митю за шею и заревела. Маша стояла и смотрела на печальную сцену, чувствуя себя неловко. С одной стороны, недопустимо так грубо поступать с ребёнком, а с другой – будет знать, как портить чужое добро. Да и отчим молодец. На его месте мать распустила бы руки и отшлёпала обеих, как и делала раньше, не разбираясь кто прав, кто виноват. Хотя, Маша всем нутром ощущала, Валя – любимая дочь от любимого мужа, досталось бы только старшей дочери, скорее всего. Почувствовав облегчение, Мария собрала одежду. Присев на кровать, начала разглядывать степень убытков.

– С этим уже ничего не сделать, – тяжело вздохнула, откинув белое платье с широкими карманами. – Только на тряпки пустить.

– Маш, – Митя встал и присел рядом, усадив Валюшку на колени. – Купим новые. Только запомни, ни одна одёжка не заменит родного человека. Важнее всего – человек.

– Я это знаю, – разглядывая следующее разрезанное платье, ответила Маша. – У меня столько никогда не было. Мне воспитатель отрезы подарила, которые она хранила много лет. Я эти наряды сама сшила.

– Вот тут ты умница. Большая умница. Шить научилась –

в жизни всё пригодится, – похвалил девушку отчим. – А новые платья будут. У меня записка есть...

Митя подхватил дочь под мышки и поставил на пол. Хромая, ушёл из комнаты и сразу вернулся.

– Вот, держи, – положил рядом с Машей деньги. – Пусть будут подарком на твой день рождения.

– Не надо! – вскочила девушка от неожиданности. – Забери, дядь Мить! Маме это не понравится!

– Ну вот, – выходя из комнаты, отчим состроил обиженное лицо. – А раньше папой называла...

Задвинув за собой шторы, Митя загремел крышками от кастрюль в поисках съестного.

Недолго думая, Валя спрыгнула с постели и убежала. Положив деньги на дно чемодана, Маша сложила вещи обратно, а испорченные разноцветные «тряпки» закинула на печь.

– Горе луковое, – сказала вслух, выходя в кухню.

– На, бери, – откуда ни возьмись, перед девушкой возникла Валя. С улыбчивым видом и заплаканными глазами ребёнок протягивал платье, похожее на кукольное. – Дарю.

– Что это? – ноги Маши вросли в деревянный пол. Глаза широко распахнулись. Сердце заклокотало так сильно, что Маша слышала стук в голове. – Это же твоё платье...

– Бери, мне не жалко.

Детская наивность и природная манера сиюминутно забывать о плохом растрогали Машу. Некогда переполненная ненавистью и злобой к этому беззащитному маленькому че-

ловечку Мария не смогла подавить в себе эмоции. Подхватив девочку на руки, крепко обняла её и зарыдала.

– Прости, сестрёнка. Прости меня.

Не понимая происходящего, Валюшка также обняла Машу за шею и заплакала. Сидя за столом, Митя наблюдал за сёстрами и молчал. Вот оно как, помирились. И слава богу. Тряпки – дело наживное, а родственные отношения беречь надо. Вспомнив о своей сестре, мужчина поднялся и медленно вышел во двор.

– Ну всё, хватит, – успокоившись, Маша отпустила сестру. – Очень прошу, не бери больше ножницы.

– Ага, – Валя сунула в руки Маши платье и убежала за отцом на улицу.

Положив наряд сестры на место, Мария поняла, как глупо поступила, обидев девочку.

– Нет, я свою дочь буду воспитывать по-другому. Никогда не буду наказывать.

Глава 10

Снимая рабочий халат, Ирина торопилась домой на обед. Настроения никакого, из рук всё валилось. Не обращая внимание на доярок, женщина переобулась и двинулась к выходу.

– Ирка! – кричала Афанасьевна, догоняя Ирину. – Ты чего сегодня такая?

– Какая? – не поворачивая головы, спросила женщина.

– Сама не своя. Хмурая, – поравнявшись, Афанасьевна замедлила шаг. – Дома чего, аль не?

– А тебе-то что?

– Из-за Митьки, что ли? – ухмыльнулась доярка, поправляя косынку на затылке. – Это всё от зависти, точно тебе говорю. Бабы так зыркали на него и обсуждали, что мужик не выдержал. Слабоват он у тебя.

– Ничего и не слабоват, – фыркнув, Ира прибавила шаг. – Такой, как и все ваши.

– Не скажи. Мой Михайло смолоду до самогону охочий, да и Варькин тоже. А что говорить, половину деревенских любят это дело, – щёлкнув двумя пальцами по шее, утверждала Афанасьевна. – А твой – ни-ни. Но, видать, бабские пересуды накликали сглаз, вот и балуется он у тебя уже с годок. Жалко, хороший мужик был.

– Не был, а есть! – раздражительным голосом сказала Ира.

– Слыхала я, Машка вернулась на каникулы. Бабы говорят, вымахала за год – не узнать. Девка красивая, видная, – искоса взглянув на собеседницу, Афанасьевна не скрывала издевательской ухмылки. – Ой, а помнишь, как в Берёзовке молодуха с отчимом сбежала? У-у, ему-то что, связался с сорокалетней, а самому чуть больше двадцати. Хм, вот так вырастишь девку от первого мужика, а она второго окрутит и поминай как звали.

Ирина вскипала, чувствуя пульсацию в висках и затылке, но не показывала того, как хотелось вцепиться в эту противную бабу, несшую всякий бред. Подойдя к дому, попрощалась сквозь зубы с Афанасьевной. Вошла во двор, огляделась и, прислушиваясь к голосам, ринулась к бане. Смех дочек был слышен на всю округу. Ирка с обезумевшими глазами завернула за угол. Девчонки вместе с отчимом играли в карты прямо на траве.

– А-а, вы все тут заодно, – хохотал Митя, перетасовывая старенькую потёртую колоду. – Обыграть вздумали?

– На что играем? – Ирина почувствовала ревность. – Ты был сегодня в поле?

– Я отгул взял, – задыхаясь от смеха, ответил муж. – Завтра отработаю.

– А эти что тут расселись? – показывая на Катю с Машей, мать искала причину разогнать всех по разным углам. – Валя спит?

– Спит, – Катя, отдышавшись, встала с помятой травы. –

Мам, пойдём, я тебя покормлю.

– Сама поем, – нахохлилась Ира, взглядываясь в лицо Маши. – А вы идите, стиркой займитесь.

Маша послушно поднялась и потопала вслед за сестрой.

– Где рубаху потерял? – обратилась Ирина к мужу. – Не совестно перед девками с голым пузом мельтешить?

– Жарко, Ириш, – кое-как поднявшись, Митя положил колodu в карман штанов.

– Знаю я ваше жарко, – процедила сквозь зубы женщина. – Вечером со мной на ферму пойдёшь навоз таскать. Нечего тут игрульки устраивать. Ты женатый мужик. Запомни раз и навсегда.

– К чему ты это? – удивился Митя. – Прибежала, разогнала. Я сразу заметил твой настрой. Что случилось?

– Пока ещё ничего, – вспоминая слова Афанасьевны, Ирина не находила себе места. – Может, девок к родственникам отправить, как думаешь? Пусть поживут, помогут. А то дальше Брянска нигде не бывали.

– Вот это новости! С чего вдруг? А кто с Вале́й сидеть будет, Егор? Или няньку пристроишь? Прекращай, Ира, пинать детей из одного кармана в другой. Сколько живу с тобой, не понимаю, как мать может вот так запросто оторвать от себя собственное дитя на год или на лето. С Вале́й также поступишь?

– Сдурел? – нахмурилась женщина. – Откуда такие мысли?

– Да всё оттуда. Эх, Ира, припомнят они тебе, как пить дать, припомнят.

***

Катя и Маша, собрав бельё, ушли на речку.

– Давай искупаемся, а потом постираем, – предложила Катя, снимая сарафан. – Жарко.

– Угу, а потом будет куча вопросов, почему так долго, – Маша опустила белоснежную простынь в воду.

– Обед закончится, и мама уйдёт на ферму. А папка не вредничает, – заходя в реку, уговаривала сестра.

– Кать, – Маша намыливала ткань хозяйственным мылом. – Почему она такая стала?

– Кто?

– Мама. Почему она стала злой, ты не знаешь?

– Думаю, из-за жизни тяжёлой, – поливая тёплой водой руки, ответила Катя. – Вспомни, как наш отец жил сам по себе. Мама всё сама-сама, а он...

Оторвавшись от водных процедур, девушка уставилась на сестру.

– Жалко мне её, – вздохнула Катя и тут же передумала купаться. Вышла на берег, присела рядом с Машей и посмотрела на её пальцы. – Видела, какая у мамы кожа на руках? Вся потрескалась. Помнишь, как в прошлом году у неё образовалась трещина на большом пальце? Она грядку пропо-

лола, и это место начало болеть...

– Помню, – вздохнула Маша и положила мыло на траву. – Ей ещё фельдшер нарыв прочищал.

– Вот. Я тоже помню, – Катя взялась за наволочку. – И ты знаешь, смотрю я на неё и думаю: сколько ж в ней силы воли, с ума сойти. Столько всего вытерпеть... Да, я соглашусь, у нас в деревне многие трудно живут, но также многие пьют и не видят просвета в будущем. Вон, тётка Груня. И семья была, и муж. Сыновья с фронта не вернулись, осталась дочка, и та уехала. Помнишь, как бабушка рассказывала, какая Груня красавица была?

– Конечно, помню, – Маша слушала сестру, пребывая в раздумьях.

– А теперь что с ней стало? Страшно взглянуть. Муж не выдержал – ушёл, а дочь так ни разу и не приехала в гости. Говорят, она стыдится своей матери. Ой, я как представлю, если б наша мама стала выпивать, я б её всё равно не бросила. Жалко. До слёз жалко.

У Марии перед глазами предстала картина: выходит мама из магазина, потрёпанная, одежда давно не стирана, волосы не чёсаны. Идёт, согнувшись, с бутылкой в руке и напевает знакомую мелодию, как Груня. А пела Груня в основном колыбельные, так как жутко скучала по маленькой Верочке.

– Господи, – прошептала Маша, приложив руку к груди. От надуманной сцены у девушки проступили слёзы. Как же жалко маму. Не дай бог опуститься, как тётя Груня.

Люди будут сторониться и тыкать пальцем, осыпая насмешками. Ещё и кличку дадут, Груня-стрекоза, как в басне Крылова. Летом отдыхает, а зимой побирается, прося у соседей то хлеба, то стакан молока. Кто-то пожалеет несчастную женщину, а кто-то погонит прочь, выкрикивая напутствие найти работу и не позориться. Только никому и в голову не придёт поговорить по душам и наставить на путь истинный. Женщина давно уже потеряна для этого мира.

– А мы в детстве над ней насмеялись, – с грустью в голосе произнесла Маша. – Ребята вечером в окошко ей камешки кидали и прятались за заросшими кустами смородины. Тётя Груня выходила, а никого нет. Крестилась и возвращалась обратно.

– Дураками мы были, вот и издевались, – Кате стало стыдно за прошлое. – Свели с ума женщину. Она до сих пор всем рассказывает, как за ней ангелы приходят. Дверь откроет, а их не видно, но точно знает – это ангелы, чтобы спасти её душу. Ты знаешь, что она этой зимой натворила?

Маша пожалала плечами от неведения.

– Так слушай. До сих пор как вспомню – мурашки по коже, – закончив полоскать наволочку, Катя громко глотнула и выдохнула. – Как стемнело, вышла на улицу в одной сорочке и давай кричать на всю деревню какие-то молитвы. А потом подбегала к каждому дому и тарабанила в дверь.

– Да ты что? – у Маши округлились глаза.

– Ага. Бегает и орёт: «Выходите! Немцы пришли хаты па-

лить!» Баба Анфиса рассказывала: иду, говорит, а Грунька в белом платье. Она её за нечистого приняла. Испугалась, встала как вкопанная и шевельнуться не может. Груня подбежала, глаза навывкат и стеклянные. Беги, орёт, немцы едут.

– И врача ей не вызвали?

– Какой там врач. Пока фельдшера дозволись, Груни и след простыл. А наутро она даже не вспомнила, как деревню всполошила. Не было такого, и всё тут.

– Страшно как, – Маша представила пьяную косматую женщину, несущуюся по снегу босиком.

– И такое бывает, – продолжая стирку, Катя говорила низким голосом.

– Я сегодня не смогу уснуть, – у Маши побледнело лицо. – Лучше бы ты этого не рассказывала.

– Плюнь и забудь, – сестра слегка улыбнулась. – Я к чему всё это говорю – маму жалко. Не дай бог вот так всю себя растерять. Поэтому я на неё не обижаюсь. Неизвестно ещё, какими мы будем, когда замуж выйдем.

От рассказа сестры Маша в корне поменяла отношение к матери. Действительно, Ирина столько всего пережила: первый муж бросил, когда Маше был год, второй – утонул. Осталась одна с детьми. Кормить, одевать, воспитывать, а ещё и держать хозяйство с тяжёлой работой в придачу – одна да одна.

– Теперь я понимаю, почему она отдала меня в интернат. Чтобы ела досыта, – сделала вывод Маша, выжимая бельё.

Закончив со стиркой, девушки двинулись в сторону дома.

– Ох, тяжело-то как, – шутливо заныла Катя. – Руки немеют.

– Постоим, отдохнём, – Маша опустила таз с мокрым бельём на землю. – На самом деле, не надо было сразу всё брать.

– А давай я за тачкой сбегаяю?! – сообразила Катя. – И чего не додумались?

– В ней хлам какой-то накидан, – припомнила Маша. – Всё бельё замараем.

– Ой, точно, – сникла Катя, поднимая тяжеленный таз. – Надо было раньше думать. Надеюсь, кто-нибудь из ребят попадётся нам, чтобы донести.

Сделав несколько шагов, девчонки услышали рёв мотора. Обернувшись, Катя увидела мотоцикл с коляской и воскликнула:

– Сто-ой!

Подъехав поближе, молодой человек нажал на тормоз.

– А, это вы, – за рулём старенького «Урала» сидел Степан – соседский сын. – Ну, здравствуйте вам.

– Привет, – Катя широко улыбнулась, оголив дёсны. – Стёп, подкинь до хаты, а то пока донесём – руки оттянутся.

– А Егор где? – парень с интересом разглядывал Машу. – Неужто ещё с поля не вернулся? Ребята уже по домам разъехались.

– Не знаю, – Катя пожала плечами. – Так подвезёшь?

– Ставьте тазы в люльку. А сама – в седло, – Стёпа откинул чехол.

– Я пешком дойду, – Маша не собиралась кататься с тем, кто пытался внести раздор в отношения с Гришей.

– А я тебя и не приглашал, – осадил девушку сосед и надменно ухмыльнулся.

Катя, запрыгнув назад, вцепилась в рубашку Стёпы.

– Ты только не шибко гони, а то я боюсь, – взглянув на сестру, спросила. – А ты что?

– Сказала же, сама дойду, – Мария развернулась и потопала по дороге, размахивая косынкой.

– Ну и злющая она у вас, – Степан сдавил ручку газа. – Кому такая достанется – не позавидую.

Мотоцикл взревел и рванул с места, подняв клубы пыли и мелкого мусора.

– Фу, напылил, – отряхивалась Маша, прищулив глаза. – Специально это сделал. Если бы не бельё, я б тебе показала. Сейчас только до дому дойду – всё выскажу.

Дома опять не всё ладно. Ирина от младшей дочери узнала, что муж отдал деньги Маше на новые платья, якобы в качестве подарка ко дню рождения. Ира ругала и осуждала мужа за безответственный поступок и неумение распоряжаться средствами, которых и так кот наплакал.

– На черта они ей сдались? Подумаешь, ребёнок ножницами прошёлся! Раз подарили ткань, значит, и ещё пода-

рят! – отчитывала Митю. – Пусть идёт работать! А то пацанята в поле спину гнут, а эта приехала и по клубам – подолом крутить!

Задыхаясь от злости, женщина засобиравалась на ферму.

– Помогать мне не надо! Сама справлюсь! А ты двором займись! Скорее всего, завтра дождь будет, а у нас погреб до сих пор немазаный! – схватив сумку, жена добавила. – И чтоб денег больше не давал! Сама себя оденет, не маленькая уже!

– Ты не права, – мужчина провожал жену на работу. – Девчонка старалась, шила...

– Заступничек нашёлся, – Ира вышла на крыльцо. – А что ж она для Катьки ничего не сшила, для Вали? Единичница выросла! О себе любимой только и думает! – Подойдя к калитке, женщина переключилась на мотоцикл, остановившийся у забора.

– О, кавалер прибыл! А вторая где?

– Сейчас придёт, – Катя слезла и взялась за таз.

– Про цыплят не забудьте и за Валеёй следите, – завязав косынку на голове, Ирина торопилась на ферму.

– Давай помогу, – Митя вытащил второй таз. – Спасибо, Стёп.

– Не за что, – парнишка собрался было отъезжать. – Кать, прогуляемся сегодня?

– С чего вдруг? – Катя никак не ожидала от соседского хулигана какого-либо приглашения.

– Да так, – Стёпка опустил глаза, делая вид, будто под баком что-то застряло. – Подумал просто...

– А есть чем? – расхохоталась Катя. – Мне ещё в сарае убирать, да огород...

– Я помогу, хочешь? – оживился парень.

– Ого, – Катя опешила. – Ты меня удивляешь.

– Ну, а что здесь такого? Соседи всё-таки, – вновь сник Стёпа. – Ладно, поехал я. Отца забрать надо.

– Если не передумаешь – заходи, – девушка кокетливо улыбнулась и, выгнув спину, поплелась вешать бельё.

Степан оценил фигуру девчонки, глядя в спину. Улыбнулся, повернул ключи зажигания и дал газу.

– Смешной какой, – подумала Катя, прицепляя прищепки на пододеяльник. – Сейчас хоть поспокойней стал, а раньше... Ой, как сестре из-за него доставалось. Кстати, что-то её долго нет.

Маша задержалась по дороге домой. Ирина встретила дочь у развилки и грубым тоном приказала вернуть деньги Мите.

– Из дома несёшь? – Ирина воспитывала взрослую девушку прямо на улице. – А ты о братьях и сёстрах подумала? Я по соседям обувку для Валюшки собираю, а она, видите ли, из-за каких-то платьев истерику устроила! Не заработала ещё, чтоб права свои качать! Я тебя почти десять лет одна поднимала, и вот так ты мне отплатила? Неблагодарная! Уйди с глаз долой!

Ира так разнервничалась, что не заметила проходящих мимо женщин.

– Чего буянишь? – Афанасьевна сбавила шаг, как только услышала последние слова. – Ир, что опять?

Ирина скривила лицо и глянула на доярку так, что та уже успела перемолоть несколько вариантов в голове.

– Чего стоишь? Иди, кому говорю? – прогоняла мать девушку.

Маша опустила голову и поплелась домой, ощущая пристальные взгляды за спиной.

– Неужто за Митьку чихвостишь? – прикрыв рот рукой, Афанасьевна заглядывала в лицо Иры. – Я так и знала, добром это не кончится.

– Долго думала? – разозлилась Ира ещё сильнее. – Митька мой на детей не позарится! А ты, если не захлопнешься, получишь у меня по первое число!

Развернулась и пошла.

– Ой-ой, – женщина сморщила лоб, глядя на уходящую Ирину. – Если так бесишься – значит, точно мужик за девкой ухлёстывает.

Постояв несколько секунд, Афанасьевна решила догнать доярок.

– Эй, девки! Подождите меня! Тут такое! Тако-ое! – обогнав Иру, кричала коллегам.

Остаток рабочего дня Ирина провела в компании коров и бидонов. Доярки не смели подходить к ней и заводить раз-

говоры, так как Афанасьевна предупредила: баба не в духе из-за молодого мужика и Машки.

– Ой, что будет, девоньки, – Нюра закончила мыть ведро. – Невезучая у нас Иринка, ой, какая невезучая.

– Ничего не будет, – Алиса достала из кармана халата семечки. – Если мужик с головой – не позволит себе лишнего.

– Про Берёзку все помнят? – Афанасьевна намекнула на случай из другой деревни. – Вот то-то же.

– Ни в жизнь не поверю, – выплёвывая шелуху на пол, сказала Алиса. – Что-то там нечисто было. После отъезда дочки та баба сразу к другому жить перешла.

– Разве? – захлопала ресницами Афанасьевна. – А я слышала, переехала она. Или спутала с кем-то...

– Ты постоянно всё путаешь, а после доказываешь, будто не говорила таких слов, – осадила доярку Нюра. – Тебя послушать, так правда только твоя.

– Ой ли? – Афанасьевна раскраснелась. Как же, она всегда была уверена – на лжи никто не поймают. – Ты местных бабок слушаешься, а потом на меня скидываешь. Забыла, как мы на проводах у Купчихи (Купцовой) были? Что ты там натрепала?

– Так ты ж сама тот разговор завела! – Нюра рассердилась. – А я тебя поддержала!

– Бреешь! – у доярки не только лицо, но и уши покрылись багровым отливом. – Не было такого!

Пока не началась драка, Алиса встала между вопящими

женщинами и гаркнула во всё горло:

– А ну, горлопáнки, замолчали! Не хватало ещё из-за сплетен волосы друг другу повыдергать! Собирайтесь домой! Кто и с кем – не наше дело! Пущай сами разбираются!

Но не по просьбе Алисы доярки замолкли, а как только открылась дверь, и в комнату вошла Ира. Женщины переглянулись, быстренько сменили рабочую одежду и вышли на улицу. Осталась только Алиса.

– Ир, ты сегодня сама не своя с самого утра. Случилось чего?

– И ты туда же, – вытащив из сумки чистую, не пропахшую навозом и молоком одежду, Ира расстегнула халат. – И что вам всем от нас надо? Следите за своими дитяи и мужиками.

– Ириш, – мягкий тон голоса звучал успокаивающе. – Я же без злого умысла. Это наши бабы любят слушать и передавать, а мне это ни к чему. Как захочется выговорится да душу освободить – приходи ко мне: почаёвничаем, поговорим о нашем, женском.

– Спасибо, конечно, но мне недосуг, – переодевшись, женщина открыла дверь. – Выносить сор из избы не имею права и тебе не советую.

– Гордая, – вполголоса сказала Алиса, глядя на закрывающуюся дверь. – Напрочь потеряла веру в женскую дружбу. Доярка имела в виду историю, связанную с Филиппом – первым мужем Ирины. В то время, когда он ездил на зара-

ботки, Ира вела дом и трудилась на птичнике. Её подруга Аня уже два года как жила в Брянске и работала на рынке – продавала одежду. Одним днём случилось то, что не должно было случиться – Аня и Филипп понравились друг другу. Странное дело, прожив всю жизнь в деревне, молодые люди не испытывали и доли симпатии, а тут...

Всё случилось по вине богов, как поговаривали бабки в деревне. Каждые выходные Филипп возвращался домой, чтобы провести один день с семьёй. С апреля и до первых заморозков мужчина пропадал на заработках. Как только наступали холода, возвращался в Починок и пережидал зиму. Но, когда родилась Маша, мужчина приезжал домой уже не каждую неделю, а раз в месяц, чтобы отметить, так сказать. Ира не особо интересовалась делами мужа, поэтому его долгое отсутствие не напрягало. Она жила сама по себе, привыкшая всё делать своими руками, не прося помощи. После очередного отъезда Филя не вернулся, не объяснился и не попросил прощения.

– А нечего было замуж выходить, – судачили женщины, узнав о Филе и Анне. – Привыкли наши бабоньки назло делать. Ну, женился на другой, зачем же за первого встречного выходить?

– Сама виновата. Небось, теперь в подушку воеет, – рассуждали старушки.

Глава 11

Придя домой, Ира прошлась по двору, заглянула в сарай и убедилась, что скотина накормлена, стойла вычищены, грядки политы. В хату заходить не хотелось. Всякие дурные мысли лезли в голову и не давали покоя.

– Ты чего тут? – Митя стоял на крыльце, подкидывая коробок спичек.

– Посмотрела, как домашнюю работу сделали, – вздохнула женщина и подошла ближе. – Мить...

Ира посмотрела в глаза мужа с таким выражением лица, что Митя подумал о проблемах на работе.

– Случилось чего? – забеспокоился мужчина. – В птичник переводят?

– Нет, я не об этом хочу с тобой поговорить, – взяв мужа за руку, Ира повела его подальше от чужих глаз. – Скажи, как есть: что ты чувствуешь к Маше?

– Не понял вопроса, – у Мити вытянулось лицо. – К чему ты это?

– Девка она уже взрослая, невеста на выданье... – замялась Ира, не зная, как бы поаккуратнее спросить. – Нравится она тебе?

Митя почувствовал прилив ярости. Выдернув руку, закричал на жену:

– У тебя совсем крыша поехала? Ты что такое несёшь,

баба? Ты куда ребёнка приписываешь? Дочка она мне, слышишь? Дочка!

Развернувшись, муж собрался уходить, но, немного помедлив, добавил:

– Ещё раз такое услышу – разведусь.

Ирка стояла как оплётанная. Растерянная и ошарашенная от грубости Мити, не знала, что делать дальше. Глаза никогда не выдают. Вот и Митя повёл себя, как следует. Молодой – это и не даёт покоя. Многие живут, где мужчина старше жены на десять, а то и пятнадцать лет. И тот случай в Берёзках... Ладно, с мужем всё понятно, Машу считает дочерью. А вот как быть с самой Машей? Мало ли, что ей в голову взбредёт, случаи всякие бывают. Выдохнув, Ира потопала домой. Не говоря ни слова, вошла, разулась и уселась за стол.

– Мам, тебя покормить? – Мария вытирала хлебные крошки со стола.

Вытянувшись, Ирина взяла дочь за руку и усадила на табурет.

– Поговорить с тобой хочу, – прошептала мать в самое ухо. – По интернату скучаешь?

– Немного, – ответила Маша, уставившись на Иру. – А что?

– Я тут подумала, может, ты обратно поедешь? Что тебе тут делать? А там, глядишь, жениха найдёшь, замуж выйдешь...

– Мам, ты чего? – Маша вспотела от неожиданного пред-

ложения. – У меня здесь Гришка.

– На кой чёрт он тебе сдался? Хочешь в деревне на всю жизнь остаться? Его мать от себя не отпустит. Там у них другие планы на жизнь. Не суйся к богатым – поездом съедят. А в городе найдёшь себе под стать: простого. Послушай, я ж тебе добра желаю. Станешь городской, поможешь Кате, а опосля и остальным. Поезжай в интернат.

– Да что я там делать буду? Все разъехались. Даже Светка уехала с Изольдой Валентиновной на дачу. Зря ты не разрешила взять её с собой, – возмутилась девушка.

– Какая ещё Светка? Ты думаешь своей головой? У меня мужик молодой! – Ирина повысила голос. – Так и знала, тебе всё равно! Тебе плевать! Эгоистка!

Услышав шум, Митя вошёл в кухню.

– Будет когда-нибудь в этом доме покой? – раздражённо говорил мужчина, глядя на Ирину. – Пришла, устроила допрос, прицепилась к дочери – какая муха тебя укусила?

– Опять заступаешься! – взъерепенилась жена, вскочив на ноги. – А тебе не кажется, что ты заигрался в любящего отца? Ни в жизнь не поверю в отцовские чувства к чужому ребёнку! Строишь тут из себя, а сам!..

– Да ты с дуба рухнула, не иначе. Напридумала себе не пойми чего и кидаешься, как собака.

– Ах, я ещё и собака! – Ирина разошлась не на шутку. – Я давно заметила, как только Машка приезжает – ты сразу другим становишься! Взгляд меняется, речи, и даже курить

стал реже!

– О боже, – схватившись за голову, Маша вбежала в комнату и вытащила из-под кровати чемодан.

– Что это с ней? – Катя бросила штопать штаны брата.

– Не поверишь, это она из-за мужика на меня такая злая, – сложив кое-как одежду в чемодан, Маша попрощалась с сестрой. – Приезжай ко мне в гости, а я сюда больше ни ногой.

Выходя быстрым шагом из дома, Мария успела услышать материнское напутствие «Скатертью дорожка».

– И вам того же, – пробормотав себе под нос, девушка быстрым шагом покинула родной двор.

В голове всё смешалось. Ну и дура же ты, маманя. Такой ереси наплести – в голове не укладывается. Стыд-то какой. Совсем мозги растеряла от ревности. И к кому ревновать? К родной дочери? Кому расскажи – засмеют. Не-ет, бегом отсюда, бегом и не оглядываясь. Хотела понять мать, но, видимо, так тому и быть. В интернат сдала, чтобы ребёнок был сыт и в тепле. Ага, уже! Спихнула, чтоб не мешала, глаза не мозолила. Правильно Светка говорила, родила от нелюбимого – значит, не нужна. Кто бы объяснил, зачем рожать дитё, если без надобности? Ох, натворила ты... мать. Дочь выросла – вот и повод избавиться. Смотри, как бы просить о помощи не пришлось. Но вряд ли она попросит, у неё ещё и Катька есть, которая жалеет маму и принимает все её поступки за усталость и безнадёгу. Мама – это святое.

Маша шла, глотая слёзы и чувствуя себя никому не нуж-

ной. Обидно так, что хочется закричать на весь Починок, чтоб окна в хатах полопались и жители, услышав дикий вопль, сбежались и пожалели сиротинку. Но этого не случится. Каждый сам за себя.

– А ты куда это на ночь глядя? – Гриша остановился у развилки. – И с чемоданом...

– Уезжаю, – не поднимая головы, ответила Маша.

– Ты ж только приехала, – взглянув в лицо девушки, Григорий понял – что-то случилось. – Так, захочешь, сама расскажешь, а сейчас идём к нам.

Вырвав чемодан из рук Маши, Гриша взял её под локоть.

– Никуда я не пойду, – девушке хотелось кинуться в объятия друга, но она сдержалась. – Я больше сюда не вернусь.

– Тебя выгнали, да? – мягким голосом спросил Гриша. – У нас в деревне давно слухи ходят...

– Какие? – Маша понимала, речь идёт о ней.

– Я в это не верю, так что ты на меня не думай. Сказал женюсь, значит женюсь.

– Так, ясно, – Маша вцепилась в чемодан. – Захочешь повидаться – приедешь, а сюда я больше не сунусь.

– Как я приеду, если меня в армию по осени забирают, – у Гриши при одной только мысли об армии падало настроение.

– Гришенька, – Мария поцеловала парня в щёку. – Пиши, а я буду ждать.

Нахохлившись, Маша поплелась дальше.

– Автобусы уже не ходят! – крикнул Гриша и хотел было догнать, но его что-то не пускало.

– На попутках доберусь! – Маше было всё равно. Хоть пешком, только не оставаться в деревне.

***

Дома разразился сильнейший скандал, когда Митя осознал, что девчужка выбежала вместе с вещами. Поначалу Ира доказывала свою правоту по отношению к Маше, а потом пошла в наступление.

– Ты лишний раз доказываешь обратное! – размахивала руками женщина. – Смотришь не как на дочь, а...

– Как дал бы! – разозлился Митя, стукнув кулаком по столу. – Но меня воспитывали по-другому! Ты не мать! Ехидна! Довела человека до белого каления! Где её теперь искать?

– А зачем? Она уже взрослая, пускай жизнь свою устраивает! Я в её годы в поле работала, а эта ленится! Егорка с Федей в колхозе пашут! Не забыл, сколько им?

– Ты же сама её сослала? – Митя не мог понять, что творится с женой в последнее время.

– Куда? В интернат? Господи, как надоело объяснять! – Ира психанула и ушла в комнату.

Через несколько секунд вернулась и продолжила выяснять отношения.

– Значит так, никаких разговоров о Машке чтобы я боль-

ше не слышала! Или мы живём, как раньше, или...

– Ну и живи, как знаешь! – Митя натянул потёртые ботинки и вышел вон, громко хлопнув дверью.

– А о Валюшке ты подумал? Бросаешь безотцовщиной? – кричала вслед уходящему мужу Ира. – Я на тебя управу найду! Я в суд пойду! Всё скажу, чтоб тебя привлекли к ответственности!

До Мити доносились угрозы жены, но это его не останавливало. Прихрамывая, отдалялся от дома и не оборачивался.

– Господи, – бормотал вслух, втянув шею в плечи. – И откуда вы такие берётесь? То с лица не вышел, то ноги нескладные. Дом подавай, денег, а то и того хуже – детьми разбрасываются.

Топая вдоль соседских домов, мужчина решил дойти до трассы. Всего-то около километра пути, невелико расстояние. А вдруг Маша ещё там, стоит и ждёт автобус? Куда собралась на ночь глядя? Нарвётся на худых (плохих) людей и поминай как звали.

Но у выезда из деревни никого не оказалось. Митя постоял, покричал, но Маши и след простыл.

– Пусть тебе попадётся хороший водитель, – причитал отчим, закуривая папиросу. – И прости меня за всё.

Докурил и пошёл куда глаза глядят. Несколько дней Ирина пыталась найти мужа, но всё тщетно. Никто не видел Митю и ничего о нём не знал. Женщина потеряла всякую надежду. Казалось, вот-вот дверь откроется, и муж войдёт в ха-

ту с улыбкой на лице. Спросит, как прошёл день, поможет по хозяйству. Позже Ира будет врать жителям, будто Митя и не пропал совсем, а уехал погостить к родным.

– Я сразу заметила, Машка пропала, и мужик ейный тоже, – Афанасьевна делилась своими наблюдениями с подружками у продуктового магазина. – У Катьки спрашиваю, куда сестричку подевали, а та отвечает, мол, уехала в Брянск готовиться к экзаменам. Учиться последний год, а там и на завод... Врёт, сердцем чую, врёт, как сивый мерин.

– Митя на работу так и не вышел после последней попойки, – подхватывала Нюра. – Думала, болеет, а опосля узнаю, Ирка у людей о нём выспрашивает. Значит, сбёг.

– Ох, доля у неё нелёгкая, – к разговору присоединилась мимо проходящая бабулька. – Пожалеть девку надо, а вы косточки перемываєте. Благо старшие – помощники, так ведь и малая ещё подрастает.

– И сдаст их всех Ирка в интернат, чтоб не мешали жизнь устраивать, – усмехнулась Афанасьевна, подсчитывая гроши в кошельке.

– Тьфу, типун тебе на язык, – старушка перекрестилась. – Не знаешь горя одинокой бабы, вот и не кликай беду.

– Иди, иди. Нечего уши греть, – отмахнулась от женщины. – Ещё не хватало, чтоб ты меня сглазила. В нашей деревне всё на виду. Ирка сама виновата, притащила в дом молодца, а у самой девки подрастают. Сбежали любовнички, вот и весь сказ. А Машка ещё себя покажет. Вся в Фильку

пошла. Тот тоже с норовом был.

Глава 12

Маша благополучно добралась до города. Ей крупно повезло. Появилась у дороги в нужный час и поймала счастливый случай. В ту ночь ей удалось остановить попутку, в которой ехала семья: родители и дочь по имени Людмила.

– Куда путь держите? – Нина опустила окно.

– В Брянск, – Маша была взволнована.

– Садитесь, нам по пути, – предложила Нина. Повернув голову, попросила дочь подвинуться. – Люда, уступи девушке место и помоги с чемоданом.

Людмила послушно вышла из автомобиля, уложила вещи в багажник и предложила Маше сесть в машину.

– Спасибо вам большое, – на душе полегчало, и Маша расслабилась.

– Куда же вы в такой поздний час? – задалась вопросом Нина. – Днём автобусы не ходят?

– Сегодня отменили, – соврала Маша. – А мне срочно надо.

– Странно. Неужели в деревне не на чем уехать? О чём думали ваши родители, отпуская одну ночью?

Маша пожала плечами и уставилась в окно. Ей не хотелось говорить о своей деревне, а тем более о семье.

– Mam, не задавай лишних вопросов, – Люда поняла, у девушки что-то случилось, судя по её хмурому лицу. – Это

неприлично.

– Всё, не буду, – по голосу Нины стало понятно – она улыбнулась.

Подъезжая к Брянску, водитель уточнил адрес, куда доставить пассажирку. Сквозь сон Маша прошептала: «К интернату». Услышав адрес, Нина ахнула:

– Сирота? Боже, как это печально...

Ничего не говоря, Маша взглянула на Людмилу и приподняла уголки губ. Стало неудобно от самого слова «интернат». Девушка почувствовала себя не в своей тарелке. У Люды полноценная семья, равнодушная мама и очень воспитанный отец. Все улыбаются, вот и добратья помогли, а у неё всё по-иному.

– Вы остановитесь у автовокзала, а дальше я сама, – еле слышно произнесла Маша. Не хотелось доставлять лишние неудобства.

– Ни в коем случае, – Нина была категорична. – Доставим туда, куда нужно.

Автомобиль притормозил у закрытых ворот интерната, и Нина спросила:

– Закрыто? Как же вы туда попадёте?

– Есть калитка, – выходя наружу, девушка поправила платье. – Огромное спасибо за помощь.

– Не стóит, – милостивая белокурая женщина пожала руку Маше. – Удачи вам, Маша.

Людмила отдала чемодан и также попрощалась, пожелав

всего хорошего. Девушка проводила взглядом добродушную семью и, тяжело вздохнув, открыла калитку.

– Такая прелестная девочка, – Нине было жаль Машу, – и совсем одна. Ох, как тяжело всё это.

Немного помолчав, добавила:

– Людочка, ты бы взяла над девушкой шефство. Думаю, в интернате бывают выходные. Пригласи её куда-нибудь. Хочется помочь...

– А я уже об этом подумала, – поддержала Люда маму.

Маша подошла к двери. Дёрнув за ручку, не смогла открыть.

– Приехала, называется, – упёрлась спиной в стену. – И что теперь делать?

Неожиданный шум за дверью обнадёжил девушку. Замки застучали, и дверь открылась.

– А я в окно смотрю, ты или не ты! – радостная Света накинулась на подругу. – Почему вернулась?

– Что ты здесь делаешь? – Маша никак не ожидала увидеть в интернате соседку по комнате. – Ты же с воспитателем на даче?!

– В больнице она, – отцепившись от Маши, произнесла Света. – С сердцем плохо стало. Утром увезли на скорой.

– О боже, – Маша приложила руку к груди. – Как она?

– Не знаю. Меня в карету взяли, а в палату не пустили. Не буду же я одна в посёлке куковать. Вот, решила сюда вер-

нутья. А у тебя что стряслось?

– Ничего, – Маша вошла в здание, волоча за собой чемодан. – А где сторож?

– Спит, я у него ключи взяла, надо вернуть, – Света шла позади. – Поехали завтра вместе к Изольде. Только не знаю, что ей привезти.

– Апельсины, – вздохнула Маша и остановилась. Обернувшись, ещё раз вздохнула, но уже более выражено. – Денег нет, на что покупать...

– У меня есть немножко. Изольда на мороженое давала, а я откладывала. А ещё сдачу мне оставляла.

«Везёт», – подумала Маша и продолжила свой путь.

Ложась спать, подружки обсудили завтрашнюю поездку в больницу и помечтали о будущем.

– Я замуж не собираюсь, – в полудрёме шептала Света. – У меня одно желание – стать богатой, накопить кучу платьев и украшений. Поехать за границу, посмотреть мир. А замужем столько хлопот. Дети пойдут... Да ну. Не моё это.

«Как там Гриша? Скучает ли?» – у Маши слипались глаза. – «Плохо я с ним попрощалась...»

Осень.

Григория, как он и говорил, забрали в армию. Стараниями отца парня определили в Брянскую область, чтобы мать не волновалась и не переживала за единственного сына. Всё ж поближе к дому: и ездить недалеко, и навещать

можно почаще. Следом за Гришей солдатские сапоги получил и Стёпка – соседский сын. Но ему не так повезло, как Грише. Отправили Стёпу в Оренбургскую глушь, где вокруг леса и ни одной живой души, кроме военных.

– Повезло так повезло, – бормотал Стёпа, заправляя кровать по уставу. – И почему мой батька не в председателях?

– Вот тебе и друзья, – причитала Стёпкина мать, злясь на тяжёлую долю. – А мог бы Гриша помочь другу, поговорить с отцом. Нет же... Сам здесь остался, а сына нашего к чёрту на кулички сослали.

– Не бухти, – отец чинил керосинку, сидя у печи. – Каждому своё. Не война, поди. Отслужит и вернётся. Только вот...

Анатолий закончил с работой. Встал и пересел за стол.

– Слыхал я, Стёпка наш с Катькой связался.

– Это как? – Надя месила тесто.

– Полюбовно, – Толик смотрел на руки жены и потирал подбородок. – Думаю, отслужит и за свадебку.

– Ну уж не-ет, – накрыв тесто полотенцем, Надя начала сгребать остатки муки. – Не нужны нам такие, как Титковы. Больно уж Ирка воспитывать не умеет. Сам знаешь, что посеешь, то и пожнёшь.

– Ты это к чему? – Анатолий поднял брови, не понимая, о чём речь.

– Ирка троих мужиков сменила. Ладно, Васька, а остальные? Митя – и тот удрал, как от огня. Хочешь, чтобы наш сын намаялся? Девки такими же будут, как и мать. А нашему

Степану другая нужна. Понял?

– А-а, ты в этом смысле, – улыбнулся муж. – Тут я с тобою согласен. Правда, Митька неплохой мужик был. Довела его Иринка.

Глава 13

Переделав всё по хозяйству, Ира закрыла сарай, отправила Катю процеживать молоко, а сама ушла в баню.

– Три месяца уже, – намыливала плечи женщина и рассуждала вслух о своей жизни. – Когда ж ты вернёшься, Митенька? Сил моих больше нет ждать и надеяться. Хоть бы о дочке подумал. Скучает ведь. Спрашивает, когда папка приедет? Всю душу ты мне измотал, Митя. Никто не нужен. Все думки только о тебе.

Вспоминая первое знакомство с будущим мужем, Ира улыбалась и проговаривала каждое слово, которое когда-то говорила Мите. Всё помнит, всё до мелочей. А какие носки вязал, рисунки сам придумывал. Игрушки из дерева выпиливал. Крышу латал. Всё сам, своими руками. Золотой мужик был. Слово плохого не скажет, поперёк не встанет. Ну, приехала сестра, выпили, вспомнили жизнь свою прошлую. Ну и что? Вот надо было закатить скандал и выгнать её. И надо было заварить всю эту кашу? Наслушалась бабских сплетен, приревновала к дочери. Глупая. Глупая и недалёковидная женщина ты, Ирина.

– Хватит, – опрокинув на себя таз с водой, Ира направилась в предбанник. – Надо ехать в Первомайский. Авось там и найдётся.

Рано утром, прикинувшись больной, Ира взяла отгул

на работе, прихватила с собой Валю, чтоб разжалобить мужа, и отправилась в посёлок. Валя была счастлива. Ни разу не катавшись на автобусе, девочка не находила себе места и задавала кучу вопросов, которые раздражали мать.

– А долго ещё? – рассматривая из окна транспорта местную природу, спросила Валя.

– Скоро уже, – Ирина жутко переживала о том, как встретит муж после долгой разлуки.

– Но я не хочу. Давай ещё покатаемся, – Валюшка дёргала мать за рукав вязаной кофты. – До самого вечера.

– Сиди смирно, – мама нервничала. – А то больше никуда не возьму.

– Мам, а ты знаешь, где край земли? Давай туда поедем и посмотрим.

– Не знаю.

– Я пить хочу.

– Потерпишь, – Ирина поглядывала сквозь мутное стекло, боясь пропустить остановку.

– Не могу терпеть, я сейчас хочу, – застонала девочка, раздражая тем самым мать. – Хочу! Хочу! Хочу!

– Если ты сейчас не замолчишь – выведу из автобуса и оставлю на дороге. Придут волки и утащат тебя, – грозным голосом предупредила Ира и отвернулась.

Вале стало страшно. Съёжившись, закрыла лицо руками и захныкала. Ира строго взглянула на дочь.

– Хватит слёзы из себя давить. Вставай, пора выходить, –

взяла Валю за руку и повела к двери.

Выходя из автобуса, Ирина глотнула свежего воздуха и повела девочку в неизвестном направлении. Куда идти? У кого спросить? Проходя мимо небольшого дома, заприметила мужчину, копошащегося у забора. Ира поторопилась к нему, чтобы разузнать, где проживает Дмитрий Гóдин.

– Здравствуйте, – подошла сзади и смущённо спросила. – Не подскажете...

В эту самую минуту из дома вышла молодая женщина лет двадцати пяти. Она держала в руках огромную кружку, накрытую салфеткой, и широко улыбалась.

– Митюш, попей свеженького молочка. Устал, поди.

Мужчина выпрямил спину и повернулся.

– Митя-а, – Ирку будто ударили обухом по голове. – Бабу новую завёл...

Мужчина уставился на обомлевшую жену. Ни один мускул не дрогнул на его серьёзном лице. Улыбнуться и расцвести заставил счастливый крик дочери.

– Па-ап-ка-а! – Валюшка отпустила руку матери и подпрыгнула.

Митя подхватил дочь в воздухе, прижал к груди и зарылся лицом в её жиденькие волосёнки.

– Валечка, Валюшенька, – проговорил вслух, зажмурив глаза. – Я так скучал.

– Почему ты не приезжал так долго? – отклонилась девочка. Её светлые брови сошлись у переносицы, глаза сузились,

лицо приобрело угрожающий облик.

– Занят был, – Митя поставил девочку на ноги. – Работы много.

– По чужим койкам прыгать, – съязвила Ирина, поставив одну руку на бок. – Вот, для чего ты вырвался из семейного гнезда.

– Добрый день, – к забору подошла хозяйка дома и протянула мужчине кружку. – Пока свежее.

– А ты кто? – Ирину выворачивало от мысли, что муж успел пристроиться к молодой.

– Я Ира, – девушка улыбалась во все тридцать два зуба.

Ирина-жена уже успела оценить стройную фигуру и густые курчавые волосы соперницы. Набрав побольше воздуха, завопила:

– Вот, значит, как! Ещё одну Ирку пригрел! А я-то думаю, где он там! Как здоровье! Не зачах без семьи?!

– Извините, – потенциальная пассия перестала улыбаться. – О чём вы?

– Ты бы рот прикрыла! – разошлась Иринка. – Поди, не в курсе, что он женатый?!

Митя от злости нечаянно пролил молоко на траву. Поставив кружку на остриё доски, приказал жене замолчать.

– Что ты несёшь? Приехала тут, навела шороху. Послушай сначала, а потом и рот разевай.

– Посмотрите на него, люди добрые! – развела руками Ира, подняв крик на всю округу. – Сбежал и рад! У него се-

меро по лавкам, а он и ухом не ведёт! Валька отца заждалась, а ему хоть бы хны!

– Ира, – сквозь зубы произнёс мужчина. – Я работаю здесь, понимаешь?

– Знаю я, каким местом работаешь! – не умолкала женщина. – Известным местом! Как все кобели, чёрт бы вас побрал!

Митя подошёл к жене вплотную и строго сказал:

– Если не замолчишь, пойдём в сельсовет и разведёмся.

– Ага, сейчас! Чтобы с молодухой по сенцам скакать?!

Не бывать этому!

– Извините, – молодая женщина, слушая склочную незнакомку, сделала шаг назад на всякий случай. А вдруг онакинется и вцепится в волосы? – Митя, завтра доделаешь. Иди домой.

– Я тебе пойду! Я так пойду! – Ирина схватила за руку мужа. – Под суд у меня все пойдёте, проשמандовки белобрысые! Ишь ты, чужого мужика привадила, ещё в дом тащит!

– Да какой дом?! – чаша терпения по имени Митя треснула. – Это не мой дом! Хватит посёлок будоражить! Я живу совсем на другой улице!

– А? – с хрипотцой в голосе заговорила жена. – Где?

Митя повернулся к хозяйке и извинился.

– Ты права, Ира, лучше завтра. Прости, Христа ради, – взяв дочь и жену за руки, повёл в свою хату. – Ну и дурная же ты баба, Ирка. Одни скандалы на уме. Испоганила мне хал-

туру. Эх, не успел доделать, уже б оплату получил.

– Оплату? За забор? – волоча ноги, Ира пыталась понять, кто та баба и куда муж её тащит.

– Забор поправить – и вся работа. Даже за такую мелочь платят, – бурчал муж, спотыкаясь о колдобины. – И надо было тебе сегодня приехать. Ещё и ребёнка притащила.

– Па-ап-ка-а-а, – захныкала Валя, пытаюсь идти быстрее. – У меня ножки уста-али-и.

– Устали? Садись на коркушки, – ловко подхватил дочь и посадил себе на плечи.

– Как неудобно получилось, – наконец-то осознав, как глупо выглядела со стороны, Ира сникла.

И надо было такому случиться. Вот ведь натура – язык без костей. У-ф-ф, так опозориться перед посторонним человеком. Что люди скажут?

«Да что ж это я? – рассуждала про себя Ира, перешагивая через небольшую ямку с лужей. – Это ж не мой посёлок. Через день все уже забудут, а в своей деревне никто и не узнает. Плевать. Заберу Митьку и поминай как звали».

Обнадёжив себя светлыми мыслями, женщина взяла мужа за локоть и нежно улыбнулась.

– Поехали домой, Митенька. Я для тебя рубаху заказала. Уже пошили. Цветастая, с карманами, как ты любишь. А ещё сальце прикупим: с чесночком да с перцем...

Оголодавший по домашней кухне Митя шёл и глотал слюни. Ох, сейчас бы сала и солёных огурцов вприкуску. Да что

там, можно и без них, только бы хлеба побольше. Вспомнив, что он живёт в доме не один, остановился.

– Вон мой дом, слева, – махнул рукой на противоположную сторону. – Со мной Нинка живёт, – сказал грустным голосом, – ей без меня никак. Взял я её под опеку, должен отвечать и заботиться.

– Что ещё за Нинка? – глаза Иры налились кровью. – Я сейчас ей все космы повыщипаю!

Не помня себя, Ирка рванула к покосившейся хате, где проживала ещё одна из этих... соперниц.

– Ну что ты будешь с ней делать, – Митя поставил дочь на ноги. – Не жена, а конвоир. Осталось руки связать и в погреб упрятать. Ревнивая – спасу нет.

Ирина, не дожидаясь, когда муж откроет навесной замок, рванула ручку на себя два раза. Хлипкая петля не выдержала и выпала из сухой древесины, уронив запор на крыльцо.

– Сейчас я тебе, – вбежала в хату и первым делом полезла на печь.

Убедившись, что там никого нет, ринулась в комнату. Ни на кровати, ни под кроватью – нигде не было видно женщины по имени Нина.

– Куда ж ты подевалась? – рвала и метала Ира, не зная, где ещё проверить.

В распахнутую дверь вошли Митя и Валя. Девочка встала в сторонке, глядя на разъярённую мать. Митя же подошёл к жене и с насмешкой сказал:

– В сарае не забудь проверить.

Недолго думая, женщина побежала в сарай.

– Только сильно не бей! Она у меня бодливая! – рассмеялся муж.

Услышав смех Мити, Ира остановилась у входа в хлев. Услышав бляенье козы, выпучила глаза.

– Коза, что ли? – просунув голову в открытую дверь, остолбенела. – Нинка – коза?

– Была б моя воля – отправил бы тебя к врачу показаться, – сзади подошёл муж и положил руки на плечи Ирины. – Да что ж ты у меня такая ревнивая?

– Митенька, – женщина резко обернулась.

Её глаза заблестели от слёз.

– Прости меня, – уткнувшись лбом в грудь мужа, Ира зарыдала от собственного бессилия перед ревностью и боязнию потерять любимого. – Я не могу без тебя. Не могу и не хочу. Так сильно прикипела к тебе, даже думать больше ни о чём не могу. Все думки о тебе. Истосковалась я, Митенька.

– Горе ты моё луковое, – слова жены грели душу. – Что ж мне с тобой делать?

– Что хочешь, но жизни без тебя нет, – всхлипывала Ира. – Спать ложусь, а сон не идёт. На работу иду, а ноги обратно в дом несут. Вдруг ты вернёшься, а меня нету...

– Ну, хватит. Хватит слёзы лить. Пойдём в дом, чаем напью.

– Поехали лучше в наш дом, Митенька, – Ира подняла глаза. – Будем жить, как раньше – одной семьёй. И Нинку бери с собой. Наша Белянка уже не такая молочная.

В этот день Митя вернулся в Починок. Счастью Ирины не было предела, пока муж не уточнил местонахождение Маши.

– Доехала. Что с ней станется? – Ира делала вид, будто владеет точной информацией. – Сам, поди, съездил и узнал.

– Никуда я не ездил. Она в последнее время как-то недобро на меня смотрела.

– То-то же, – сказала про себя Ира. – У меня глаз намётан. Всё вижу и понимаю. Если о Машке ничего не слышно – значит, жива-здорова. Было бы плохо, давно б прилетела.

Глава 14

На самом деле, дела у Маши складывались как нельзя лучше. Лето прошло в компании подруги Светы и Людочки, которая когда-то вместе с родителями подвезла девушку до интерната. Светка поначалу присматривалась к Людмиле. Такая она вся разодетая, говорит как-то по-иному, слова разные употребляет, которые Света даже от Изольды не слышала. Красит ресницы, брови, а иногда и губы. Вот и Маша стала похожей на Люду: подкрашивается и делает разные причёски.

– Опять наштукатурилась, – глядя на подругу, Светлана завидовала её длинным выющимся ресницам. – И зачем это? Только кожу портить.

– Ничего ты не понимаешь, – Маша плюнула в коробочку и растёрла чёрную тушь маленькой щёткой. – Чтобы быть красивше.

– Ну, не знаю, – пожимала плечами девушка. – Парни не любят крашенных. Естественность – вот залог успеха.

– Я бы на твоём месте брови подвела. Они у тебя такие светлые, что не понять, есть они или нет, – усмехнулась Маша, продолжая наводить красоту. – Нужно быть яркой и запоминающейся, как говорит Люда, и я с ней полностью согласна.

– Ну и повторяй за ней! – психанула Света, откинув в сто-

рону браслет, который для неё сплела Маша. – Дружи с ней, раз уж ты такая краля стала!

– Да ты чего? – возмутилась подруга, повернув голову. – Не хочешь краситься – не надо. Зачем же подарками раскидываться?

– Сама носи, – забурчала Светка, уткнувшись в окно. – Больно надо.

– Не злись, – Маша отложила косметику и подошла ближе. – Ты моя самая лучшая подруга, и я тебя очень сильно люблю. Поедешь со мной в гости? Люда пригласила к себе домой. Будем слушать новые пластинки...

– Что уж там, поехали, – вздохнув, Света повернулась и улыбнулась. – Много гостей будет? А то я не люблю, когда в компании одни чужие.

– Не знаю. Но Люда говорила, сегодня возвращается её брат. Он всё лето у бабушки провёл.

– Ой, тогда точно пойду! – обрадовалась Света. – На фотографиях он просто красавчик! Хочу с ним познакомиться!

Ближе к вечеру девушки поехали в гости. Люда и её мама Нина Михайловна уже успели накрыть на стол.

– М-м, курочка, – водила носом Светка и втягивала аромат запеченной птицы. – С корочкой...

– Веди себя прилично, – одёргивала подругу Маша, бросая короткие взгляды на дверь. – Не так явно, пожалуйста.

– Ой, можно подумать, будто ты не голодная, – отмахивалась Света, продолжая наслаждаться аппетитным видом

блюда. – Смотри, а это что?

Девушка протянула руку к пирожным.

– Какая вкуснота! – воскликнула девушка, опустив палец в крем и отправив его в рот. – Боже, вот бы их все съесть!

– Как вы тут, не скучаете? – мать Люды вошла в комнату, держа в руках глубокую тарелку со студнем. – Уже вот-вот подъедут, и сядем за стол.

В квартире прозвенел звонок. Людмила бросила нарезать хлеб и подбежала к двери. Поправив перед зеркалом оборки платья, повернула ключ.

– Привет! – с радостными воплями запрыгала на месте. – А загорел-то как!

– Не спеши, дай войти, – прозвучал молодой мужской голос. – Егоза!

Люда расцеловала щёки брата прямо на пороге. Парень подхватил сестру на руки и внёс в прихожую. Поставил на ноги, отряхнулся и поздоровался с матерью.

– Как она там? – с беспокойством в голосе спросила Нина, прижавшись к сыну. – Ох, сколько я её просила переехать к нам...

– Мам, зачем отрывать человека от родных мест? Бабушка у нас ещё ого-го! – парень приобнял маму. – А чем это так вкусно пахнет?

– Проходи, сынок, – Нина отпустила парнишку и вытерла под глазами слёзы. – У нас гости.

Отворив двери в комнату, Нина позвала девушек.

– Познакомься, это новые подруги Людочки.

Света медленно поднялась со стула, подошла к молодому человеку и кокетливо улыбнулась.

– Я Света, – протянула руку. – А это Маша.

– Очень приятно. Сергей, – парень пожимал руку гостье, но смотрел прямо на Машу.

Мария стеснительно улыбнулась и опустила глаза. Светка легонько притянула Серёгу к себе.

– Садитесь рядом со мной, – решила понравиться парню. – Что вам положить: курицу или картошку?

– Спасибо, – Сергей освободил руку и подошёл к Маше. – Вы с Людой учитеесь, да?

– Нет, – Маша засмушалась. – В разных...

– Они из интерната, – Нина Михайловна взяла у мужа пакеты. – Очень хорошие девочки, воспитанные.

– Я заметил, – Сергей не сводил глаз с Маши. – Вы никуда не торопитесь?

– Я – нет, а вот у Маши парень есть, – Светка поняла – поезд уходит. – Давайте прогуляемся вечером. Машу проводим и прогуляемся. Люд, ты как?

Людмила пожала плечами, глядя на брата. Она прекрасно знала Сергея, как серьёзного и целеустремлённого мужчину. Но что сейчас с ним происходит – уму непостижимо. Парень влюбился с первого взгляда.

– Серёжа, присаживайся. Голодный с дороги, – мама по-

дошла к столу. – Садись возле меня. Я приготовила твои любимые котлеты.

– Ага, – парень присел по правую сторону от матери, не обращая внимания на блюда.

– А Саша с Геной придут? – задала вопрос Люда, накладывая салат в тарелку. – Хотелось бы их увидеть.

– Я никого не приглашал, – брат потянулся за корзинкой с хлебом. – Не сегодня.

– Жаль, – симпатичный Саша нравился Людмиле, но она это тщательно скрывала. – Думала, у нас будут гости.

– Твои подруги и есть гости, – улыбнулся Сергей. – Кстати, я привёз домашнее варенье. Бабуля настояла. Людмиле строго-настрого наказала пить чай с мёдом. Пап, а тебе наливку положила.

– Тёща у меня что надо, – с гордостью произнёс Пётр. – Заботливая...

– Приятно слышать, – влезла в разговор Света. – А вот у меня никого нет. Была бабушка, но...

– У меня сердце кровью обливается, когда слышу такие истории, – расстроилась хозяйка. – Вы приезжайте к нам почаще, Светочка. Вместе с Машей приезжайте.

– Спасибо, – Светке того и надо было, чтобы мозолить глаза Сергею.

– Маша, что же Вы не кушаете? – взглянув на пустую тарелку, Нина встревоженно покачала головой. – Может быть, студень попробуете?

– Нет, спасибо. Ничего не хочется, – на самом деле, Маше не хотелось есть. Она чувствовала себя неуютно рядом с братом Люды. – Можно мне водички?

– Чайку, – Нина Михайловна встала из-за стола. – Сейчас чайник поставлю.

Женщина ушла и уже из кухни позвала Людмилу, чтобы та помогла с чашками и тортом. Закрыв за собой дверь, Люда начала шептаться с матерью.

– Какая приятная девушка Маша, – протирала чашки Нина. – Сколько её вижу – налюбоваться не могу. Часто слышала, как в интернатах воспитываются хулиганы и беспризорники, но Маша... Маша – исключение из правил.

Поставив чашку на поднос, Нина продолжила обсуждать Марию.

– У неё, кажется, друг есть?

– Он в армии сейчас, – Люда нарезала торт. – Недавно забрали. Служит здесь, неподалёку.

– Ах, жаль, – вдохнула мама и подняла глаза кверху. – Как бы мне хотелось, чтобы они с Серёжей начали встречаться...

– Ха! – развеселилась Люда. – Светлана уже лыжи наворостирила, заметила?

– Ну, что за выражение, Людочка? – Нина пристыдила дочь. – Какие ещё лыжи? Просто она посмелее. Да-а, – присела на стул. – Серёжа наш – видный парень. Рассудительный и отзывчивый. Ох, хорошая пара получилась бы. Ты разуз-

най, пожалуйста, как он Маше.

– Хорошо, – Люда подхватила торт и понесла гостям.

Вечер прошёл в приятной домашней обстановке. Серёжа рассказывал о бабушке, Пётр Игоревич – о работе, Нина Михайловна всё время предлагала девушкам попробовать приготовленные ею блюда, Светлана давила на жалость, только Маша практически весь вечер молчала.

– Возьмите, – провожая девушек, Нина передала Светлане большой свёрток и сумку. – Здесь куски торта, конфеты...

– Ну, что Вы?! – Маша искоса посмотрела на подругу. – Нам ничего не надо.

– Берите, берите, – настаивала хозяйка. – Нехорошо отпускать гостей с пустыми руками.

– Берите, – Пётр Игоревич поддержал жену. – Иначе она обидится.

Светлана приняла дары и поблагодарила хозяев.

– Серёжа, проводи девушек, – Нина загадочно посмотрела на сына. – Посади на автобус и сразу же домой.

Сергей довёл подруг до остановки, поболтал с ними немного, узнал о завтрашних планах и предложил сходить в кино.

– Я согласна, – у Светы заблестели глаза. – У Маши вряд ли получится, а я смогу.

Маша молчала. Она прекрасно понимала, парень понравился подруге, не надо встречать. Всё-таки у неё есть Гриша.

– Всего доброго, – Сергей посадил девушек в транспорт

и помахал рукой. – До завтра!

– Как он тебе? – Светка уселась рядом с Машей и положила сумку со свёртком на колени. – Красивый, правда? Думаю, я тоже ему понравилась.

– Наверное, – Маша смотрела в окно на улыбчивого парня.

– Только ты с нами гулять не ходи, – подруга заговорила серьёзным тоном. – А то видела я, как он на тебя смотрел.

– Придумаешь тоже. Обыкновенно смотрел.

– Ну уж не-ет, – протянула Света. – Жди своего Гришку, а на Серёжу не рассчитывай.

– Ты со мной поссориться хочешь? Сдался мне твой Сергей, – занервничала Маша.

– Вот именно, мой, – гордо ответила Света и отвернулась. – Никому не отдам.

В интернате Света раздавала гостинцы соседкам по комнате и расхваливала уже своего парня и его семью.

– Нина Михайловна до того любезная, что аж плакать хочется. Как мать родная ко мне относится.

– Будет врать-то, – Галина отломил кусочек кремового торта и положила в рот. – С чего бы ей тебя так обхаживать?

– Не завидуй, – съязвила Света, присев на свою кровать. – Твоя мачеха не спешит тебя забирать. Своих уже нарожала.

– Не твоё дело, – обиделась Галя. – Ты ничего не знаешь.

– А тут и знать нечего, – продолжала ехидничать Светка. – Вон, Машу и то родная мамка выгнала, а у тебя чужая.

– Света! – Маша сдвинула брови к носу. – Зачем ты так?

– А затем! – разнервничалась девушка. – Завидуете, и всё тут! У вас у всех есть родственники, а у меня нету! А теперь меня мать Сергея полюбила, а вы и тут обзавидовались! Выйду за него и буду жить, как богачка!

– Ты же не собираешься замуж, – припомнила слова Светы Маша.

– Я такого не говорила, – девушка сложила руки на груди и отвернулась.

– Ну, как знаешь, – Маша не стала спорить. – Но наперёд не планируй. Сергей тебе ничего не обещал.

– Сегодня не обещал, а завтра... – Светка запнулась и замолчала.

– Что завтра? – поинтересовались девушки.

– Не ваше дело, – сквозь зубы процедила Света, придумывая на завтра, как окрутить парня.

К сожалению, как бы девушка ни мечтала и ни строила планы на будущее, свидание не состоялось – Сергей не смог приехать. Светка злилась, но не подавала вида. Уткнувшись в учебник астрономии, бездумно бегала глазами по строчкам и вздыхала.

– А что это ты тут делаешь? – в комнату пришла Юля. – Гулянки отменяются?

– В этот раз не получилось, встретимся в другой, – состроив надменное лицо, ответила Света.

– А-а, не пришёл, – хихикнула Юля, стягивая полотенце с головы. – А наплела-то, наплела...

Света захлопнула книгу, поднялась и вплотную подошла к соседке.

– Тебе больше всех надо? – поставила руки на бока. – По-твоему, человек не может заболеть или передумать?

– Значит, передумал? – сощурила глаза Юля, слегка ехидничая. – Нужная ты кому-то...

– Думай, что хочешь, – в эту минуту Света всем сердцем пожелала утереть нос воспитанницам. – Потом сами удивитесь, насколько я везучая.

Ровно через неделю Сергей появился на пороге интерната с коробкой конфет под мышкой. Молодой человек собирался попросить дежурного, чтобы позвали Машу, но Светка опередила. Заметив парня из окна, выбежала из комнаты и ринулась по ступенькам вниз.

– Серёжка! Ты пришёл! – обрадованная девушка повисла на шее гостя. – Где ты был? Я так долго ждала!

Ошарашенный молодой человек словно остолбенел. Подхватив коробку, сползающую вниз, Сергей медленно отцепил Свету и попросил вести себя скромнее.

– Люди кругом, ты что делаешь? – покрасневший гость сунул руки в карманы брюк. – Зови Машу, и пойдёмте прогуляемся.

– Она не сможет, – слукавила девушка, – ей заниматься надо.

– Жаль, а я с другом, – бросив короткий взгляд на входную дверь, сказал парень. – Думал, посидим все вместе. Мороженое там, квас...

– Сейчас. Подожди, – Светка выхватила коробку со сладостями и побежала в комнату.

– Во! Видали? – с криками влетела в помещение. – Ну? Кто ещё сомневается?

– Сергей приехал? – оживилась Маша.

– Ага, – прыгнув на кровать, Светка бросила коробку на тумбочку. – Внизу стоит, ждёт.

– Почему сюда не зовёшь?

– Незачем, – нахохлилась Света, окинув презренным взглядом соседок. – Знаю я их. Уведут ещё.

В комнате раздался женский смех. Девчонки не верили своим ушам. Неужели Светка, та, что была против замужества, так быстро поменяла своё мнение? Вон, и планы уже строит, и не хочет показывать потенциального жениха миру. Говорит, мол, пусть внизу постоит, а то понравится какая-нибудь вроде Гальки. Бережёного бог бережёт. Вот и Светка уцепилась. Только Сергей об этом ещё не знает. Воспитание не позволяет отшить нагловатую несовершеннолетнюю даму. Приходится терпеть и делать вид, будто ему интересно общество Светланы. А так хочется увидеть Машу. Звонкоголосую скромницу Машу, миниатюрную, стройную, с бездонными глазами и светлыми локонами. Сергей понимал, если не привести друга – Светка не отстанет.

– Собирайся, – в приказном тоне сказала Света своей подруге. – Он не один приехал.

– А с кем? С Людой? – Маша отложила в сторону шитьё.

– Не-а, с другом, – скинув с себя платье, девушка полезла в шкаф за другим. – Давай быстрее, а то так и останешься здесь. Думаю, в кафе посидим или в кино...

Маша мигом собралась. Натягивая туфли на небольшом каблукке, посмотрела на своё отражение в зеркале, покрутилась и, довольная своим внешним видом, вышла из комнаты.

– Куда? А я? – занервничала Светлана, пытаясь справиться с непослушными волосами.

Но Маша не слышала. Спустившись на первый этаж, вышла в холл. На подоконнике сидел он – брюнет крепкого телосложения.

– Привет, – девушка приблизилась и заложила руки за спину.

– О, добрый вечер! – чуть громче обычного произнёс парень и улыбнулся. – Очень рад видеть! Очень!

– Куда пойдём? – спросила Маша.

– Ну-у, думаю, сначала в кафе. Ты же любишь мороженое?

– Да.

– Посидим, а потом в парке прогуляемся. Пойдём на улицу. Олег ждёт, – открыв дверь, краем уха Сергей услышал Свету.

– Я сейчас вообще никуда не пойду! – бежала по лестнице девушка, держась за перила. – Маша! Ты оглохла?

Высочив наружу, Светка игриво ударила парня по плечу и демонстративно обиделась.

– Но мы же здесь, – Сергею хотелось отправить подругу Маши обратно. – Ждём.

– Оно и видно, – куксилась Света, покусывая губы. – Решили вместе – значит вместе.

Стоя на крыльце, Сергей крутил головой и искал глазами друга. Махнув кому-то, пошёл навстречу.

– Знакомьтесь, Маша, Света, – представил подруг парню. – А это Олег.

– Очень приятно, – Олег улыбался, рассматривая девушек. – Наслышан. Сергей вас так расхваливал, что я и представить не мог, какой он лгун.

– Чего? – Светлане не понравился тон нового знакомого.

– Я имел в виду, расписывая вашу красоту, Серёга слегка приврал.

– Не поняла, – щёки Светки налились румянцем. Она уже была готова кинуться на парня и разодрать на куски.

Сергей стоял молча. Зная каждую шутку друга и манеру искусно выходить из запутанной ситуации, Серёжа ждал умопомрачительного финала, который приведёт девушек в чувства и оставит под впечатлением.

– Такой неземной красоты я не видел со времён... с тех самых времён, когда только-только научился топтать и лепетать невнятные словосочетания. То есть – никогда. Девушки, – Олег положил руки на плечи подруги и притянул к себе. –

Вы прекрасны и неотразимы. Ни одна из нынешних красавиц не могут сравниться с вами. Вы – как капля росы...

– Всё, хватит, – Светлана вырвалась и подхватила Серёжу под руку. – На меня твои песнопения не действуют. Вон, Машке напевай, а от меня отстань.

Компания раздалась хохотом. Только Светлане было не до смеха. Она всё так же замечала косые взгляды Серёжи, обращённые к Маше.

Первое свидание прошло... никак не прошло. Да и свиданием это трудно назвать. Светка ожидала какой-то романтики: красивых слов о любви и нежных поцелуев, но этого не случилось. Сергей вёл себя, как обыкновенный друг, что не устраивало Светлану. А вот Маше повезло больше. Олег – настоящий джентльмен. Перенёс через лужу, подал руку, выходя из автобуса, уступил место в кинотеатре, откуда видно лучше всего. Света косилась и завидовала. Да как так-то? Почему Машке везёт на обходительных и услужливых? И дело не в Олеге, а в окружающих. Сколько раз ездили в автобусе – всюду найдётся тот, кто предложит присесть или пропустит вперёд. Чем эта Машка берёт? Что в ней такого особенного? Светлана и фигурой хороша, и волосы погуще. Нет, мужчины обращают внимание на костлявую Машу с её жиденькими волосёнками. Бесит, ох как бесит необъективность мужского пола. Ну, ничего. Скоро всё встанет на свои места. Светка ещё возьмёт своё, не фигурой, так умом.

Просидев целый час в кафе-мороженом, молодые люди передумали идти в кино. Было принято решение провести остаток дня в центральном парке. Прохаживаясь по аллее, Маша наслаждалась спокойствием и умиротворённостью. Так хорошо ещё никогда не было: солнце грело по-осеннему, не так холодно, но уже не лето. Улыбчивые прохожие, казалось, были счастливы. Проходя мимо, они заглядывали в лица молодёжи и улыбались ещё шире. Маша ощущала высшей степени эмоциональный прилив, что даже на некоторое время забыла о существовании Гриши и своей семьи.

– Господи, как хорошо, – неожиданно прошептала девушка и тут же прижалась к руке Олега.

– О-о! – Светлана выпучила глаза от увиденного. – А вот и парочка образовалась!

Опомнившись, Маша отпрянула от парня. Поправив пояс на талии, обошла Олега и поравнялась с подругой. Сергей почувствовал неприязнь к другу. Умеет же обольщать, шут гороховый. Не делом, так словом. И откуда у него столько обаяния? Уф, раздражает. Ещё и Светка липнет, как муха на варенье. Не отправишь же её домой, Маша тоже уйдёт. Подруги всё-таки... Сергей медленно передвигал ногами и обдумывал, как избавиться от прилипчивой девушки. Или сменить обстановку?

– Есть предложение, – резко остановился и повернулся всем телом. – У Славки сегодня дача пустует. Можем поехать.

– Дача-дача, – взялся за рассуждения Олег, прислонив руку к подбородку. – А какой сегодня день?

– Ну? Все согласны? – Сергей поторапливал.

Света вопросительно посмотрела на подругу и пожалала плечами. Серёга не стал ждать ответа. Заметив телефонную будку неподалёку, бросился звонить куда-то.

– А что за Славка? – Свету проняло любопытство. – И кто его родители?

– Я бы не советовал туда ехать, – вдруг низким голосом произнёс Олег и пристально посмотрел на Машу.

Мария будто приняла тревожный сигнал. Как только Сергей вернулся, она пошла в отказ.

– Не хочется никуда ехать, – вглядываясь в лицо Светы, девушка хмурила брови и ждала разумного ответа.

– Почему? Я уже договорился. Через пятнадцать минут Славик заедет за нами, – у Сергея горели глаза.

– Тоже не имею желания тащиться за сто километров, – Олег выглядел так, словно хотел сказать чего-то лишнего, но не мог.

Светлана понимала: если сейчас Маша никуда не поедет – это и будет огромная удача, которую никак нельзя упускать.

– А я согласна! – обрадовавшись, приобняла друга за пояс. – Маш, сама доедешь до дома?

– В таком случае, поеду я, – Олег пожал руку Серёже. – Звони, если что.

Развернувшись, парень пошёл в обратную сторону. Не до-

ходя до выхода, свернул на тропинку и спрятался за огромным стволом многолетнего дуба. В душе теплилась надежда – девчонки откажутся и не будут искать приключений на свои неопытные головы. Но нет. Дождавшись приезда Вячеслава, Олег увидел, как девушки садятся в автомобиль. Маша не смогла бросить подругу, чувствуя подвох. Светка села на заднее сиденье, косо поглядывая на Машу.

– Могла бы и уехать, – пробурчала в самое ухо. – Если уж так тебе не хотелось.

– Что-то здесь не так, – прошептала Маша. – Видела, как Олег отреагировал?

– Ну и что? Не хочет – и не надо. А я вот всегда «за». Почему бы и не прокатиться?

– Не нравится мне всё это. Да и Слава этот... странный какой-то, – Маша заметила шрам на шее. – Будто в тюрьме сидел.

– Вечно ты навывдумываешь, – Света закинула ногу на ногу и громко сказала. – Вот так бы ехала и ехала – в никуда!

Слава посмотрел на девушку в зеркало заднего вида и улыбнулся.

– Рисковая?

– Очень, – томным голосом произнесла Света.

Слава подмигнул и нажал на педаль газа. Дорога заняла около двух часов. Водитель часто притормаживал, выходил покурить или просто размять ноги. Сергей составлял ему компанию, не предлагая девушкам выйти и передохнуть.

Светлана была счастлива. Поглядывая на парней, рассуждала о предстоящей вечеринке, радовалась новым знакомствам, уже вовсю считая себя девушкой Серёжи.

– Я же говорила, все девчонки удавятся от зависти. У Серёжи таки-ие знакомые, заметила? При деньгах... Ах, здорово, что ты познакомилась с Людкой, – Светке хотелось петь. – Чувствую, сегодня впервые попробую алкоголь.

– Не вздумай, – заволновалась Маша. – И вообще, нельзя было ехать с ними.

– Дурочка, – хихикнула Света, – что они нам сделают? Тем более, мы знакомы с родителями Серёжи. Если что – все получат, – девушка была уверена в порядочности друга.

Проехав оставшиеся десять километров, автомобиль остановился у придорожного кафе. Маше срочно понадобилась туалетная комната. Вместе с Серёжей вышла из авто и направилась в здание. Как только молодые люди скрылись за дверью, Слава обернулся и спросил:

– Прокатимся?

– Куда? – Света чувствовала себя в безопасности.

– Тут недалеко, – дерзкая ухмылка несколько не пугала безрассудную девушку.

Кивнув головой, Света пересела на переднее сиденье.

Не успев отъехать, Слава обратил внимание на остановившийся позади автомобиль с шашечками. Из машины выбежал Олег.

– О, здорово, – Слава открыл дверь.

– Где Маша? – разъярённый голос Олега ввёл в ступор.

– Э-э, погоди, – водитель вышел и протянул руку. – Передумал? И правильно. Сейчас такой дискач закатим.

– Да пошёл ты! – закричал Олег и взглянул на Свету с яростью. – Где твоя подруга?

– Ты с ума сошёл? – Светку взбесило поведение малознакомого человека. – Чего разорался?

Из кафе вышли Серёжа и Маша. Услышав крик, Сергей прибавил шаг.

– Что у вас тут? Что не поделили?

Олег, схватив Марию за руку, попросил сесть в такси. У Маши от неожиданности округлились глаза.

– Зачем? – её голос задрожал.

– И подругу свою забери! – Олег вёл себя, как невменяемый. – Потом объясню!

– Я никуда не поеду, – Светлана сложила руки на груди. – Кто ты такой, чтобы мне указывать?

Маша смотрела на Олега и понимала – не просто так он приехал и пытается увезти девушек обратно в город. Видимо, интуиция дала верную подсказку: нельзя продолжать путь, надо возвращаться.

– Света, я уезжаю, – твёрдо сказала Маша. – Выходи.

– Не, ребят, ну вы чего? – Сергей слегка расстроился. – Олег, я же просто пошутил...

– А если с твоей сестрой также пошутят? – Олег ухватился за ворот ветровки друга. – Как тебе такое, а?

– Ну, вы долго ещё? Едем или нет? – Славику надоело наблюдать за разборками. – Или я один поеду.

– Ладно, Слав, извини, – махнул рукой Серёжа и обратился к Светлане. – Пошли. Вечеринка отменяется.

– Как это? – огорчилась Света, открыв дверь. – А я уже настроилась...

– В другой раз, – Вячеслав уселся на водительское сиденье. – Выпрыгивай.

Светлана неохотно покинула салон. Подойдя к Сергею, спросила:

– И почему ты его слушаешься? – кивнула в сторону Олега. – Мне так хотелось на дачу.

– Мала ещё по дачам разъезжать! – у Олега сдали нервы. – Быстро в машину!

Света и Маша переглянулись. Мала ещё, сказал парень. Что бы это значило? Маша задумалась над словами, уставившись в одну точку. Как только все заняли свои места, и такси тронулось, Мария почувствовала облегчение. Ощущение радости пронизывало от самой макушки до живота.

«Никогда больше не поеду с чужими, – подумала Маша, прижимаясь к двери, так как втроём на заднем сиденье тесно. – Никогда».

Такси остановилось у дома, где живёт Сергей.

– Ладно, не злись, – Сергей хлопнул друга по плечу. – Ничего бы не было, я это точно знаю.

– Угу, – Олег смотрел исподлобья. – Мне одной шутки

хватило. До сих пор перед глазами лица тех девчонок. Как они нас ещё не привлекли.

– Ну, потанцевали, выпили... – оправдывался Серёжа, переминаясь с ноги на ногу. – Что тут такого?

– А кто в бутылку снотворного подсыпал? Ирину чуть не отравили. Не ты же с ней в больницу поехал...

– Да не знаю, кто. Славка, наверное, а может, и Юрик.

– Юрик... – обернувшись на автомобиль, Олег добавил. – Этим и восемнадцати нет. Не нравится Света, так ей и скажи. А то ломаешься как...

– Ты не понимаешь, Света и Маша всюду вместе. Если отшить Светку, Маша тоже пропадёт из виду.

– А теперь по поводу Маши, – Олег встал вплотную и зашептал. – Не тронь её, слышишь?

– А что такое? Ты, что ли, на неё планы имеешь?

– Да, – ответил Олег грудным голосом. – Она моя, понял? И я её в обиду не дам.

Оттолкнув друга, Олег прыгнул в машину. Сергей стоял и смотрел вслед отъезжавшего такси.

– Хм, – хмыкнул себе под нос. – Всё из-за Светки, чёрт бы её побрал. А всего-то хотел со Славкой её свести... Жаль, с Машей ничего не выйдет.

Сплюнув на асфальт, вошёл в подъезд. В такси стояла полная тишина. Ехали молча. Света иногда поглядывала на рядом сидящую подругу и тяжело вздыхала. Это ж надо, такой вечер испорчен. Хотелось плакать и топотать ногами, как де-

лают маленькие дети. Светлана ни разу не присутствовала на шумных вечеринках со взрослыми людьми. Не танцевала так, как хочется, когда на тебя не смотрят воспитатели и не повторяют одно и то же: «Скромнее, ты же девочка». До тошноты надоело быть под приглядом и сдерживать себя. А так хочется свободы.

– Приехали, – сказал вслух Олег и открыл дверь.

Девушки вышли. Светлана побрела в интернат и даже не попрощалась. Маша осталась, чтобы поблагодарить Олега.

– Спасибо тебе, – ей было стыдно за подругу. – Если бы не ты...

– Не стоит. Я всё понимаю. Ты не хотела бросать Светлану. Ох, Маша, попадешь ты из-за неё в переделку. Впредь будь умнее, я очень тебя прошу, – взяв девушку за руки, улыбнулся и продолжил мягким голосом. – Ты хорошая девочка. Не теряйся только.

– Не буду, – Маша смотрела прямо в глаза. – Я пойду...

– Можно я завтра приду?

– Зачем?

– Прогуляемся... – Олег не мог подобрать слов. – По-дружески.

– Хорошо, приходи, – опустив руки, Мария бросила короткий взгляд на окна своей комнаты. – Ещё раз спасибо.

– До завтра, – Олег сел в машину.

Маша вошла во двор госучреждения и обернулась. Ка-

кой же он хороший, чуткий, привлекательный. Сразу видно, такой не даст в обиду. Вот только за Светку стыдно. Безбашенная, непонимающая – глупая, одним словом. Поднимаясь по ступенькам на второй этаж, девушка поймала неоднозначный взгляд соседки Ани.

– Ну ты и гуляка, – усмехнулась Аня и побежала вниз.

– Что? – у Маши загорелись щёки.

Не дождавшись ответа, поторопилась в комнату. Уже у двери Маша слышала смех девчонок и Светку, которая что-то говорила и также давилась от хохота. Девушка открыла дверь, и все замолчали.

– А вот и она – любительница приключений! – Светлана стояла у окна. – Что, проводила ухажёра? То-то же! Я же говорила, скромнее надо быть, скромнее!

– Ты о чём? – брови Маши медленно поползли вверх.

– О том! Ей бы всё кататься и за парнями ухлёстывать! Да если бы не я... – набрав в лёгкие побольше воздуха, подруга высказалась, – наигрались бы с тобой и выбросили!

– Ты что такое несёшь? – Машу затрясло. – Это же ты согласилась...

– Ой, хватит строить из себя кроткую овечку. В тихом омуте черти водятся, – Светка всё выкрутила так, будто это не она, а Маша повелась на поездку за город. – Спасибо тому парню. Фу, ни в жизнь с тобой никуда не поеду.

– Света, что на тебя нашло? – Мария не понимала, зачем Света выставила её в неприглядном свете перед соседками.

Всё равно б никто не узнал о случившемся.

– А то! С тобой свяжись – затянешь в неприятности!

– А-ха-ха! – хохотали девушки, не спуская глаз с Маши. – Ну ты дала, подруга! Это ж надо додуматься! Ещё и спиртного ей захотелось!

Маша переменялась в лице. Не помня себя, накинулась на Светку и схватила за волосы.

– Гадина! Я из-за тебя такое пережила, а ты! – била ладошками по лицу обманщицу-подругу. – Овца паршивая! Убью!

– Девочки, перестаньте! – Галя вместе с соседками бросилась растаскивать подруг. – Маша! Отпусти её!

Но Маша никого не слышала. С особой яростью лупила Светку и приговаривала: «Я научу тебя, как врать, зараза такая. А ещё подругой называется. Сама гуляющая, а на меня наговариваешь».

Услышав крики из дальней комнаты, воспитанницы сбегались посмотреть, кто ж так лютует и что делит.

– Надо кого-то позвать, – Галина не смогла оттащить Машу. Пытаясь оторвать её от Светки, случайно получила локтем по носу. – Мы не справимся.

– А зачем? – Валя не стала помогать. Она наблюдала со стороны и радовалась за подруг. – Светка заслужила, вот пусть и получает.

– Какая же ты, – засопела Галя и, заметив подглядывающих воспитанниц, крикнула. – Чего уставились? Помогли бы

лучше!

В комнату вошла девушка по имени Настя, грузная, высокая, с кудрявыми рыжими волосами. Засучив рукава, отодвинула Галю в сторону.

– Светка у нас давно напрашивается, – прошипела Настя. – Надоело терпеть её выходки.

Руки так и чесались составить компанию Маше, но Настя не успела. На пороге комнаты с криками «Сейчас же прекратите!» откуда ни возьмись появилась Людмила – сестра Сергея.

Как по команде девушки остановились. Маша тяжело и часто дышала, глядя на Люду. Всё лицо исцарапано, ссадины рассеялись по лбу, щекам и даже ушам. У Светы внешний вид был намного хуже. Левое веко опухло и нависло, не давая глазу видеть полноценно. Взъерошенные волосы напоминали вид потрёпанной метлы, которой машут дворники на улице. Платье треснуло в нескольких местах, и через прорехи виднелась комбинация.

– Девочки, вы что здесь устроили? – Людмила не верила своим глазам. Две лучшие подружки затеяли драку, да ещё какую. Практически со всего этажа сбежались девушки, чтобы поглазеть. – Маша, я была о тебе лучшего мнения.

– Я рада за тебя, – пыталась отдышаться девушка. – Только ты ошибаешься, как и все они.

Мария показала рукой на соседок.

– Да мы поняли, что она врёт, – Юлия чувствовала себя

виноватой перед Машей. – Мы просто ждали, как далеко она зайдёт со своими сплетнями.

– Я же говорила, Света тебя ещё подставит, а ты не верила, – Галина высказывалась тихо и ровно. – Извини нас, Маш, мы не хотели.

– Зато ты убедилась, насколько она подлая, – поддакнула Юля.

– Ну, спасибо всем вам, – смахнув пот со лба, Маша подошла к Людмиле. – Ты зачем пришла?

– Пригласить на мой день рождения.

– А почему Сергей промолчал?

– Он забыл, – Люда опустила глаза. – Какой-то он сегодня не такой. Девочки, вы не знаете, что с ним происходит?

– Они с Олегом повздорили, – присоединилась к разговору Светлана.

– Да? Удивительно. Они никогда не ссорились... – задумчиво сказала Люда и осмотрела Свету оценивающе. – М-да, девочки. И как же вы в таком виде появитесь у меня?

– Так когда праздник? – из-за радости от предстоящей встречи с Серёжей у Светки приоткрылся левый глаз.

– Послезавтра. – вздохнула Людмила.

– И Сергей там будет? – покосившись на Машу, спросила Света.

– Пока не знаю. Он собирался уехать...

– Куда? – у Светки задрожал голос. Так хочется привязать к себе Серёжу, но он особо не обращает внимание, и девушка

это чувствует.

– Скромнее надо быть, скромнее, – ехидным голосом сказала Маша слова подруги.

Светлана фыркнула и направилась к выходу.

– Да разойдитесь вы уже, – растолкала зевак и отправилась в неизвестном направлении.

Девчонки постояли и поняли – здесь делать нечего, драка закончилась.

– Неужели жаловаться побежала? – Галина насторожилась. – Как некрасиво...

– Пусть только попробует, – Настя помахала кулаком в воздухе. – Хватит на неё смотреть, пора перевоспитывать.

– Если сюда прибежит Аллочка – пиши пропало, – Юля сникла. – Она не разбирается, кто прав, наказывает не только маленьких.

– А свидетели нам на что? – Настя была готова прямо сейчас броситься в бой и доказывать вину Светки. – Девочки, не надо быть трусихами.

– Аллочку не волнует. Аллочка не судья. Она палач – и этим всё сказано, – Юлия бросила короткий взгляд на закрытую дверь, ожидая приход злой воспитательницы.

– Пускай жалуется, – махнула рукой Маша и посмотрела на себя в зеркальце. – Всё равно она мне больше не подруга. Зря я вас не слушала, – потрогав болящие места, девушка предложила Люде присесть.

– Нет, спасибо. Поеду, а то мама волноваться будет, –

Люда чмокнула Машу в щёку. – Надеюсь увидеть на моём празднике жизни.

– Обязательно, – подмигнула подруга. – Я тебя провожу до выхода.

Сопровождая Люду на первый этаж, Маша собрала волосы в пучок. Спустившись вниз, обратила внимание на Светку, которая разговаривала по телефону и кокетливо подёргивала плечами. Вахтёрши на месте не оказалось. Проходя мимо, Мария услышала только одну фразу: «Машка? Конечно придёт. Она ж без меня никуда».

– До свидания, Света, – Люда отвлекла девушку, чтобы попрощаться. – До послезавтра.

– И тебе пока, – Светка искоса посмотрела на Машу, зажав ладонью нижнюю часть телефонной трубки.

Как только девушки отошли чуть подальше, Света приложила трубку к уху и продолжила разговор.

– Нина Михайловна, я очень надеюсь на вашу поддержку... Да, вы правы... Я и подумать не могла, подруга всё-таки...

Глава 15

Последние два дня Маша и Света не общались, сторонились друг друга и делали вид, словно никогда не были подружками. Собираясь на день рождения Людмилы, Света прихорашивалась и напевала знакомую всем мелодию: «У моря, у синего моря...», как бы издеваясь, зная, что Маша мечтает побывать на море.

– Ну и язва же ты, – Галя не выдержала. – Специально делаешь?

– Ты о чём? – Светка прикинулась, будто не понимает, о чём речь.

– Море... море...

– Красивая песня, правда? – Света покосилась на соседку. – Про любовь.

– А я о другом слышу, – убирая тетрадки в тумбочку, сказала Галя.

– Ну, а я-то тут причём? – Света уложила волосы, взяла сумочку и хихикнула. – Ха! Всем до свидания!

И вышла из комнаты, неприлично виляя бёдрами.

– Стерва, – Юлия с обидой в глазах посмотрела на Машу. – Ей всё равно. Ведёт себя так, словно ничего не случилось.

– Ну и пускай, – Маша взглянула на часы. Праздник начнётся через три часа. Зачем Светка поехала так рано?

Света – себе на уме. Ей вздумалось расположить к себе

Нину Михайловну, поэтому отправилась пораньше, чтобы помочь накрыть стол.

– Здравствуйте, – поздоровалась Света, как только дверь открылась.

– Добрый день, Светочка, – Нина впустила девушку в квартиру.

– Поздравляю вас с днём рождения Людочки, – протянула коробку конфет и открытку. – Ничего, что я пораньше?

– Ой, спасибо... – женщина немного растерялась. – Не нужно было...

– Вот, решила оказать вам мои услуги, – девушка сняла обувь и пальто. – Всё-таки праздник. Вам нужны лишние руки?

– Это так мило с твоей стороны, – Нина улыбнулась. – У меня уже почти всё готово. Осталось только нарезать хлеб, приготовить соус и украсить...

– Я всё сделаю, – прошмыгнув в кухню, Светлана схватила фартук. – Нина Михайловна, а Серёжа будет?

– Обещал, но пока не знаю. Он не любит дни рождения. И свой не отмечает. Ох, Светочка, мне покоя не даёт твой вчерашний рассказ о Маше. Подумать только...

– Я сама удивляюсь, как она могла так сильно измениться, – Света положила разделочную доску на стол, а на неё – хлеб. – Как говорится, тихая только с виду, а внутри...

– М-да-а, – вздохнула Нина и села на стул. – А я думала, что у них с Серёжей может что-то получиться.

Светка посмотрела на хозяйку со злостью в глазах и тут же переменялась в лице: улыбнулась и нежно сказала:

– Нина Михайловна, Сергей достоин лучшего. Он такой добрый, внимательный. Ему нужна такая же девушка.

– Ты верно подметила – добрый, – женщина потянулась к холодильнику. – Ну что ж, скоро гости придут, пора накрывать на стол.

Гости приехали вовремя. Нина встретила дочь и её подруг, усадила за стол, позвонила мужу на работу, чтобы уточнить, во сколько он приедет.

– Задержусь, дорогая. У меня важное совещание, – ответил Пётр. – Начинайте без меня.

Положив трубку, Нина услышала звонок в дверь.

– Иду, иду, – Нина ожидала увидеть сына, но, повернув ключ в замке, нахмурилась.

– Нина Михайловна, здравствуйте, – на пороге квартиры стояла Маша с цветами в руках. – С праздником вас.

Только хотела войти, как женщина её остановила.

– Машенька, ты меня извини, но тебе здесь не место, – строго сказала мать Люды. – Я попрошу тебя уйти.

– Почему? – опешила девушка, округлив глаза.

– Давай мы не будем выяснять отношения в такой день, – Нина закрыла дверь на половину. – Забудь сюда дорогу, пожалуйста.

– Извините, Нина Михайловна, но что случилось? – у Маши навернулись слёзы на глазах. – Объясните.

– Уходи, – Нина захлопнула дверь и выдохнула.

– Мама, кто там? – Людмила вышла из комнаты, ожидая очередную гостью.

– Соседка, – сглотнула Нина. – Ты иди, доченька. Некрасиво оставлять гостей одних.

– А ты?

– Пойду прилягу. Празднуйте без нас. Папа задерживается, а я очень устала, – приложив руку ко лбу, женщина отправилась в свою комнату.

Люда вернулась за стол. Взглянув на часы, сказала:

– Странно, Маша никогда не опаздывает.

– Плохо ты её знаешь, – Света сделала глоток яблочного сока. – Я бы посоветовала присмотреться получше.

– Мне кажется, ты преувеличиваешь, – Людмиле не понравились слова Светы. – Я в людях никогда не ошибаюсь.

– Не буду тебя переубеждать, сама всё увидишь. Позже, – хитрая Светка строила каверзные планы.

Маша неторопливо шла по улице, опустив букет вниз. Неловкость и досада всё-таки заставили заплакать. Вытирая слёзы, девушка вспоминала слова Нины Михайловны: «Забудь сюда дорогу...»

– Что же случилось? – повторяла Маша на ходу. – Даже разобраться не дали...

– Привет! – прозвучал мужской голос совсем рядом.

Маша подняла голову. Это был Сергей.

– Привет, – девушка часто заморгала, чтобы Серёжа не по-

нял, почему она плачет. – В глаз что-то попало.

– Тебе в другую сторону.

Маша ничего не ответила, сунула букет парню и пошла дальше.

– Не понял, – у Серёжи вытянулось лицо. Догнав Машу, взял за руку. – Что с тобой? Сама не своя... Обидели?

– Нет. Просто у меня нет настроения. Да и голова разболелась.

– Подожди, у моей сестры день рождения.

Маша смотрела на Сергея и не знала, как сказать, что её не впустили в дом. У Серёжи очень дружная семья. Вряд ли поверит, что мама её выгнала. Ничего не придумав, выпалила:

– Я Свету ждала... А её нет.

– Так пойдём вместе, если одна стесняешься. Люда только о тебе и говорит. Она ждёт.

Маша постояла с минуту, подумала и решила: если уйдёт – придётся объясняться с Людой, а если вернётся – Нина не сможет устроить скандал при всех. Она не тот человек. Слишком уж воспитана. Посидеть минут пятнадцать, чтобы порадовать Людмилу, и уехать.

– Хорошо, – кивнула головой.

Заходя в квартиру, Сергей громко позвал сестру. Люда вышла навстречу и завизжала от радости.

– Машенька, я думала, ты уже не придёшь! Проходи! – обнимала подругу.

– А это тебе от Маши, – Сергей протянул букет и сразу же достал из кармана куртки цепочку из бусин. – А это от меня.

– Спасибо! – довольная Людмила расцеловала брата и подругу.

Услышав голос Серёжи, Света поторопилась к выходу.

– Наконец-то, – увидев Машу, нахохлилась. – А ты чего пришла? Разве Нина Михайловна не выпроводила вон?

– Что-о? – улыбка с лица Люды исчезла моментально. – Что ты сказала?

Светку будто окатили ледяной водой. Глаза забегали, язык онемел.

– Ма-ам! – крикнула Люда в сторону спальни. – Подойди сюда, пожалуйста!

Светлане резко захотелось сбежать и спрятаться.

Нина Михайловна не отозвалась и не вышла к детям. Люда позвала ещё раз и, не дождавшись маму, пошла в комнату. Через секунду выбежала с криком: «Сергей, вызови скорую!». Гости всполошились. Что делать? Чем помочь? Сергей ринулся в спальню. Мать лежала на спине и тяжело дышала.

– Мама, что с тобой? – заволновался сын, схватив женщину за руку.

Нина смотрела на Серёжу, пытаясь что-то сказать. Побледневшие губы дрожали.

– Я сейчас, мамочка, сейчас, – парень выбежал в коридор,

чтобы позвонить.

Через пятнадцать минут приехала карета скорой помощи. Врач осмотрел женщину и сделал укол.

– Что с ней? – чуть не плача спросила Люда, стоя у двери маминой спальни.

– Давление, – доктор закрыл саквояж и встал. – Необходимо госпитализация.

В это время вернулся Пётр. Увидев растерянные лица, понял – у жены приступ.

– Почему мне не позвонили? – рассерженный отец бросил портфель на пол.

Люда пожала плечами, не зная, что ответить.

– Пап, всё случилось неожиданно... Мы не знали...

– Не знали они. В первый раз, что ли? – вошёл в комнату и закрыл за собой дверь.

Несколько минут молодые люди слушали разговор Петра Игоревича и врача. Как только дверь открылась, все замерли.

– Я еду с Ниночкой, – строго предупредил папа. – Ей необходимо пройти лечение.

Люда засуетилась. Собирая вещи для мамы, она роняла слёзы и пребывала в некой растерянности.

– Давай помогу, – Маша подошла к подруге. – Что нужно сделать?

– Я не знаю... – у Люды опустились руки. Её потерянный взгляд напомнил Маше, как когда-то маму Иру забирали в больницу и маленькой девочке пришлось самой соби-

рать сумку. – Нужно сменное бельё и полотенце.

Людмила посмотрела на подругу с такой благодарностью, что у Маши заколотилось сердце от жалости. Сергей в это время помогал укладывать мать на носилки. Гости потихоньку расходились, чтобы не мешать. Девушки говорили слова поддержки и обещали позвонить вечером, чтобы узнать о состоянии Нины Михайловны. Только Светка никуда не ушла. Стоя у стены в прихожей, она смотрела на сложившуюся ситуацию выпученными глазами и думала: «Вовремя, прости господи, иначе несдобровать. Вот и причина стать ближе к Сергею...». Не говоря ни слова, девушка начала убирать со стола и наводить порядок. Жаль, конечно, что праздник закончился так быстро, но лучше так, иначе разразился бы скандал. Ещё и Машка припёрлась. Нина должна была её выгнать, как и обещала. Не гоже впускать в дом недостойных. Репутация семьи создавалась годами. Пётр Игоревич на хорошем счету в своей конторе. Его уважают и ценят, как отзывчивого и справедливого человека, занимающего должность директора мебельной фабрики.

Проводив мать и отца, Люда с братом и Машей вернулись в квартиру. Услышав, как вода льётся в кухне, Сергей пошёл посмотреть. В квартире же никого не осталось. Кто бы это мог быть?

– А-а, это ты, – Серёжа сел на стул. – Почему не ушла, как все?

– Я же не могу бросить вас в трудную минуту, – Светлана

мыла тарелки. – Какие же мы друзья после этого...

– Тоже верно, – парень громко вздохнул. – Отец останется там допоздна. Надо будет забрать...

– Я с тобой поеду, – Света поставила чистую тарелку на стол. Вытерла руки и присела рядом. – Серёжа, ты всегда можешь на меня положиться, слышишь? Я помогу...

– Да чем ты можешь помочь? – махнул рукой Сергей и приподнялся.

– Я для тебя всё сделаю. Всё, что хочешь, – Света встала перед любимым и с такой нежностью посмотрела в его глаза, что Сергей опешил.

– Спасибо, – прошептал и положил руки на плечи девушки.

В кухню вошли Люда и Маша. Серёжа убрал руки и устался на девушек. Брат с сестрой уже забыли о том, что мама выгнала Машу. Не до разборок сейчас. Мама в плохом состоянии. Одна надежда на врачей. Людмила молча поставила чайник на плиту и зажгла конфорку.

– Папа обещал позвонить, – отрешённо произнесла Люда. – Надеюсь, всё обойдётся.

– Надо верить, – Маша пыталась поддержать подругу. – Она молодая, крепкая.

– Такое уже было, – Сергей занял своё место за столом. – Тоже вовремя успели. Так нельзя говорить, но Люда удачно простудилась и осталась дома.

– Зря ничего не делается, вот и сейчас... – ляпнула Свет-

ка, не подумавши, и тут же замолчала.

Люда и Маша посмотрели на девушку изумлёнными глазами. Света осознала свою ошибку, надо было по-другому сказать. Эх, язык без костей.

Поздно вечером Сергей собрался ехать за отцом. Светка увязалась за ним под предлогом того, что Серёже не стоит ехать одному в таком состоянии. Люда предложила подобрать девчонок до интерната, а оттуда отправиться в больницу. Все дружно согласились. Света наглым образом заняла своё коронное место на переднем сиденье. Люда на это ничего не сказала. Присоединившись к Маше на заднем, старалась не плакать и не нагнетать обстановку.

– Серёжа, заезжай за мной завтра, – вдруг заговорила Светка. – Я хочу навестить Нину Михайловну.

Сергей ничего не ответил. Кивнул головой и повернул руль направо. Притормозив у ворот интерната, не вышел из авто. Попрощался и остался ждать, когда сестра проводит подруг до калитки.

– Ты только не раскисай, – подбадривала Маша. – Если хочешь, я с тобой буду навещать маму.

– Ой, Маша, – слёзы потекли по щекам молодой девушки. – Наверяд ли пустят. Папа же сказал, она в реанимации.

– Я понимаю, но ты зови, если что, – прошептала Маша и обняла Люду. – Я всегда рядом, слышишь?

Слова поддержки придавали сил и терпения. Люда поблагодарила Машу и Свету, села в авто и помахала рукой.

– М-да, – Светка решила опять высказаться, не подумав. – Это что ж так расстроило Нину Михайловну? Даже страшно подумать, что с ней будет, когда...

– Замолчи! – рявкнула Маша, открывая дверь в здание. – Несёшь чепуху всякую!

– Ой-ой, какие мы, – язвила Светка, заходя внутрь. – Всё из-за тебя, я уверена.

***

Забрав отца из больницы, Сергей и Люда узнали, что у мамы был сердечный приступ тяжёлой формы, но врач пообещал, что и в этот раз кризис миновал. Зря он так сказал. Ночью Нины не стало.

«Теперь осталось дело за малым, – подумала Светка, как только узнала о трагедии. – Никуда от меня не денешься, Серёженька. Надо быть рядом, чтобы ты очухался».

Глава 16

На прощании с Ниной Михайловной были только самые близкие. Поминальный стол также был рассчитан на родственников и ближайших знакомых. Но Светлану это не остановило. Она полдня прождала скорбящих у дома Сергея, чтобы принести соболезнования. Прохаживаясь вдоль высотного жилого дома, девушка придумывала слова поддержки.

– Лишь бы пустили, – проговаривала вслух Света, поглядывая на дорогу. – А там всё пойдет как по маслу.

Удивительно, но интуиция не подвела. Услышав приближающиеся автомобили, Света остановилась и вытянулась в струну. Первой из авто вышла Люда в сопровождении пожилой женщины. Бедная, она еле передвигалась, будто ноги налились свинцом. Опухшие от слёз глаза смотрели в пустоту. Казалось, девушка вот-вот упадёт и больше не встанет. Даже бабуля была более энергичной. Нашёптывая что-то, старушка изредка улыбалась и поглядывала назад.

– Людочка, – хитрая Света поспешила утешить. – Люда, прими мои искренние соболезнования. Мне так жаль...

– Спасибо, – прошептала усталым голосом Людмила, проходя мимо.

– Люда, – Света не отставала. – Твоя мама была очень доброй и хорошей женщиной. Я её полюбила, как родную...

Последние слова ошарашили, и Людмила остановилась. Глядя прямо на Свету, девушка зарыдала.

– Ну, что ты? – подскочила Светка и подхватила под руку. – Я всё понимаю. Я... я...

Слов не хватало, чтобы выразить свою скорбь красиво и не ударить в грязь лицом. Света не страдала красноречием, так как не читала книг и не интересовалась ораторским искусством. Попросту говоря, ей было плевать на скудный лексикон и речевой этикет. Доказать своё «я» – вот что стояло на первом месте.

– Спасибо, – утерев слёзы, Люда обняла подругу и пригласила в квартиру. Опомнившись, что рядом нет Маши, спросила. – А разве Маша не придёт?

– Она покойников боится, – выпалила Света. – Ты уж извини её. Не такая смелая, как я.

– Понимаю, – открыв ключом дверь, Людмила вошла первой.

Из кухни послышался шум. Света напрягла слух. В прихожую вышли две молодые девушки и предупредили, что обед готов и стол накрыт.

– А кто это? – насупилась Светлана, приняв незнакомок за соперниц.

– Помощницы, – вздохнула Люда, снимая верхнюю одежду. – Папа пригласил...

– А-а, – Светке полегчало.

Следом за девушками и старушкой вошли Пётр с сыном

и ещё несколько человек. Светлана успела дать оценку пришедшим. Рослый мужчина средних лет – явно какой-нибудь директор, как и отец Серёжи. Тёмное пальто и шляпа придавали солидный вид гостю, а важное выражение лица и модная стрижка – состоятельность.

«Ну точно шишка какая-нибудь», – подумала Светлана, медленно расстёгивая пальто.

Другой незнакомец выглядел не так богато, но тоже привлекательно: коренастый, с веснушками и рыжими волосами. Плащ по колено и серая кепка ассоциировались с каким-то актёром из известного фильма. Светка дала ему кличку Карлсон. Мысленно, конечно. Оценив молодую даму в тёмных одеждах и цветастом шёлковом платке, девушка решила, что это чья-то жена из гостей, но позже поняла – это сестра Петра Игоревича. Такая же важная и серьёзная. Прямо не подойди – укусит.

– Сонечка, – Пётр прошёл в комнату. – Проверь, пожалуйста, всё ли в порядке, и отпусти девушек.

Усаживаясь за стол, добавил:

– Да! Я им уже оплатил...

Соня прошлась вокруг стола, заглядывая в каждое блюдо из-под очков и принохиваясь. Светка чуть не рассмеялась, как эта дама сначала морщила нос, вдыхая аромат блюд, а потом кивала головой, дав понять, что есть можно.

– Проводи девушек и садись подле меня, – отец Серёжи повернулся всем телом и уставился на портрет жены. – Ох,

Ниночка, как же я буду без тебя?

– Папа, ты не один, – Сергей вошёл в комнату и пристально посмотрел на Свету. – Я и Люда во всём тебя поддержим.

Людмила задержалась в ванной, чтобы умыться и привести себя в божеский вид. Усаживаясь за стол, бросила короткий взгляд на тётку Сою. Светлана смекнула – недолюбливают друг друга.

– Я бы посоветовала тебе начать с распродажи, – строго сказала Соня, обращаясь к брату. – Чем дольше вещи Нины будут лежать в квартире, тем тяжелее.

– Не сейчас, Сонечка, – Петя был раздавлен. Ему не хотелось говорить о каких-то вещах именно сегодня. – Давай оставим этот разговор. Моя Ниночка – это всё, что у меня было...

– Опять начинается, – вспылил Сергей и взял бутылку белого вина.

Через полчаса тихого обеда бабулька, которая оказалась соседкой, попрощалась под предлогом того, что ей нужно забрать внука.

– Вы уж не забывайте нас, Марья Васильевна, – Пётр провожал женщину у двери, – заходите.

– Обязательно, Пётр, – пожав руку хозяина, старушка добавила. – Крепитесь.

Застолье затянулось до позднего вечера. Ближе к восьми часам в квартиру заглянули ещё несколько человек, чтобы принести соболезнования и сказать слова утешения. Нали-

вая поминальную гостям, Сергей успел хорошенько выпить, слегка поругаться с тётей Соней и нагрубить отцу.

– Не смей повышать голос! – разозлился Пётр, ударив кулаком по столу. – Ты забыл, какой сегодня день?

– Лучше приструни свою сестру, – не отступал Серёжа. – Не приезжала столько лет, а тут...

– Сергей! Веди себя прилично! – отец намекал на излишне выпитое. – Завтра стыдно будет!

– Что же вы делаете? – не выдержала Люда. Сквозь слёзы пробормотала что-то вроде «как вы все надоели» и выбежала из комнаты.

– Довели девочку, – Соня нервно покачала головой. – О чём только думаете?

– Я сейчас, – Света вскочила из-за стола и пошла следом за подругой.

Заходя в комнату, застала Люду плачущей на кровати лицом вниз. Присела рядом и погладила по вздрагивающей спине.

– Перестань, Люда, – ей даже жалко стало девушку. – Бывает. Выпили. Повздорили...

– Нет, так не бывает, – обернулась Люда и всхлипнула. – Всю жизнь они ссорятся из-за тётки.

Захлёбываясь, Людмила привсталала.

– Поругались из-за ерунды и столько лет вспоминают...

– А что случилось между ними? – Светку проняло любопытство.

– Соня взяла меня и брата с собой на юг, когда я ещё маленькая была... – выдохнув, девушка достала из прикроватной тумбочки носовой платок. – Я сбежала, а они меня искали.

– О-о, теперь понятно.

– Мама не простила Соню и запретила приезжать к нам, – высморкавшись, Люда продолжила. – А она всё на Серёжу свалила. Мол, увёл меня куда-то и вернулся один. А сама... Сама...

– Неужели с хахалем была? – предположила Света.

– На пляже познакомилась с каким-то, а про нас забыла...

– Знаешь, а я бы не простила, – с гордостью сказала Света. – Берёшь детей – носи ответственность.

– Уже прошло больше десяти лет. Зачем злиться? Ничего же не случилось?

– Ну-у, мало ли, – задумалась подруга. – А если бы случилось, тогда что?

– Если бы да кабы, – передразнила Люда и улыбнулась. – Как хорошо, что ты пришла, Света. Мне полегче стало.

– Я знала, что должна прийти. А как иначе? Ты же подруга мне, – прищурила глаза и обняла девушку за плечи.

Через несколько минут в комнату заглянул Серёжа. Его довольное подвыпившее лицо развеселило Люду.

– Ты такой смешной, – захихикала сестра. – Никогда тебя пьяным не видела.

– М-да, перебрал маленько, – растянул слова парень

и подмигнул Светке. – Ну что, красавица, довезти тебя до дома, или здесь останешься?

В голове у Светы помутилось. Да неужели? Подвезти? Сам? Хорошая идея. Остаться?

– А где я буду спать? – радости девушки не было предела.

– Хочешь, с Людой, а хочешь... – почесав затылок, Сергей задумался. – Ну-у...

– Можно в гостиной постелить, – предложила Люда, вытерев нос.

Через два часа, когда все уже улеглись, Светлана вышла из комнаты и прошмыгнула в спальню Сергея. Пётр и Люда до того устали, что легли спать пораньше. Оно и понятно. Моральное истощение дало свои плоды. Надо хорошенько выспаться и набраться сил. Открыв тихонечко дверь, Света вошла и встала как вкопанная.

– Ты чего? – Сергей ещё не спал. По привычке читал книгу на ночь с фонариком, как в детстве.

– Мне одной страшно, – прошептала девушка и демонстративно всхлипнула. – Можно я с тобой полежу?

Сергей напрягся, но отказывать не стал. Ох, Серёжа, если бы ты знал, насколько подлая девушка Светлана, расчётливая и хитрая – не влез бы туда, откуда посыплются проблемы, как град на голову.

Глава 17

Вернувшись в интернат, Светлана влетела в комнату и с разбегу прыгнула на кровать. Девушки посмотрели на соседку с недоумением.

– Ты чего такая счастливая? – спросила Галя, проглаживая воротничок блузки. – И где была?

– Где была – меня там уже нет, – хихикнула Света, раскинув руки.

– Изольдовна предупредила, всех сажают на карантин с завтрашнего дня.

– Чего это вдруг? – приподнявшись на локтях и вытянув шею, Света нахмурила брови.

– Младшие какую-то инфекцию подцепили. Их на месяц, а нас пока на две недели.

– Здравсте-пожалуйста, – не выходить две недели на улицу не входило в планы девушки. Света села, покрутила головой и, обратив внимание на соседнюю койку, спросила. – А эта где?

– На почту пошла.

– А-а, мамашке письмо отправлять, – вспомнила Света беседу между девочками. – Её за порог, а она в ножки кланяется.

– Зря ты так, – Юлия закончила делать уроки. – Её впечатлил внезапный уход мамы Людмилы.

– Кстати, а когда похороны? – Галина подняла блузку повыше и встряхнула.

– Не знаю, мне об этом ничего не известно, – не боясь разоблачения, ответила Света и встала на ноги.

– Так где ты была всю ночь? Мы больше не будем прикрывать твоё отсутствие в школе. Иначе и нам попадёт, – повесив одежду в шкаф, Галя сложила покрывало, на котором гладила. – Дойдёт до Изольды – всем несдобровать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.